

**Академия наук Республики Таджикистан
Институт истории, археологии и этнографии
имени Ахмада Дониша**

ГУЗЕЛЬ МАЙТДИНОВА

Посвящается 20-летию независимости Республики Таджикистан

**ГОСУДАРСТВО КИРПАНД –
ИМПЕРИЯ В СРЕДИННОЙ АЗИИ**

Ответственный редактор: академик АН РТ Рахим Масов.

Душанбе – 2011

**УДК 32 (09):94 /01/ (35)
М-14**

Майтдинова Гузель. Государство Кирпанд – империя в Срединной Азии.
Душанбе, 2011, с.

Ответственный редактор: академик АН РТ **Рахим Масов**

Рецензенты: доктор исторических наук **Мирбабаев А.К.**
Доктор исторических наук **Саидов А.С.**

АННОТАЦИЯ

В данной монографии впервые в истории отечественной науки проведено комплексное исследование империи Кирпанд с привлечением новейших археологических данных, письменных источников и изобразительных материалов. Государство Кирпанд – первая империя в Центральной Азии. В монографии исследуются локализация государства, хронологические рамки существования Кирпанда, эволюция государства на протяжении более 600 лет, анализируется политическая история и история дипломатии государства, а также особый акцент делается на анализе роли Кирпанда в синтезе культур Центральной Азии и развитии трансконтинентальной трассы – Великого Шелкового пути.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I. Центральная Азия в I-II веках нашей эры и начальный этап истории Кирпанда

1.1. Исторические сведения о Кирпанде и актуальные проблемы древней центральноазиатской истории.

1.2. Истоки становления государства Кирпанд.

ГЛАВА II. Политическая история Кирпанда

II.1. Укрепление могущества и международного влияния Кушанской династии

II.2. Политическая карта Центральной Азии в IY веке и роль Кидаритской и Эфталитской династий в регионе.

ГЛАВА III. Дипломатические традиции в Центральной Азии и дипломатия Кирпанда

ГЛАВА IV. Эволюция культуры Кирпанда

У.1. Роль Кирпанда кушанского периода в синтезе культур Центральной Азии

У.2. Ренессанс культуры Кирпанда в эфталитский период

ГЛАВА V. Роль Кирпанда в межцивилизационном диалоге на трассах Великого Шелкового пути

Заключение

Примечания

Список сокращений

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале III тысячелетия мир стоит перед фактом стратегически значимых изменений - возникновения и становления новых государств Центральной Азии, которые серьёзно влияют на современную внутривосточную и международную ситуацию в регионе. В этих государствах ощутима тенденция нового осмысления своего прошлого, при этом не стремясь переписать всю историю заново, но стараясь по-новому осветить известные и открыть ранее скрывавшиеся по политическим мотивам факты истории страны. Здесь в настоящее время происходят серьёзные трансформационные процессы, которые ставят перед наукой новые задачи и открывают вместе с тем новые возможности изучения и интерпретации исторического прошлого. Одним из важных проблем, на которую делают упор в своих исследованиях учёные этих стран - проблема истоков государственности, формирования менталитета народа, процесс культурогенеза, место и роль народа, его культуры в истории локальных и мировых цивилизаций и т.д. В последнее десятилетие XX века таджикская историческая наука получила доступ к источникам по истории древнейшего и древнего периода из сопредельных стран, дающих возможность для новых исторических реконструкций и восполняющих уже известные исторические факты. Особенно важны в этом плане исследования в конце XX века китайских учёных. Непрерывная многовековая историческая традиция и уникальные археологические открытия современности в некоторых случаях позволяют рассматривать до сих пор существующие исторические построения под несколько иным ракурсом, чем принято в "традиционной" науке. Одним из таких интересных научных фактов, которые стали известны науке только теперь, являются сведения о государстве Кирпанд.

В 1959 году комитетом по работе с национальностями Всекитайского народного собрания совместно с отделением философии и общественных наук Китайской академии наук, с Китайским институтом по изучению национальностей и Центральным учебным институтом национальностей была начата работа по созданию историй национальных меньшинств Китая. Для исследования были

привлечены историки, филологи, археологи, переводчики, которые начали углубленное изучение древних и средневековых источников – хранителей загадочной истории Западного края. Китайские ученые кропотливо осуществили переводы древних письменных источников, дали их первые трактовки и сделали попытку локализации древних географических названий с современными. Начавшаяся в Китае «культурная революция» остановила работу исследователей на 10 лет. И только в 1983 году была издана первая книга по истории китайских таджиков «Краткая история таджиков» (1), а в 1985 году вышла одно из самых полных изданий, посвященных Западнему краю – «Дневник о Западнему крае Великой Танской эпохи» известного буддийского паломника Сюанцзана (2)

Первые сведения о государстве Кирпанд стали известны научным кругам именно тогда, когда была издана первая книга по истории китайских таджиков на китайском языке под редакцией Шуав Жувшина, а в 1985 г. работа была издана на уйгурском языке. В создании этого издания принимали участие известные китайские учёные Люжвпин, Абдулла Султан, Ван Шуй, Мушуньен, Ли Жин, Жин Гулян, Тан Юнсан, Суй Му и др. В "Краткой истории таджиков" небольшой параграф был посвящён государству Кирпанд, его локализации в древности и раннем средневековье. Более широкое освещение истории этого государства нашло в исследовании синьцзянского учёного Курбана Ширина, посвященной культуре китайских таджиков. Ограниченная возможность пользоваться иранскими, арабскими и европейскими источниками не позволили китайским авторам сделать более широкие выводы. Не был сделан и сопоставительный анализ данных уже известных в мировой науке. На тот момент мировому научному сообществу название и само государство Кирпанд оставалось неизвестным. В 1989 году во время поездки автора данной работы в СУАР КНР впервые с исследованиями о государстве Кирпанд ознакомил один из известных ученых Китая Абдукаюм Ходжа, который долгие годы проработал сотрудником Музея Синьцзян-Уйгурского Автономного района. Велика заслуга Абдукаюма Ходжи во вводе в научный обиход множества древних, средневековых письменных и археологических источников и немало сделал он для исследования

кирпандского государства. В своей работе «Западный край: древняя культура», изданной в 1995 году в Урумчи, Абдукаюи Ходжа дает обстоятельный анализ Кирпанда. В 2010 году таджикский исследователь-китаист Л.В. Адамчук завершила перевод книги «Таджики: народные обычаи и культура», подготовленная китайской редакцией «Библиотечка: народные обычаи и национальная культура Китайского Синьцзяна», где даны сведения китайских хроник о Кирпанде. (3)

Впервые краткий научный доклад о государстве Кирпанд и о его отождествлении с уже известными историческими данными был сделан автором на Ученом Совете Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан в 1994 году. В 1998 году, выступая на научной конференции в Российско-Таджикском (Славянском) университете, автор впервые научно обосновал тезис о Кирпанде как о первой империи, возникшей в самой Центральной Азии. Затем были опубликованы исследования автора по проблемам Кирпанда в отечественной и зарубежной СМИ, в изданиях Таджикистана, России, Японии. (4) В 2010 году автор выступил с докладом о роли Кирпанда в синтезе культур на трассах Великого Шелкового пути на Международной конференции, организованной Китайской Академией естественных наук и Институтом истории АЕН СУАР КНР (г Урумчи, 19-20 августа 2010 г.).

Теперь имеется факт, что существуют источники, свидетельствующие о существовании в Центральной Азии государства Кирпанд, с более шестисотлетней историей и с традициями государственности. "Долгожитель" не был известен отечественной науке, поскольку до недавнего времени исторические построения строились на основе археологических, на скудных нумизматических и отрывочных письменных данных, пока Китайская Академия наук не начала пристально изучать письменные источники, касающиеся истории таджиков Китая и не сделала достоянием науки название государства – Кирпанд и не получила дополнительные сведения о Западном крае. Между тем, в отечественной и зарубежной науке неоднократно исследователи подчеркивали условность названия древних государственных образований в Центральной Азии (например, известный исследователь Центральной Азии Б.Я.

Ставиский ввел в науку термин «Кушанская Бактрия», подчеркивая, что это «условно и временно до будущих эпиграфических находок». Он писал, что «...**поскольку местное название ее в то время пока не известно**, допустимо и далее обозначать эту область как Бактрию кушанского периода или, для краткости, как кушанскую Бактрию...») (5)

Существование государства Кирпанд столь длительное время, в котором сменялись кушанская, кидаритская, эфталитская династии, создавшие фундамент государственности многих народов Центральной Азии, может явиться предметом пристального внимания исследователей, особенно таджикских, так как эта империя была создана предками таджикского народа. И сегодня, в свете новых исследований XX века, в области археологии возникает проблема суммирования данных, их исторической интерпретации, но уже в рамках известного государства Кирпанд. Сама эпоха, новые научные открытия и новые подходы к историческим исследованиям требуют необходимости создания истории Кирпандского государства. Данная монография - первое комплексное исследование кирпандской империи. Кроме того, эта попытка привлечь внимание к проблемам "известным" и в то же время преданных забвению (как кушанская проблема) и акцентировать внимание к новым открытиям, которые дают решение многих проблем древнейших государственных образований в Центральной Азии, раскрывают истоки становления государственности в регионе. Автор считает, что данное исследование – только начало исторических изысканий по истории Кирпанда. Проблемы социально-экономических отношений, проблемы этногенеза и этнической истории народов Кирпанда, исследование обычаев и традиций населения империи автор не затрагивал в монографии, считая, что эти вопросы в будущем могут быть объектом отдельного, более обширного исследования. Многие проблемы истории этого загадочного государства носят еще дискуссионный или гипотетичный характер, так как это связано состоянием известных к настоящему времени источников. Многие актуальные проблемы истории Кирпанда могут быть разрешены по мере открытия новых исторических источников, поэтому некоторые направления исследований этого государства автором лишь обозначены.

ГЛАВА I. Центральная Азия в I-II веках нашей эры и начальный этап истории Кирпанда

1.1 Исторические сведения о Кирпанде и актуальные проблемы древней центральноазиатской истории.

Первые сведения о государстве Кирпанд донесли до наших дней древнекитайские источники. Как известно, китайские хроники не только вели непрерывную фиксацию истории правления своих императорских династий в течение тысячелетий, но и подкрепляли записи сведениями о странах, далеко лежащих на западе, с которыми древний Китай имел дипломатические и торговые отношения. Китайские исследователи сведения о государстве Кирпанд почерпнули из путевых заметок буддийских паломников, совершавших вояж в Индию, в центральноазиатские царства, а также из сообщений первых посллов императора Поднебесной.

Топоним «Кипанту»(Herantuo) и «Кирпанд» впервые встречается в китайских источниках IУ века. В период Северных династий (386-534 годы) дуньхуанский паломник Сун Юн (IV в.) побывал во время своего путешествия в одном из памирских владений государства Кирпанд и отметил, что оно находится на Памире. Другой буддийский путешественник, Сюанцзян в 629 году находился в государстве Кирпанд пять дней. В своём "Дневнике о Западном крае Великой Танской эпохи" (641 г.) он подробно описал природу края и дал характеристику княжеств. Сюанцзян особо выделяет Кирпанд как одно из могущественных владений того времени, которое было сравнимо по мощи с Хотаном и Кашгаром и, что царство Усса (Яркенд) долгое время подчинялось кирпандскому царю. Он пишет, что когда прибыл в Кирпанд, то царство Удиен (эфталитское) подчинялось ему несколько столетий. Он отмечает, что Удиен было одним из могущественнейших царств того времени. Сюанцзян приводит факт о том, что он слышал, как кирпандский шах называл себя "потомком лучезарного солнечного принца", а население считало себя "детьми Солнца". Существует легенда, что кирпандцы произошли от союза «принца солнца» и сакской принцессы.

Название государства в китайских источниках "Кипанту" (Herantuo), а на иранском - "Кирпанд", как считают китайские исследователи, произошло из соединения двух древнеиранских слов "кир" - гора, "панд" - дорога, то есть название страны в переводе означает "Горная дорога" - государство на горной дороге. Кроме того, китайские исследователи в своих работах используют название государства «Кирпаня», исходя из древнекитайских источников. Нами принято название государства «Кирпанд», как наиболее общепринятое.

Возможно, объяснение этимологии слова «Кирпанд», «Кирпаня» дают современные источники. Например, на одном из современных памирских языков - шугнанском языке, понятие «кёр пёнд» означает «слепая дорога». Возможно, оно указывает на труднопроходимые пути, которые сформировались здесь еще в древности. В отдаленных северных штатах Индии, некогда входивших в государство Кирпанд, в настоящее время сохранились достаточно многочисленные реликты древней культуры. Осколок некогда могущественного государства Кирпанд, видимо, сохранился в современном индийском штате Джамма - район Кирпан. Слово «Кирпан» на индоарийском языке означает «кинжал», который носят за пазухой пенджабцы-сикхи (носители языка пенджаби, относящийся к индоарийской подгруппе индоиранской группы индоевропейской языковой семьи). Как правило, во всех изобразительных источниках мужчины-кирпандцы изображены с неизменным атрибутом – кинжалом на боку. Кирп-аня – здесь, например, слово «аяна» опять же на пенджаби означает «дом». (Исследователи, к примеру, название штата Харияна объясняют так: «Хари – имя бога Вишну», а «аяна – дом», то есть название штата переводится как «проживание бога Хари», кстати, этот топоним тоже сохранившийся осколок древнего наследия). Возможно, Кирпаня означает «страна (дом) носителей кинжала».

В источниках не сохранилась хронология становления Кирпанда. Китайские источники время становления этого государства относят ко второй половине I - начала II века. (1) Хотя письменных свидетельств времени его основания нет, но имеются косвенные данные. Известно, что кирпандский правитель Виюшах привёз буддийского святого Туншо в эпоху деятельности китайского

военачальника Бан Чао (32-102 гг. н. э.), о котором сохранились сведения в связи с его деятельностью в окрестностях Кашгара. Ширин Курбан пишет, что время деятельности Туншо в Кирпанде соответствует эпохе кушанского шаха Канишки. (2) Дата правления Канишки долгое время в науке было предметом дискуссий. Китайские исследователи считают, что Канишка правил во второй половине I века н.э.

Сенсационное открытие в селении Рабатак (провинция Баглан, Сев. Афганистан) эдикта царя Канишки на бактрийском языке проливает свет на датировку Кирпанда. Правление Канишки в свете нового открытия согласно исследованиям английского учёного

Монета Вимы Такто

Д. Крибба датируется 100-126 или 120-146 гг. А время деятельности Бан Чао, в соответствии с датировкой Д. Крибба хронологии правления кушанских царей, совпадает с эпохой правления кирпандского правителя Вима Такто – Виюшаха. Видимо, буддийского святого доставил в Кирпанд Вима Такто. Сюанцзын в «Дневнике о Западном крае Великой Танской эпохи» свидетельствует о том, что «... в ранний период существования царства Нерантуо его правитель пошел походом на соседнее североиндийское княжество... захватил в плен юного правителя, монаха высокого ранга, и привез его в Кирпанд, а свой королевский дворец перестроил, превратив в буддийский монастырь, пригласив буддийских монахов для обучения и проповедования буддийских канонов. Правитель Кирпанда был праведным и верным последователем буддизма, внешне невозмутимым и степенным, постоянно изучающим три сокровищницы буддизма. Будучи государственным мужем, он стремился к справедливости, неустанно постигал буддийские истины, основал более десятка монастырей с более чем 500 монахами». (3) Именно при Виме Такто началось укрепление позиций буддизма в стране и распространение буддийской культуры.

Исследования известного таджикского ученого Д. Довуди нумизматических источников вместе с письменными данными тоже подтверждают выводы английского ученого о дате правле-

нии Канишки. Д. Довуди считает, что Канишка правил в 105- 128 гг. н.э.(4). Если взять за точку отсчёта становление Кирпанда первая половина I в. до н.э. - начало I в. н.э. (См. подробно о датировке далее.), то распад остатков Кирпандской империи относится к 713-727 годам, тогда, когда, по китайским источникам, правитель Кирпанда Фио Шин с частью своего населения подчинился Тибету. (5) В начале УШ в. под управлением кирпандского царя сохраняется только первоначальное ядра Кирпанда – Верхний Тохаристан и прилегающие к Ташкургану (СУАР КНР) территории. С этого момента государство исчезло с исторической арены.

В источниках о пределах государства Кирпанд имеются разноречивые сведения, но это, видимо, связано с одновременностью данных, когда границы государства в силу политических обстоятельств менялись. Китайские исследователи, ссылаясь на 12 главу "Дневника о Западном крае Великой танской эпохи", пишут, что кирпандское государство добилось наибольшего могущества в эпоху Южных и Северных династий (эпоха Южных и Северных династий - 317-589 гг. - примеч. Г.М.), когда границы Кирпанда простирались: на Западе - до Хорезма, на севере - до Кашгара, на юге охватывал Кашмир, (6) на востоке - до Кагылыка (СУАР КНР). Но эти границы Кирпанда совпадают хронологически и территориально с пределами Кушанской империи, а затем и Эфталитского государства.

Дискуссионным является вопрос вхождения в состав кирпандской империи в кушанский период территории Согда и Хорезма. Некоторые исследователи полагают, исходя из сотен находок кушанских монет в Хорезме, что существовал сюзеренитет империи над Хорезмом, но не оспоримым является приоритетность хозяйственно-культурных связей с Бактрией-Тохаристаном. Как считает Б.Я. Ставиский «... политический статус Хорезма в кушанскую эпоху установит еще не удастся, так как прямолинейно- однозначное утверждение о вхождении этой области в состав Кушанской империи уже не может быть принято, однако полностью отвергнуть его было бы неверно» (7).

Господство кирпандцев (начало I в. до н.э. –УП - начало УШ вв.) в Центральной Азии в науке совпадает со временем правления здесь кушан - кидаритов - эфталитов. В исторической науке назва-

ния государств - "Кушанское государство", "Кидаритское государство", "Эфталитское государство" получили по наименованию известных монет правителей – царей Кушана, Кидары и Эфталана, а также по письменным данным персидских, византийских и других источников. Название государств, где правили Кунанская, кидаритская, Эфталитская династии, не было известно науке и на монетах они тоже не обозначены. Между тем, как считает известный исследователь Центральной Азии Э.В. Ртвеладзе, домусульманской нумизматике Средней Азии было присуще в течение многих лет выпускать монеты от имени основателя династии Кушанидов - Кушана. И как показали многолетние исследования учёного, на монетах в этом регионе никогда не проставлялись этнические или племенные названия, а только имя, титул и иногда эпитеты правителей.(8) Скорей всего название "кидариты", также как и "эфталиты" они получили по наименованию династий шахов Кидара и Эфталана, которые были основателями соответствующих династий. Пока проблема существования хионитской династии остаётся дискуссионной, хотя имеются археологические находки монет с надписью «хион». Но большинство исследователей отождествляют хионитов с эфталитами.

В китайской исторической науке господство кушан, кидаритов, эфталитов в Центральной Азии рассматривается независимо от истории функционирования государства Кирпанд. В соответствии с китайской исторической традицией эти государства как бы существовали параллельно с кирпандским государством, хотя занимали одну и ту же территорию и функционировали в рамках одних и тех же хронологических рамок. На наш взгляд, кушанская, кидаритская, эфталитская династии последовательно правили в государстве Кирпанд.

Централизованное государство кушан в китайской исторической традиции продолжали называть Государством Юэчжей – по названию народов-основателей Кушанского государства. Соседние с кушанами государства Центральной Азии их называли по имени основателя династии –Кушана. Только тогда, когда китайские исследователи начали вплотную изучать хроники ханьской и танской эпох, касающиеся древней истории предков китайских

таджиков, стало известно название древнего государства – Кирпанд.

История Кирпанда делится на три крупных исторических периода – кушанский, кидаритский, эфталитский периоды.

Как известно, до настоящего времени не было известно науке название древнего государства, в котором они появились на исторической арене. Этому не противоречат и исторические факты, известные в современной науке. До сих пор остается предметом дискуссий дата распада Кушанской империи. Только по нумизматическим данным (других письменных источников не найдено) учёные строят свои исторические построения о существовании в IV в. сасанидского наместничества на кушанских землях, после упадка самой империи. Исследователей натолкнул на мысль о существовании сасанидского наместничества факт чеканки денежных знаков по образцу сасанидских и кушанских монет, хотя титулатура на легендах составлена на двух языках (на среднеперсидском и господствующем в Кирпанде -бактрийском): "Царь кушан", "Великий царь кушан" или даже "Великий царь царей кушан". Твёрдо можно считать установленным, что при сасанидском шахиншахе Шапуре II, правившем Ираном с 309 по 379 гг. действительно на кирпандских землях существовало кушано-сасанидское наместничество. (9)

По нумизматическим данным, российский исследователь В.И. Вайнберг относит вытеснение Сасанидов из этих земель совместными усилиями хионитов и кидаритов к концу 80-х годов IV в. К этому же времени она относит возвышение эфталитов на востоке Тохаристана. (10) Скорей всего, во второй половине IV века, недолго, после упадка династии Кушана, существовало в Кирпанде сасанидское наместничество, которое свергли кидариты, а затем здесь правили эфталиты. Кидаритов и эфталитов китайские источники считали родственными народами и являлись они, видимо, потомками саков.

Первоначальная локализация кидаритов и е-да (эфталитов) на Памире и Припамирье, представленная уже в конце 50-х годов, сначала А.Н. Бернштамом, а затем, в наиболее развёрнутом виде, на основании хронологических вычислений К. Еноки, не была принята официальной исторической наукой того времени по поли-

тическим мотивам. Несмотря на бесспорные факты, проблема была предана забвению, а родину этих народов то и дело локализовывали в разных частях Центральной Азии и даже в Восточной Европе.

В своё время Мандельштам А.М. отождествлял эфталитов с хионитами, которые большей частью обитали в Бадахшане. (11) Известный российский евразиец Л.Н. Гумилёв считал, что территория эфталитов точно локализуется "в горной стране вокруг Памира". Он полагал, что одним из предков эфталитов было племя Байди, часть которой в кушанский период (I-II вв.) перекочевала в долину Ефталъ и получила новое имя: Иеда (китайское), ефталиты (греческое), хайталъ (арабское) от названия долины или от имени первого вождя (последнее более вероятно, так как еще в 80-х годах XX века в окрестностях Кашгара (СУАР КНР) проживали абдалы-потомки эфталитов). Для обоснования своих выводов Гумилёв Л.Н. привлёк топоним "Ефталъ", "Яфталъ" - название области на берегах Пянджа в Бадахшане, (12) где, возможно, первоначально находилось эфталитское княжество и которое, как выше отмечалось, было завоёвано кирпандским шахом.

Японский исследователь К. Еноки, как выше отмечалось, тоже одновременно с Гумилёвым Л.Н. локализовал первоначальный район обитания эфталитов в Западном Бадахшане, исходя из данных китайских источников и топонима "Яфталъ". (13) Сюанцзан писал, что прошло несколько столетий, как Кирпанду покорилось У-диенское царство (эфталитское - прим. М.Г.). Очевидно, Кирпанду удалось в пору своего становления объединить не только все горные народы Памира и Гиндукуша, но и обширные территории Средней Азии и Северной Индии. На этом пространстве происходило становление первой империи в Центральной Азии во главе с Кушанской династией. Все империи (Ахеменидская, Александра Македонского), в состав которых входили в тот или иной период истории владения Центральной Азии, возникли вне пределов региона и политические институты этих империй сформировались вне центральноазиатских традиций. Именно **в рамках государства Кирпанд впервые формируются на базе местных традиций политические институты, которые станут базовыми в последующие периоды истории.**

В исторической географии Центральной Азии ядро государства Кирпанд локализуется в Бактрии – одной из ведущих историко-культурных областей древности. В «Авесте» упоминается Бактрия (Бахди) «четвертая... из лучших местностей и стран», со-творенная Ахура Маздой. Там же Бактрия описывается как «пре-красная, с высоко поднятыми знаменами».

В разновременных и разноязычных источниках область засе-ленная бактрийцами называлась: в клинописных текстах ахеме-нидского Ирана-Бахтриш, у античных авторов – Бактрия и Бак-триана, в индийских источниках –Бахлика. Китайские источники эту историко-культурную область называют Дахя/Дася, Да-юечжи и Ту-хо-ло. Название «Дахя/Дася впервые было использовано Чжан Цяном (около 130 г. до н.э.) для обозначения земель совре-менного Северного Афганистана, уже подпавших под власть ко-чевых завоевателей да-юечжи (в настоящее время в современной китайской и западной археологических источниках используют вместо «юечжи (юеджи) термин «руджи», а в транскрипции как «роуджи», считая более соответствующего древней форме слова). (14)

Термином да-юечжи (роуджи) Чжан Цян обозначал как племя или народ, так и район их расселения к северу от Амударьи, а ав-торы «Ханьшу» и «Хоуханьшу» -пришедшее сюда племя или на-род, область их обитания к северу и к югу от Амударьи и Кушан-ское государство в целом. Причем летописцы ясно осознавали, что применение понятия к Кушанскому государству было чисто ус-ловным: «Соседние государства называли его гуйшуанским госу-дарем, но китайский двор удержал прежнее его название-Большой Юечжи».(15) В китайские источники донесли до наших дней на-звание древнего государства Нерантуо (Кирпанд) на восточно-иранском языке – на языке автохтонного населения Центральной Азии. **Источники Срединной империи определяют и переводят название государства на языке местного населения и, очевидно, топоним «Кирпанд» - самоназвание этой империи.**

Топоним ту-хо-ло восходит к обозначению кочевого племени (народа) тохаров, известных по античным, китайским источникам. Термин ту-хо-ло и да-юечжи носил не только этнический, но и географический характер, но в отличие от да-юечжи выражение

«ту-хо-ло» обозначал не политическое, а этнокультурное единство. Термины ту-хо-ло и Тохаристан имели ярко выраженный этнокультурный характер и отражали название народа тохаров и занятой ими области. В научной традиции принято определять понятие «Тохаристан» -как название историко-культурной области. В узком географическом смысле тысячелетия назад Тохаристан прилагался к области между Балхом и Бадахшаном, именовавшейся также Нижним Тохаристаном. Под ним, как и под горными областями, лежавшими выше по течению Амударьи и именовавшимися Верхним Тохаристаном подразумевался район, где началось возвышение правителей Кирпанда- кушанской династии. Согласно Ибн Хордадбеху (IX в.), по левобережью в него входили и земли ниже Балха до бассейна Мургаба. Правобережный Тохаристан доходил на севере до гор, т.е. до Припамирья, Гиссарского хребта, Байсунтау, причем Дербендский проход, или «Железные ворота», считался перед арабским завоеванием границей Тохаристана.(16)

Наиболее раннее упоминание Тохаристана засвидетельствовано одним из текстов, переведенных на китайский язык в 383 г. н.э. и, как предполагает Б.Я. Ставиский, название «Тохаристан» в источниках уже распространяется в последней четверти или в середине IУ в. К этому же времени относятся последние упоминания Бактрии как определенной историко-географической области. (17) С этого времени, видимо, Бактрия уже именуется под новым названием – Тохаристан. Бактрия/Тохаристан охватывал бассейн древнего Окса/Амударьи в среднем и верхнем течении. Южная часть этой области располагалась между Гиндукушем и Амударьей, на землях современного Северного Афганистана. Северная часть Бактрии/Тохаристана лежала между Амударьей и Гиссарским хребтом, на южных землях нынешних Таджикистана и Узбекистана, а также включала территорию от Келифа до Керки – территория современного Туркменистана.

Как считает Б.Я. Ставиский: «в кушанский период территорию, известную во времена, предшествовавшие сложению Кушанской империи, как Бактрия, скорее всего, называли так лишь приверженцы античной традиции. Но поскольку **местное название ее в то время пока не известно**, а термин Тохаристан впервые засвидетельствован только для времени крушения империи, допус-

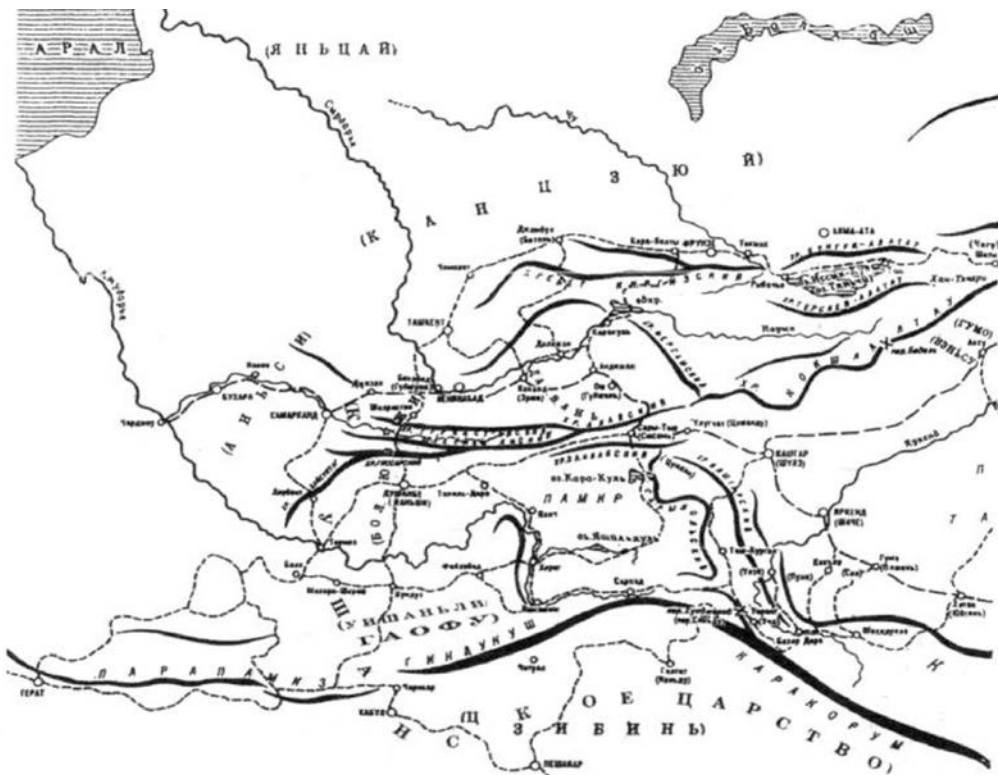
тимо и далее обозначать эту область как Бактрию кушанского периода. **Это обозначение принято нами условно и временно – до будущих эпиграфических находок»** (18) Теперь науке известно местное название политического образования - Кирпанд, возникшего на рубеже нашей эры в этой историко-географической области. В Бактрии/Тохаристане происходил процесс развития ядра империи Кирпанд.

Известный исследователь Хорезма С.П. Толстов называл первые века нашей эры (период расцвета деятельности Кушанской династии) «имперским периодом древней истории», так как политическая ситуация на евразийском пространстве существенно изменилась. В Средиземноморье Рим, покорив почти все переднеазиатские эллинистические государства, превратился в могущественную «империю Запада». В Китае в 25 г.н.э. на смену династии Старшая Хань пришла Младшая Хань, но в целом продолжали жить ханьские традиции и сама «империя Востока». В Парфии немногим раньше (в 12 г. н.э.) в результате дворцового переворота воцарилась новая ветвь парфянской династии – младшие Аршакиды, которые встали во главе третьей империи той эпохи. И наконец, создав квартет мировых держав « имперского периода», на бывших землях Греко-Бактрии возникла великая держава во главе с кушанской династией. Включавшая почти все передовые в культурном отношении страны и области Евразии, эта четверка древних империй протянулась от Британских островов на западе до берегов Тихого океана на Востоке.

1.2. Истоки становления и локализация государства Кирпанд

В Центральной Азии после распада Греко-Бактрийского царства (141 году до н.э. оно в последний раз упоминается в источниках как самостоятельное царство) меняется политическая карта. Крах власти греческих царей Бактрии приходится, видимо, на 140-130 гг. до н.э. (1) Разгром Греко-Бактрийского царства и овладение Бактрией кочевниками были, скорее всего, осуществлены не одним племенем кочевых прищельцев, а группой племен, для значительной части которых северные и северо-восточные районы

Центральной Азии были не местом транзита, а территорией постоянного обитания, что подтверждается археологическими данными. Страбон указывает, что «наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, а именно асии, пасианы, тохары, сакаравалы. Переселившись на земли Северной Бактрии, племена кочевников сохранили, как свидетельствуют археологические источники, «на новой территории свой традиционный вид хозяйства и образ жизни». (2) Размещение кочевнических курганных могильников на окраинах оазисов и в неземледельческих местностях позволило А.М. Мандельштаму предположить, что кочевники не ставили перед собой цели подорвать хозяйственную основу коренного земледельческого населения, напротив, они пытались, видимо, оградить посевы от возможных потрав, а оросительные системы от разрушения. Кочевники в Бактрии, видимо, с самого начала стремились не к единовременному грабежу местного земледельческого населения, а к длительному сосуществованию с ним.(3)

Карта Центральной Азии 1 в. (по Л.А. Боровковой)

Как проходило вторжение кочевников в Бактрию, источники сообщают лишь в самых общих чертах. Согласно « Историческим запискам» Сыма Цяня, кочевники да-юэчжи (роуджи), обитавшие в провинции Ганьсу, потерпев поражение в борьбе с хуннами, «ушли далеко, миновали Давань (Фергану- примечания –Г.М.) и к западу от нее нанесли удар по Дася (по Бактрии- примечания Г.М.), но **подчинились ей**. Затем поселились к северу от реки Гуйшуй (Сыр-Дарья- примечания Г.М.), где и основали ставку правителя». (4) Владения Дася, начинавшиеся от южного берега реки Гуйшуй, простирались далее на юг. **Ее столица г. Ланьши**, согласно историко-географическим исследованиям сведений «Хань шу» Л.А. Боровковой, **находилась в районе нынешнего г. Душанбе или городища Шахринау**.

Город Ланьши, названный первым китайским послом в Центральной Азии Чжан Цянем столицей Дася, был, вероятно, столицей греко-бактрийского царя Евкратида, той самой Евкратидией, которую упоминали античные авторы. Сын Евкратида, убив в 155 г. до н.э. отца, сохранил, скорее всего, власть над этим городом и его округой после развала царства на мелкие независимые владения и по наследству считался сувереном юэчжей (роуджей). Кочевники мирно сосуществовали рядом с местными земледельцами. Но зависимость их от Бактрии была, видимо чисто номинальной, судя по тому, что Чжан Цянь, получив отказ в Юэчжи (Роуджи) и придя в Дася, так и не смог добиться в ней, чтобы Юэчжи (Роуджи) заключили союз с Хань. А юэчжи (роуджи) продолжали признавать свою зависимость от Дася, поскольку еще не оправались от бедствий, связанных длительной миграцией, и, по сообщению Чжан Цяня, стремились к миру. Юэчжи (роуджи) постепенно расселялись по бактрийской территории, ассимилируясь с местным населением. Юэчжи (роуджи) не были культурным гегемоном на давно обжитых землях, поэтому постепенно испытали на себе влияние автохтонной культуры.

На рубеже II в. до н.э. юэчжи (роуджи), пользуясь войной своего недруга Давань с Хань, захватят власть над всей Дася, сделав ее столицу г. Ланьши своей. Это событие произошло на рубеже 100-99 гг. до н.э. (5) Последнее упоминание о Дася, как о независимой стране, датируется в «Ши цзи» в 102 г. до н.э.

В начале 1 века до н.э. Бактрия была раздроблена на мелкие владения : «Дася не имела верховного главы, а города и земли ставили обычно малых глав. Народ был слаб и боялся войны. Поэтому юэчжи (роуджи) переселились сюда, и все владения Дася подчинились им».(6) Речь идет о мирном переселении юэчжей (роуджей) в земли мелких царств Дася, которые добровольно признали власть юэчжей (роуджей). Столь мирный процесс переселения юэчжей (роуджей) в Дася можно объяснить тем, что в ней уже более полувека мирно жившей рядом с ними, хорошо знали о силе их войск. Но не исключено, что мелкие царства Дася подчинились юэчжам (роуджам) без всякого сопротивления не столько потому, что устрашились силы, сколько потому, что хотели в то время оказаться под их защитой. В этот период в соседней Парфии (Аньси) правил Митридат II Великий (123-88 гг. до н.э.). Именно угроза нападения со стороны могущественной Парфии и заставила глав мелких царств Бактрии предпочесть власть и защиту дружественных им юэчжей (роуджей). (7)

Китайские источники говорят о том, что юэчжи (роуджи) разделили свои новые владения между пятью хихэу (ябгу), но названия соответствующих областей приводятся в двух несовпадающих вариантах, интерпретация которых представляет определенные трудности. Кроме того, неясно, соответствует ли это деление их племенному (или иному) составу или же ранее существовавшему политико-географическому членению Дася (8) На наш взгляд, в разновременных китайских источниках «Хань шу» и «Бей ши», видимо, речь идет об именах княжеских родов, владевших этими владениями. Возможно, между пятью княжескими родами Большого Юэчжи (Роуджи) была разделена Бактрия после овладения ею юэчжами, при этом новые бактрийские владения стали носить имена новых правителей. Поэтому и совпадают названия, но отличаются расстояния от «резиденции китайского наместника».

Период крушения Греко-Бактрийского царства, павшего от нашествия кочевых племен, был временем зарождения и становления мощи кушанской династии Кирпанда. Доступные в настоящее время источники не позволяют детально реконструировать события первоначальной истории кушанского Кирпанда. Сведе-

ния античных авторов о том, что происходило в Средней Азии и близлежащих областях после середины II века до н.э. малы. Тогда между землями «греков Бактрии и Индии» и античным миром Средиземноморья уже простиралось обширное Парфянское царство. Бактрийские или индийские, или парфянские исторические сочинения того времени науке не известны.

Важным источником о первоначальной истории кирпандской государственности являются древнекитайские данные. О том, как

Вима Кадфиз

проходил процесс становления государства кушанидов, сообщает лишь «Хоуханьшу»: «По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский (кушанский) князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского (кушанского). Он начал воевать с Аньси (Парфией или индо-парфянскими царями), покорил Гаофу (Кабул), уничтожил Пуду (Арахосия или район Газни) и Гибинь (вероятно, Кашмир) и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень получил престол и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени юэчжи сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский двор удержал прежнее ему название: Да-юэчжи». (9)

Сопоставление этого сообщения с данными, полученными в результате изучения кушанских монет, первых вещественных памятников Кушанской империи (их первые публикации появились еще в 1823 г.), позволило определить имена двух первых кушанских царей Кудзулы Кадфиза (10) и Вимы Кадфиза (11), равно как и подлинное самоназвание династии (или рода), возглавившего государство, а позднее империи. Можно считать установленным, что ядром Кушанской империи было Кушанское княжество, правитель которого Кудзула Кадфиз (Кадфиз 1), покорив соседние четыре княжества в Бактрии и победив в вооруженном столкновении с парфянами (или индо-парфянами), приступил к завоеванию

земель на юге современного Афганистана и на севере Пакистана.(12) Далее в источниках новое государство в Бактрии выступает для соседних государств по имени правящей династии, а в китайских источниках по традиции – Да – юэчжи (Роуджи), но с началом нашей эры слабеют дипломатические связи с Хань и, соответственно, уже скудны письменные сведения и о Западном крае (см. об этих процессах далее).

Китайские источники передают сведения о Кирпанде уже на более позднем этапе развития государства. Дело в том, что в начале нашей эры ханьский Китай прервал надолго дипломатические отношения с государствами Западного края из-за внутренних проблем в стране и в связи с не стабильностью у своих границ. Как правило, в хрониках большей частью освещались сведения послов и посланников, которые занимались в Западном крае сбором информации, которая была ограничена у придворных летописцев. Китайские хроники свидетельствуют, что «... осенью 519 г. (2-й год цикла Волшебной черепахи) буддийский монах Хой Шэн, посланный ванном династии Северная Вэй в Индию, и дуньхуанец Сон Юн, когда проезжали через Кирпанд (Herantuo), то им было известно, что этим государством правил князь по крайней мере в 13 колена». В летописи «Обзор династии Вэй. Легенды династии Западная Вэй» эпохи Троецарствия (220-265 гг) уже упоминается государство Кирпанд.

Китайские хроники свидетельствуют, что в эпоху Южных и Северных династий государство Кирпанд достигло своего расцвета, одновременно укрепились внутренние связи. В эпоху Северная Вэй (235-439 гг., середина цикла Великое Продление) девять княжеств, расположенных в западной части региона, принимали подношения от правителя династии Северная Вэй, который посылал в сопровождении высокопоставленного чиновника Дун Ваня множество тюков шелка и парчи в качестве подарка правителям девяти княжеств. Дунь Вань и его свита пребывали в Кирпанде.

В эпоху Восточная Цзинь в 401 г. (5-й год цикла Великое спокойствие) Фа Сянь и его сопровождение проходили через высокогорный Кирпанд и место это названо им в книге «Записки о стране Будды» как государство Herantuo. Он писал, что в Кирпан-

де проживают более тысячи буддийских монахов, исповедующих буддизм хинаятского течения.

Летопись «История династии Вэй» свидетельствует, что в 437, 439, 453, 462, 502, 502, 512, 513 годах Кирпанд, объединив другие княжества, посылал дары ко двору Вэй. Таким образом, в III-VI веках Кирпанд был цветущим централизованным государством и посылал свои посольства в Поднебесную.

В «Дневнике о Западном крае Великой танской эпохи» в 644 г. (18-й год цикла Целомудрия) Сюанцзан пишет, что, когда возвращался из Индии через Кирпанд, то оказалось, что этому государству принадлежит уже несколько сот лет у-диенское княжество и Кирпанд является древним государством, так как оно существовало уже несколько столетий.

Судя по китайским источникам, в период наивысшего расцвета кирпандского государства только на его синьцзянской территории насчитывалось 12 крупных городов. Во владениях Юльэрак, Сэрлык, Ингасар, Арачул (территория современного Синьцзяна) в период Хань проживали 16670 человек. В "Ханьшу" говорится: "Жители владений Юльэрак, Сэрлык, Ингасар, Арачул одного племени, а юльэракцы не тюрского происхождения, но ближе по происхождению к канам и ди (т.е. согдийцам - Г.М.) и не имеют оседлости. (13) Сюанцзан отмечает, что язык и письмо кирпандцев похожи на кашгарский, а "Ханьшу" свидетельствует, что кирпандцы "близки к канам". Очевидно, язык и письмо жителей Кирпанда были на иранской основе, но не идентичны согдийскому. Между тем, китайские исследователи говорят о распространении в танский период в Кашгаре согдийской письменности. Вместе с тем, в хронике "Таншу" есть свидетельство, что в Сули (Кашгаре) "письмо индийское". Китайские исследователи считают сарыкольский и ваханский языки, на котором говорят китайские таджики - сохранившиеся живые языки древнего населения – сакков. (14)

Китайские источники свидетельствуют, что первоначальным ядром государства был современный Ташкуртан - центр Автономного Таджикского района СУАР КНР. Эта территория была названа «вратами Шелкового пути». Составной частью кирпандского

государства в тот период являлись земли Яркенда (15), возможно, Хотана.

Кирпандский правитель на первоначальном этапе становления государства скупал и захватывал соседние земли. Для расширения государства существовали объективные исторические причины: усиление роли более короткого южного морского Шелкового пути, связывающего Восток с Римом и Египтом, так как северные трассы были опасны для посольств и торговых караванов из-за набегов кочевников и не стабильности. Кирпанд вёл оживлённую торговлю на этой трассе, экспортируя золото, драгоценные камни, шерсть, кошму, продукты животноводства, завозя в страну бытовые и экзотичные товары.(16)

Таковы вкратце сведения китайских источников о Кирпанде. Анализ вышеуказанных китайских, европейских, археологических, нумизматических и письменных источников не противоречат данным о государстве Кирпанд. В контексте нашего исследования важен, проведенный анализ китайских сведений о четырех княжествах, которые объединил «гуйшуанский» князь. В отличие от «Ханьшу», где приводятся явно путанные сведения о расстояниях интересующих нас княжеств от резиденции китайского наместника в Синьцзяне и Янгуани (возможно, вблизи от Дунхуана), «Бейши» помещает отождествляемые с ними княжества в четкой последовательности одно за другим, вероятно, вдоль какого-то пути, идущего из Яркенда. По данным «Бейши», столица владения Цзябэй (древний Хюми-Вахан – примечания Г.М.) лежит к западу от Яркенда, в 13000 ли от Дай; столица Чжесемосунни (древний Шуаньми) – к западу от Цзябэй, в 13500 ли от Дай; столица Цяньдуни (древний Гуйшуан) город Худзяо – к западу от Чжесемосунни, в 13560 от Дай; столица Фудиша (древний Сидунь) – к западу от Цяньдуни, в 13660 ли от Дай; столица Яньфуе (древний Гаофу) к югу от Фудиша, в 13760 ли от Дай.(17)

А.М. Мандельштам, изучивший все доступные китайские источники, учитывая сведения «Бейши», что столица да-юэчжи (роджи) – город Юньланыши (Балх) лежит западнее Фудиша, в 14500 ли от Дай, подкрепил сделанное еще И. Марквартом заключение, что четыре первых владения этого перечня следует искать на северо-востоке Афганистана. Цзябэй, самое восточное из них,

А.М. Мандельштам (как И. Маркварт и Б.Я. Ставиский) помещает в Вахане (18), Чжесемосунь – между Зебаком и Джермом; Цяньдунь – в окрестностях Файзабада, на среднем течении реки Кокча; Фудиша – в истоках Кундуздарьи. Яньфуе/ Гаофу все исследователи локализуют близ Кабула, что вполне согласуется и с данными «Бейши», которые помещают столицу Яньфуе к югу от Фудиша и прочих владений, тянувшихся с востока на запад. В общих чертах локализация владений Чжесемосунь, Цяньдунь и Фудиша между Балхом, Ваханом и районом Кабула может считаться установленной. Б.Я. Ставиский отмечает, исходя из данных «Бейши», что Чжесемосунь и Цяньдунь с той же вероятностью можно поместить как в бассейне р. Кокча (где их локализует А.М. Мандельштам), так и в бассейне Кундуздарьи, учитывая большую близость бассейна р. Кундуз к Кабулу и хозяйственную значимость этой долины. (19) Китайские авторы в «Памятниках Западного края новой Тан» пишут, что в состав Кирпанда первоначально входили 4 владения (20), что не противоречит вышеуказанным сведениям и анализу локализации пяти княжеств в Бактрии.

Сюанцзян передает, что он слышал, как правитель Кирпанда называл себя потомком иранского (?) «Лучезарного принца», который прибыл в поисках невесты на Памир и остался, построив здесь каменную крепость-резиденцию. Китайский источник свидетельствует, что сын «Лучезарного принца» и стал первым правителем Кирпанда. Таким образом, легенда как бы косвенно передает о западном, иранском происхождении правящей династии. В период династии Хань государство Кирпанд, как свидетельствуют китайские источники, способствовали оседанию кочевников и его дальнейшая история связана с оседлым населением страны.

Таким образом, между Балхом и Бадахшаном, именовавшейся также Нижним Тохаристаном, а также в горных областях, лежавших выше по течению Амударьи и именовавшимися Верхним Тохаристаном началось возвышение правителей Кирпанда становление первой кушанской династии. В кушанский период продолжают развитие в ядре Кирпанда ваханские крепости, которые были воздвигнуты еще в период начала функционирования Южного Шелкового пути.

Крепость Ямчун

Бернштам А.Н., учитывая внушительные размеры ваханских крепостей, рассматривал этот район столичным, по которой проходил основной торговый путь с востока на запад. Существовало несколько путей через Памир и Припамирье, по которому шел обмен материальными и духовными ценностями между Западом и Востоком: главным был Великий Памирский путь по Вахану, который связывал западные области Кирпанда и где располагались самые крупные и мощные крепости Вахана; второй по значению был Шугнанский или Малый Памирский путь, который шел по долинам рек Гунт и Шахдара и где располагались не столь мощные крепости; третий путь, Кашмирский или Гибинский, пролегал по восточной окраине Памира от Кашгара до Сарыкола и далее на юг, через Ташкурган, висячий мост до Кашмира, откуда шло вторжение в Гандхару. В Северном Припамирье с 1 в. н.э. функционировал Каратегино-Алайский путь, который играл второстепенную роль в связях Восток-Запад. Вдоль трассы были сооружены хорошо укрепленные крепости. Такими мощными крепостями, построенными на утесе, с цитаделью, башнями и бойницами являются Ямчун (отождествляемые с сакским городом Гашень –

столичным центром Вахана, возможно, один из центров Кирпанда), Каахка (отождествляется с городом Ябгукат – «город Ябгу», резиденция наместника Кирпанда). Многие пограничные кушанские крепости здесь в эфталитский период превратились в замки местных владетелей Кирпанда. В этой области в эфталитский период функционировали зороастрийские (в Зонге (Вахан), храм Кафыркала 1-1У) и буддийские (монастырь Вранг) храмы. Южные пути были стержневыми связующими среднеазиатских и индийских частей империи Кирпанд и они же являлись той артерией, по которой шли политические и культурные контакты. Вот что передает Сун Юн в «Дневнике лоуляньских путешествий» о своем путешествии в 519 г. в Кирпанд, где он останавливался по пути в Индию: «Кирпандское царство расположено на Памире. Понявшись на Памир, двигаясь шесть дней на запад, можно дойти до гор «Бука» (?), где очень холодно, ветер, не тает снег. Если двигаться еще дальше на запад, то дороги становятся очень опасными, вершины гор упираются в небо. Даже опасность внутренних Тяньшанских гор, выглядят не столь значительными. Взобравшись на Памир, двигаясь шаг за шагом можно добраться до самых важных памирских мест, где расположен Кирпанд. На востоке Памира вода течет на восток, а на западе вода течет на запад. Поэтому люди эту местность называют «центром мира» (21) Возможно, на первоначальном этапе становления Кирпанда, правитель страны переносит духовную столицу в Пешавар (по сведениям китайских источников, кирпандский правитель строит буддийские храмы и монастыри в другом месте, а для буддийского святого Туншо оставляет старую резиденцию-крепость в Ташкургане), а одной из столиц, возможно, он делает мощную крепость Ямчун в Вахане. Возможно, ваханские крепости были сооружены по пути следования правителя Кирпанда в его летнюю резиденцию в Пешаваре.

Возвышению Кирпанда способствовало его стратегическое положение на Шёлковом пути. Транзитная роль Кирпанда, контроль над стратегическими путями на Памире, связывающего пути из Рима, Парфии в Хань, способствовала укреплению мощи государства и международному влиянию. Западный край и Срединная империя держали связи через южные индийские морские ворота Кирпанда. Значение Южного морского пути возрастает в период

расцвета Кирпандского государства. Завоевательные походы кирпандского правителя на юге были связаны с решением важной, первой в истории региона геополитической задачи - достичь пределов южных морей, пробить путь к морской трассе. Археологические исследования кушанских горных крепостей вдоль трассы Южного Шелкового пути на Памире и Припамирье подтверждают наши выводы. В кушанский период увеличивается количество крепостей, появляются буддийские монастыри, обслуживающие пилигримов.

Крепость Каахка

Период функционирования Кирпанда в Центральной Азии, как мы отмечали выше, в науке совпадает со временем правления здесь кушан - кидаритов - эфталитов. Как считает известный исследователь Центральной Азии Э.В. Ртвеладзе, было присуще до-мусульманской нумизматике Средней Азии выпускать монеты в течение многих лет от имени основателя династии (Кушанидов – Кушана, Эфталана-эфталитов) и на монетах в этом регионе никогда не проставлялись этнические или племенные названия, а только имя, титул и иногда эпитеты правителей.(22) Названия государств, введенные в науку «Кушанское», «Эфталитское», «Кида-

ритское» взяты условно по названиям монет этих династий, но сам топоним государства до настоящего времени не был известен. Китайские источники свидетельствуют о том, что в Кирпанде сменились 13 поколений царей, видимо, одним из этих поколений были династии Кушана, Эфталана, Кидары, которые последователи правили в государстве Кирпанд. Хиониты и эфталиты были одним и тем же народом, имеющим местные корни. Как мы выше писали, Мандельштам А.М. отождествлял эфталитов с хионитами.(23) А Л.Гумилев считал, что долина Яфталъ на берегу реки Пяндж, в Бадахшане получил название от имени предводителя племени Байди- Эфталана, (24) где возможно первоначально находилось эфталитское княжество. К. Еноки тоже локализовал первоначальный район обитания эфталитов, завоёванных кирпандским правителем, в Западном Бадахшане.(25)

Наши выводы о том, что местом зарождения империи Кирпанд является Южная Бактрия, могут подкрепить дополнительно нумизматические материалы и исследования Б.Я. Ставиского, ареала распространения монет и их подражаниям греко-бактрийских царей Евкратида и Гелиокла. Б.Я. Ставиский анализируя нумизматический материал приходит к выводу о том, что «...ареал серебряных подражений чекану Евкратида и связанных с ними монет «Герая» (основателя рода Кушана) – долина Кафирнигана (особенно ее нижняя часть) тяготеет к долине Кундуза. Здесь или далее на восток и следует искать первоначальный центр кушанской государственности. Именно сюда помещает «Бейши» (в соответствии с убедительной трактовкой А.М. Мандельштамом его данных) владение Цяньдунь (окрестности Файзабада).

Таким образом, отождествление этого владения с древним Гуйшуаном и локализация последнего получают новое подтверждение. Вполне вероятно также, что выпуск в западной зоне Бактрии бронзовых монет в отличие от серебряных чеканов восточной зоны объясняется отсутствием у правителей первой доступа к серебряным рудникам Вахана, Бадахшана или Хутталя, которыми могли пользоваться князья, чеканившие подражания монетам Евкратида и монеты «Герая». Ранние монеты Кудзулы Кадфиза и их ареал тоже указывают на Южную Бактрию как на место зарождения Кушанского государства. Анализ ранних монет Курзулы Кад-

физа позволяет считать наиболее вероятной локализацию его первоначального владения в центре или на востоке ее, возможно, в долине Кундуза, в том же районе, на который указывали и монеты родоначальника Кушана – «Герая». (26)

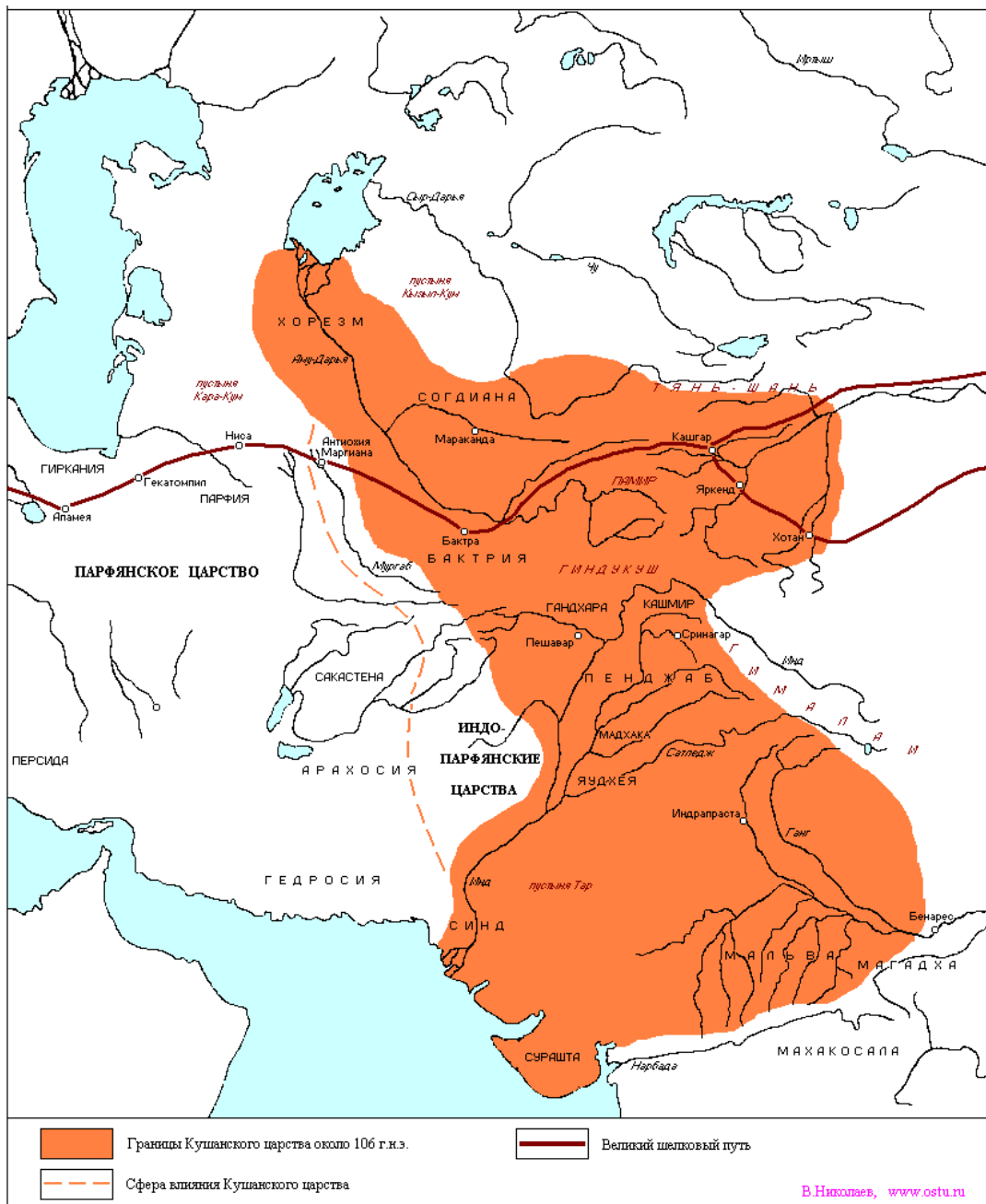
Анализ китайских источников Л.А. Боровковой показал, что создание Кушанского царства спустя более ста лет после появления здесь в 99 г. до н.э. пяти юэчжийских (роуджских) владений можно отнести к первой четверти 1 в. до н.э. (27) Таким образом, сведения китайских источников, археологические и нумизматические данные подкрепляют локализацию Кирпанда на первоначальном этапе истории, в начале 1 в. до н.э., в современных территориальных рамках от Синьцзяна-Памира-до Кабула и современных территориях Таджикистана и юга Узбекистана. Здесь, в центральной Бактрии, на исторической арене появляется первая империя Центральной Азии – Кирпанд. Первую правящую династию в кирпандском государстве основал царь Кушан. Позже Кирпанд включает в свой состав территории Северной Индии и расширяется вплоть до Хорезма.

ГЛАВА II. Политическая история Кирпанда

II.1. Укрепление могущества и международного влияния Кушанской династии

Кирпанд в период правления кушанской династии достиг наивысшего могущества. Укрепилась его экономическая мощь, окрепли его дипломатические и культурные связи. Именно в этот период активно начали функционировать трансконтинентальные пути. В пору расцвета Кирпанда были объединены ранние пути в первую единую евразийскую трассу с ответвлениями - Великий шелковый путь, протянувшийся из империи Хань, через земли Кирпандского и Парфянского царств, к римскому Средиземноморью. Тогда же, за полторы тысячи лет до Васко да Гамы, мореплаватели проложили регулярную водную трассу от Египта к морским воротам кушан –портам западной Индии. Видимо, в это время наладились также контакты между Центральной Азией, племенами Урала и Приаралья и населением Причерноморья. (1)

Кушанский Кирпанд привлекает к себе внимание не только своей важной ролью в истории мировых цивилизаций, но и слабой изученностью, несмотря на то, что написаны многочисленные научные исследования, опираясь в основном на письменные, нумизматические, археологические материалы. Это объясняется скудостью источников для исследования ее политической и социально-экономической истории, хотя археологические исследования конца XX века дают важные материалы для реконструкции истории Кирпанда. Несмотря на все достижения мирового научного сообщества в изучении кушанского периода связной политической истории его пока не написано. Оставались спорными основополагающие её проблемы — местонахождение первоначального ядра царства и завоёванных им владений, а также его абсолютная хронология, в отношении которой выдвинуто немало разных гипотез. И в значительной мере поэтому многие другие вопросы его истории и культуры и даже отдельные факты зачастую интерпретируются по-разному, порождая в свою очередь новые домыслы, догадки, гипотезы. Слабая изученность истории кушанского Кирпанда объясняется обычно отсутствием собственно кушанских, а

Карта Киртанда в период правления кушанской династии

также индийских и парфянских исторических сочинений кушанской поры и необычайной фрагментарностью и скудостью сведений о нём иноземных сочинений — античных, древнекитайских, армянских и пр. Однако судя по работам разных специалистов по

кушанскому периоду (нумизматов, археологов, лингвистов, исследователей исторической географии), уже сложилось самое общее представление о его предыстории, истории создания и последующего развития, которыми так или иначе руководствуются в научной практике. Основными источниками сведений о кушанском периоде являются древнекитайские истории «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу». О наличии в них материалов, относящихся к кушанскому периоду, стало известно ещё к концу XIX в. Известный нумизмат А. Каннингэм в начале своей статьи, опубликованной в 1892 г., очень кратко изложил первую связную версию становления этого царства, основываясь на кратком же сводном описании, толковании и датировке сведений из этих историй в работе 1829 г. одного из самых первых синологов-исследователей А. Ремюза.(2)

**Кушанская царица. I век до н.э.
Тилля Тепе. Реконструкция
Т.С. Балугоевой**

О процессе становления кушанского Кирпанда, как выше мы писали, указывает лишь «Хоухань-шу»: «По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси (Парфией), покорил Гаофу (Кабул), уничтожил Пуду (Арахосия или район Газни) и Гибинь (вероятно, Кашмир) и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень получил престол и еще покорил Индию, управление которой

вручил одному из своих полководцев. С сего времени юэчжи сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский двор удержал прежнее ему название: Да-юэчжи» (3)

Л.А. Боровкова отмечает, что Большое Юэчжи, бывшее во II в. «кочевым царством», в I в. стало, как ранее Дася, царством осёдлых земледельцев. Краткая фраза в «Хань шу» о «переселении сюда», т.е. в Дася, юэчжей свидетельствует о мирном характере овладения ими этой страной. Но часть юэчжей, несомненно, осталась в землях к северу от Гуйшуй, ставших для них второй родиной.

Образы кирпандцев. Скульптура Халчаяна

Одни археологические материалы, свидетельствующие об отсутствии обычных при завоевании разрушений и о поддержке после завоевания кочевниками хозяйства земледельцев, подтверждают сообщение в «Хань шу» о мирном переселении юэчжей в Дася и доказывают постепенное мирное вращение этих кочевников в среду бактрийцев-земледельцев, другие — говорят о существовании в полупустынных Бишкентской и Нижнекафирниганской долинах, т.е. в центре царства, большого анклава кочевников, сохранявших здесь свой кочевой образ жизни и, безусловно, конницу, что доказывает стремление правителей Большого Юэчжи контролировать положение в царстве с их помощью.

Археологические данные говорят о том, что у истоков государства кушан стояли племена со сходной культурой, но различные по происхождению и неоднородные по составу. Формирование этого государства шло в условиях постоянного контакта при-

шельцев с коренным населением среднеазиатских областей, оказавшим на них заметное влияние.

Сравнение изображений на кушанских монетах с эфталитскими и с кранеологическими материалами дает основание считать племена, вошедшие в состав населения кушанского и эфталитского Кирпанда, европоидными по типу и близкими по антропологической характеристике. Население кушанского Кирпанда в антропологическом отношении, в основном какая-то их часть, была близка к варианту средиземноморского типа (отражает древнюю местную основу с эпохи неолита), другая часть – приближалась к типу Среднеазиатского междуречья (сформированного на базе средиземноморского с включением протоевропейских, андроновских, переднеазиатских и других компонентов), а какая-то часть была смешанной, но близкой по типу к автохтонному местному населению. Образование государства кушан не внесло заметного изменения в этногенетический процесс исконно местного населения. Видимо, оседлое и кочевое населения включали сходные антропологические пласты.

О важной роли кочевого пласта в создании основ империи и в политической жизни общества свидетельствуют антропологические и нумизматические источники. В кушанский период существовал обычай деформации головы. Деформация головы хорошо выражена на выбитых на монетах изображениях ряда кушанских, а затем и эфталитских царей, свидетельствующих о преемственности этнических традиций. Это соответствует данным об их происхождении из кочевнической среды, а не из оседлого древнего местного населения, у которого на рубеже нашей эры еще не существовало массового обычая деформирования головы. Эти обычаи были сюда привнесены кочевыми племенами из большого юечжийского союза.

Боровкова Л. А., проведя историко-географический анализ китайских источников, установила дату раздела юэчжами Бактрии на пять владений после их переселения в эту историко-культурную область. Исследователь убедительно доказала, что «переселение» юэчжей произошло на рубеже 100-99 гг. до н.э., так как в «Хань шу» сведений о юэчжах за последующие годы I в. до н.э. нет. В I в. Дася исчезла с политической карты региона и на её

землях оказалось Большое Юэчжи (Роуджи). Таким образом, установлена дата события, спустя сто с лишним лет после которого, по сообщению в «Хоу Хань шу», один из этих пяти князей поднял мятеж и преобразовал Большое Юэчжи в Кушанское царство,(4) в централизованное государство Кирпанд.

Археологические материалы и нумизматические источники позволяют дополнить сведения китайских хроник и реконструировать первоначальный этап становления Кирпандской империи. Кушанская нумизматика подтвердила сведения «Хоуханьшу» об именах двух первых кушанских государей и об экспансии кушан в годы их правления к югу от Гиндукуша: уже на монетах Кудзулы Кадфиза наряду с греческими появляются надписи индийским письмом кхарошти, существующие и на монетах Вимы Кадфиза; монеты обоих царей получили широкое распространение на северо-западе древней Индии – в Гандхаре и близлежащих районах. (5) Преимущественный ареал распространения кушанских монет, очевидно, свидетельствует о границах влияния или господства того или иного правителя, выпускавшего те или монеты.

Анализируя раннюю кушанскую нумизматику, известный исследователь Э.В. Ртвеладзе отмечает, что после того как юэчжи разделили Бактрию на пять хи-хэу (владения): Хюми, Шуаньми, Гуйшуан, Хисие и Думи, они стали чеканку собственных монет, в одних из них по образцу греко-бактрийских монет Гелиокла и Евкратиды, а в Гуйшуане – самостоятельного монетного типа – тетрадрахм и оболы Кушана – основателя ранней кирпандской династии. Наибольшее число монет Кушана («Герая») – 16 оболы и клад из 9 тетрадрахм найдены в Южном Таджикистане, в низовьях Кафирнигана и в храме Окса на Тахти-Сангине, а на остальных территориях Бактрии найдены единичные экземпляры (Дильберджин, Термез, Кабулистан, Гандхара). В Таджикистане 2 оболы происходят из Гиссарского района (могильник Тупхона), все остальные (23 экземпляра) найдены в Хатлонской области (Пархарский могильник, городище Саксонохур, могильнике Гузари Тор в Ховалинском районе, городища Тахти Сангин, Кей-Кубадшах, Тепай-Шах, Тулхарский могильник, Бешкентский могильник).(6) Эти находки, вероятно, свидетельствуют о крайнем пределе владений Кушана. Центр владения Кушана, по мнению Э.В. Ртвеладзе

зе, находился в нынешней афганской провинции Баглан. Как известно, именно здесь располагались главные династийные храмы Кушан: в Сурх-Котале и в Рабатаке. И не случайно, они возведены здесь: вероятно, великие кушанские цари Канишка 1 и Хувишка, при которых они были возведены, рассматривали Баглан как родину своих предков, место, где зародилась династия Кушана.

Как известно, из Баглана ведут прямые дороги через Гиндукуш в Кабулистан, где вначале в качестве соправителя греко-бактрийского царя Гермeya, а затем вождя (ябгу) начал свою политическую карьеру один из представителей рода Кушана – Кудзула Кадфиз. Титулатура, помещенная на монетах этого Кушанида, показывает постепенное его возвышение от князя (ябгу) до царя царей, сына бога, а надписи на его монетах, исполненные на кхароштии, демонстрируют включение в состав созданного царства областей с индийским этносом. Только в Кабулистане и Гандхаре найдены монеты Кудзулы Кадфиза, причём количество их находок здесь исчисляется тысячами экземпляров. В то же время ни одной монеты Кудзулы Кадфиза до сих пор не обнаружено в Южной и тем более Северной Бактрии, что совершенно исключает принадлежность их Кудзуле Кадфизу. Вероятно, в Юго-Восточной Бактрии продолжали в этот период управлять члены рода Кушана, а в других частях Бактрии – представители иных юэчжийских родов, выпускавшие монеты – подражания Гелиоклу и Евкратиду. (7) Видимо, именно Кудзула Кадфиз начал объединять земли от нынешнего Ташкуртана в СУАР КНР, вплоть до Баглана в Афганистане.

Вероятно, именно Кудзула Кадфиз начал процесс проникновения в Северную Индию. Индийский вектор внешней политики был продолжен, видимо, его наследником Вима Такто. Этому не противоречат сведения китайских исследователей Кирпанда. Кирпандский правитель на первоначальном этапе становления государства скупал и захватывал соседние земли. Для расширения государства существовали объективные исторические причины: усиление роли морского Шелкового пути, связывающего Среднюю империю и Кирпанд с Римом и Египтом, так как северные трассы были опасны для посольств и торговых караванов из-за набегов кочевников. Но именно южный путь, проходящий через Ва-

ханский коридор и Северную Индию был стратегически важен для торговли, а контроль над этими коммуникациями давали не только экономические выгоды, но и усиливала мощь государства. Именно в период повышения роли южной трассы кирпандский правитель начал расширять свои владения на юге и западе.

Многодневные переходы по горной дороге требовали постоянных дворов, где путешественники не только отдыхали, но и получали пищу, одежду, лошадей, переводчиков, сопровождающих по опасным, незнакомым горным тропам. В «Дневнике о Западном крае Великой Танской эпохи» имеются сведения о том, что на востоке Кирпанда имелось «саховатхона», которое называлось «Райская обитель», где паломники получали пищу, кров и лечение. Сон Юн передает легенду, услышанную им в Кирпанде, в которой, видимо в мифической форме отражена определенная общественная ситуация в Кирпанде и угрозы, которые пострегали путешественников в пути. Как передает Сон Юн, в старину купцы зачастую останавливались на ночлег на берегу озера и, если встречали рассерженного дракона, то все погибали. Правитель Кирпанда, прознав об этом, передал государственные дела сыну, а сам отправился в княжество Wuchangguo (ныне бассейн реки Сват в северной части Пакистана) для обучения технике заклинания и брахманскому искусству. Через четыре года он полностью овладел им и, вернувшись домой, пошел на берег реки, чтобы заговорами покорить дракона. Однако дракон, приняв облик человека, раскаялся в своих проступках и провинился перед правителем, и тот пустил дракона жить в дальних озерах на расстоянии в две тысячи ли в Congling. Этот правитель был тринадцатым потомком того правителя, который стоял во главе Кирпанда в то время, когда через государство проезжал Сон Юн. Эта легенда в иносказательной форме передает, видимо, отголоски поздней истории Кирпанда, связанные с политической деятельностью царя Кидары, который действительно оставил сына править восточной частью государства, а сам отправился на запад, покоряя «дракона» - земли, народы, а также сообщает о политике кирпандского правителя по обеспечению безопасности Шелкового пути.

Китайские источники сообщают, что, начиная от Кашгара, охранные функции западных земель самостоятельно осуществлял

кирпандский правитель. Правитель Кирпанда строил караван - сараи, места для стоянок, создавал необходимые условия для многочисленных путешественников. Деятельность этого правителя была выгодна не только для процветания Шелкового пути, но и развития и укрепления самого государства. Кирпанд вёл оживлённую торговлю на этой трассе, экспортируя золото, драгоценные камни, шерсть, кошму, продукты животноводства, завозя в страну бытовые и экзотичные товары. (8) Поэтому на стратегически важном перекрестке евразийских коммуникаций укрепляется Кирпанд, происходит объединение бактрийских и североиндийских земель в единое государство.

Л.А Боровкова предлагает свою версию возвышения Кудзулы Кадфиза. Спустя сто с лишним лет после создания владений пяти юэчжийских князей, один из них, Гуйшуанский (Кушанский) князь Кудзула Кадфиз, поднял мятеж, разгромил четырёх князей-соседей и провозгласил себя царем около 20 г. н.э. По свидетельству Помпея Трога, асии стали царями тохаров. Это значит, что Куджула Кадфиз был главой небольшого племени асиев, а сверг царя Большого Юэчжи, который происходил из очень большого племени тохаров. По-видимому, не желая подчиняться ему, богатейшие князья из тохаров и автохтонных бактрийцев провозгласили себя царями, и Кудзула Кадфиз не один год усмирял их. Только так можно объяснить появление титула «царь царей великий спаситель» («сотера мегаса») в легенде монет, которые Кудзула Кадфиз начал чеканить вместо подражаний чекану Гелиокла, но без указания своего имени, видимо, ещё долго раздражавшего многих его подданных. Так появились монеты безымянного царя («великого спасителя») «Сотера мегаса», породившие дискуссию об их принадлежности. Более того, явно с целью смягчения межплеменного противостояния Кудзула Кадфиз назвал царство не Асианским, а Гуйшуанским (Кушанским) по своему княжескому титулу, давно учреждённому ещё тохарскими царями Большого Юэчжи. Вероятно, название «кушаны» — не этноним, а общее название подданных этого государства, принадлежавших к разным племенам и народам, а также название правящей династии.

В 47 г., когда один из претендентов на трон Парфии вторгся в земли Бактрии, Кудзула Кадфиз впервые напал на иноземное цар-

ство Аньси (Парфию), нанёс тяжёлое поражение и затем «завладел» подвластным ей до этого большим царством Гаофу, по видимому, царством Гондофара, находившимся к югу от Амударьи. Процесс овладения был постепенным и долгим. Только после превращения Гаофу в неотъемлемую часть Кушанского царства Кудзула Кадфиз с его территории совершил военный поход на восток, но, опасаясь нападения с тыла, примерно на рубеже 50-60-х годов завоевал большое североиндийское царство Цзибинь.

Тот факт, что кушанский посол в 87 г. сообщил при дворе Поздней Хань только о Кудзуле Кадфизе, умершем восьмидесяти с лишним лет, и о ставшем царем, явно пожилым его сыне Виме Кадфизе, завоевавшем ещё Тяньчжу (Центральную Индию), показывает, что в 87 г. правил Вима, а его отец Кудзула умер около 80-81 г., до завоевания Вимой Тяньчжу (Северной Индии). Это и надпись из Калатсе 187 (184?) г. неизвестной эры дают основание считать, что два первых кушанских царя продолжали летоисчисление, начатое царями Большого Юэчжи с даты овладения юэчжами Дася на рубеже 100-99 гг. до н.э. И потому её можно назвать «эрой Юэчжи». (9)

Важные сведения об объединительных процессах и первоначальном этапе становления кирпандской империи дает Рабатакская надпись, (10) которая способствовала кардинальному пересмотру политической истории, хронологии кушанского Кирпанда. В местности Рабатак, на Рабатак Кафиркала, в 40 км восточнее Хайбака на дороге в Пули Хумри (провинция Баглан, Афганистан) местные жители в 1993 году нашли каменную плиту с надписью. Надпись состояла из 23 строк, каждая из которых состоит более чем из пятидесяти букв. Чтение надписи осуществил известный английский нумизмат Д. Крибб. Надпись выполнена на бактрийском языке греческой письменностью. Она сделана от имени Канишки Кушана, который называет себя богом, получившим свою власть от «Наны и всех других богов». Сообщается, что был издан греческий эдикт, который затем был переведен на арийский (т.е. бактрийский) язык. Сообщается, что Канишка приказал своему чиновнику Шарафу устроить святилище (баголагго), которое было бы посвящено самому Канишке, его прадеду царю Кудзулу Кадфизу, его деду царю Виме Такто, его отцу Виме Кадфису. Кроме

того, перечисляются божества, которым должны поклоняться в святилище: Нана, Умма, Аурмузд, Срошард, Нараса и Михр.

Рабатакская надпись. Северный Афганистан

Первая попытка исторического анализа, сделанная Д. Криббом, привела его на основании сопоставления письменных и нумизматических источников к следующим заключениям. Именно Вима Такто явился завоевателем Индии и начал устраивать там свои святилища. Именно с ним Д. Крибб связывает выпуск серии анонимных монет Сотер Мегаса. Согласно исследованиям Д. Крибба, последовательность и хронология кушанских царей выглядела следующим образом:

- Кудзула Кадфиз – 30-80 гг.н.э.
- Вима I Такто – 80-90 или 80-110 гг. н.э.
- Вима II Кадфиз -90-100 или 110-120 гг.н.э.
- Канишка I – 100-126 или 120-146 гг.н.э.
- Хувишка – 126-164 или 146-184 гг.н.э.
- Васудева I – 164-200 или 184-220 гг.н.э.

Канишка II – 200-222 или 220-242 гг.н.э.

Васишка – 222-240 или 242-260 гг.н.э.

Канишка III – 241-ок.270 или 261-290 гг.н.э.

Васудева II – ок.270-310 или 290-330 гг.н.э. (11)

Кроме того, в Рабатакской надписи важно указание на то, что Кудзула Кадфиз был прадедом императора-реформатора Канишки, имеет большое значение в давней дискуссии о «дате Канишки» и хронологии кушан. Тот факт, что Канишка принадлежит к третьему поколению после Кудзулы Кадфиза, вводит ряд новых ограничений в восстановление начала кушанской эры. (12) Исходя из анализа рабатакской надписи, сейчас дата правления императора Канишки ограничивается хронологическими рамками 100-126 или 120-146 гг.н.э.

Бактрийская надпись из Рабатака позволяет выдвинуть новую интерпретацию ряда проблем истории ранних кушан, а также определить подлинного создателя могущественной империи – Вима I Такто. При нем были завоеваны Северная и часть Центральной Индии, а так же объединены все владения Северной Бактрии до Гиссарского хребта (судя по массовым находкам здесь монет Сотера Мегаса) в рамках централизованного государства. (13) Упомянутый Сюанцзяном в хрониках кирпандский правитель Виюшах, (14) теперь может быть отождествлен с Вима Тактой.

Китайские источники свидетельствуют, что кирпандский правитель Виюшах привез буддийского святого Туншо в эпоху деятельности китайского военачальника Бан Чао (32-102 гг.н.э.), о котором сохранились сведения в связи с его военными действиями в окрестностях Кашгара. Три раза, в 73-76, 89-91 и 124-127 годах, Поздняя Хань пыталась разгромить северных сюннов и закрепиться в северо-восточном районе (ныне Хами-Турфан) Западного края, и безуспешно. Но с 73 по 87 г. ханьский военачальник Бань Чао подчинил все царства, лежавшие по прикуньлуньской дороге и контролировал их только до 102 г. В 84 г. Кушанское царство спасло Бань Чао, осаждённого в Шаче (Яркенте), от неминуемого разгрома, уговорив Канцзюй (Кангюй) отвести свои войска оттуда.

В 87 г. по прикуньлуньскому пути прибыл ко двору Поздней Хань кушанский посол с богатыми дарами, передавший предло-

жение своего царя (видимо, Вимы Такто) о заключении между двумя домами династического брака. Только от него, высокопоставленного кушанского сановника, могли здесь узнать, а дворцовые историографы записать достоверные сведения из истории кушан, приведённые затем в «Хоу Хань шу». Могущество кушан, покоривших три большие страны, видимо, испугало императора и, безусловно, по его тайному указу посол, чтобы не сообщил дома о дороге в Хань, на обратном пути был убит Бань Чао, жившим в Шулэ (Кашгаре). В 90 г. кушанское войско Вимы Такто прибыло в Шулэ, чтобы покарать Бань Чао, но, не имея сведений, без должного запаса продовольствия, обессилив, было вынуждено быстро вернуться домой. (15) На этом прервались надолго контакты Ханьской и Кирпандской империй.

Китайский исследователь Ширин Курбан полагает, что время деятельности Туншо в Кирпанде соответствует эпохе царствования кушанского царя Канишки (16) Наш анализ Рабатакской надписи и сопоставление с данными китайских исследователей показывает, что события, связанные с Бань Чао в окрестностях Кашгара происходили в пределах хронологических рамок 80-102 гг. н.э., то есть совпадает с периодом царствования деда Канишки - Вимы Такто. Именно во время правления Вимы Такто была создана империя Кирпанд, включавшая в себя современную территорию юга Узбекистана и Таджикистана, Афганистан, часть СУАР КНР, Пакистан, Северную и Центральную Индию. Эта империя во много раз превышала по площади царство его отца Кудзулы Кадфиза, занимавшее область юга Таджикистана и Узбекистана, Кабулистана, территории СУАР КНР до Хотана, земли Гандхары.

Как мы выше указывали, китайские исследователи, опираясь на ханьские и танские хроники, свидетельствуют, что границы Кирпанда, в пору его расцвета, простирались на Западе – до Хорезма, на севере – до Кашгара, на юге охватывали Кашмир, на востоке – до Кагылыка (СУАР КНР). В период наивысшего расцвета кирпандского государства только на его синьцзянской территории насчитывалось 12 крупных городов. Только во владениях кирпандского государства на территории Синьцзяна (Юлэрак, Сэрлык, Ингасар, Арачул) проживало 16670 человек. (17)

Как известно, в середине II в., в обстановке резкого обострения внутренних противоречий в стране (в Китае в 180 г. началось восстание Желтых повязок), Китай оказывается не в состоянии влиять на ситуацию в Синьцзяне. Падение династии Хань создало благоприятные условия для экспансии кирпандцев. Во II веке кушане установили политический контроль над огромной территорией к востоку от Памира, включая бассейн Тарима – оазисы Нии и Крорайны (оазисы на юге пустыни Такли-Макан и вокруг озера Лобнор).(18) В настоящее время можно считать общепризнанной гипотезу Дж.Брафа, согласно которой кушане не только распространили свое влияние на территории к востоку от Памира, как в свое время предполагал А.Стейн, но попросту включили их в состав своей империи. Дж. Браф датирует это событие серединой II века, полагая, что кушанское господство над бассейном Тарима продолжалось вплоть до падения кушанской династии около 230 г. (19)

Основополжник среднеазиатской археологической школы М.Е. Массон, считает, что в нижней части долины Кашкадарьи были пределы кушанских владений, а севернее и восточнее, включая область Кеша (т.е. Китаба), располагались уже согдийско-кангюйские области. От оазисов низовьев Кашкадарьи к западу границы кушанских владений проходили непосредственно за лежащим примерно в 150 км от Амуля крупным Кабаклинским тугаем, о чем свидетельствуют руины крепости в группе Кош-кала.(20)

При Виме 1 Такто в районе Железных ворот (Дербендский проход) была создана мощная фортификационная система, защищавшая Кушанскую империю от набегов кочевников с севера. Археологические данные позволили установить более конкретное местоположение северо-западной границы государства кушан. У кишлака Дарбанд рядом с Железными воротами выявлена крепость и мощная оборонительная стена протяженностью 1,5 км, шириной 6-6,5 м, перегораживающая долину реки Шуроб между хребтами Сарымас и Сусизтаг, по которой проходила основная дорога, соединявшая в древности Согд с Бактрией-Тохаристаном и Индией. Оборонительными стенами были перегорожены и второстепенные дороги, идущие по ущельям Узундара около Сайроба, Танги-Дувал у Панджаба и Хатака, хотя эти дороги труднопрохо-

димы и непригодны для прохождения больших вьючных соединений. Мощная стена из рваного камня протяженностью 5 км и шириной 3 м перегораживала горное ущелье у к. Сина. (21) Это была сложная защитная система, состоящая из различного рода фортификационных сооружений, закрывающих все перевалы и проходы, ведущие из Согдианы в Бактрию. Это была именно граница, которая защищала земледельческое ядро Кирпанда от набегов северных кочевников. Кроме того, возможно, здесь осуществлялся сбор таможенных пошлин с купцов. Правительство Кирпанда получало крупные доходы в результате взимания таможенных пошлин. Хотя Э.В. Ртвеладзе считает, что крепостные стены отделяли государство кушан от согдийских владений, где правили представители того же юэчжийского этноса (дом Чжаову), но иных династий, в частности династии Гиркода. Э.В.Ртвеладзе полагает, что источниками не подкреплён тезис о вассальной зависимости юэчжийских владений Согда и Хорезма от кушан. (22) Однако Б.Н. Мукерджи считает, что Согд входил в состав государства кушан и границы империи включали в себя части Центральной Азии, включая Туркменистан до Мерва на северо-западе, Трансоксиану вплоть до границ Шаша или Ташкента, и Согдиану (между Самаркандом и Бухарой) на севере, и Каш, или Кашгар в Синьцзяне на востоке, большую часть Афганистана (исключая Сеистан), почти весь Пакистан, Северную Индию вплоть до восточной границы Южного Бихара, части Центральной Индии (включая территорию Акара или Санчи) части Декана (включая Кунадено или Каундиньапура в Бераре). (23) Результаты исследований Б.Я. Ставиского позволяют утверждать, что все поддающиеся учету вещественные выражения этноса и его культуры — архитектура и архитектурный декор, строительные материалы и приёмы, керамика, терракоты и, наконец, монеты и эпиграфические находки — свидетельствуют о том, что земли к северу и к югу от Амударьи, на всём пространстве от Гиндукуша на юге до Гиссарского хребта на севере, в период расцвета Кушанского царства составляли единое этнокультурное, хозяйственное и политическое целое. (24)

Огромные территориальные рамки империи требовали сложного административного управления. Внешнюю политику Вимы Такто по укреплению могущества Кирпанда продолжил его внук

*Монета с изображением
Канишки I*

Канишка I. Время правления Канишки было периодом наивысшего расцвета мощи кушан. Наряду с расширением воздействия Кушанского царства на севере значительно увеличились и индийские владения: власть кушан распространяется здесь на обширные пространства до низовьев Ганга на востоке и р. Нарбада на юге (25). Канишка в союзе с владетелями

Ли (Хотана), Гу-зана (Кучи) совершил поход в Индию. Данный вывод подтверждается сведениями упомянутой Рабатакской надписи о том, что под власть Канишки перешли Сакета, Паталипутра и Чампа. (26) Индийские владения в составе державы Канишки приобретают все большее значение. Сам Канишка, согласно буддийской традиции, принял буддизм и был ревностным проводником и реформатором этого учения. Более того, Канишка даже перенес одну из столиц своей державы к югу от Гиндукуша в современный Пешавар. (27)

Буддийская традиция приписывает Канишке руководство IУ буддийским собором в Кашмире и сооружение огромной ступы и монастыря в Пурушاپуре (Пешавар). Археологические находки подтвердили эти сведения: при раскопках в Шах-джи-ки-дхери близ Пешавара, открыты остатки большой ступы и монастыря, а также бронзовый реликварий с надписью, упоминающей Канишку. Китайские хроники «Записки Фа Сяня» свидетельствуют: «Правитель государства Нерантуо создал Большой Совет, срок действия которого равнялся 5 годам. На совет приглашали буддийских монахов со всего света. Собравшись, они торжественно восседали на красивых подушках-сиденьях, одетые в шелковые ряссы и с высокими шапками на головах, украшенными золотыми и серебряными цветами лотоса. По закону правитель и сановники содержались на народные средства. Когда правитель созывал Совет, то есть в один из месяцев весны либо с 1 по 5 число каждого месяца, то на этот срок прокормление шло за счет общества. Когда Совет заканчивал работу, правитель и сановники садились на ко-

ней, а монахи шли просить милостыню, как и полагалось». Видимо отголоски этих политических событий отражены в живописи У века в Дильберджине (Севсерный Афганистан), исследованные археологом И.Т. Кругликовой. Головные уборы персонажей в тронной сцене и на других фрагментах дильберджинской живописи украшены лотосами. (28) Канишка сформировал первый в истории Центральной Азии демократический совещательный орган – Большой Совет, который состоял из правителей сатрапий, высших сановников и духовных лиц.

Проявляя широкую веротерпимость и прокламируя на монетных сериях внимание к божествам самых различных религиозных систем, сами кушанские правители, судя по всему, сохраняли приверженность сонму местных богов, прежде всего Митре, хотя, например, в надписи из Рабатака на первое место поставлена богиня Нанайя. Культовая пластика, распространение зороастрийских погребальных обрядов свидетельствуют о приверженности традиционным верованиям и значительной части населения Кирпанда. Тем не менее, буддизм был широко распространен. Вероятно, этому способствовала и социальная ситуация, создававшаяся широкой урбанизацией Кирпанда. Судя по всему, буддизм сыграл роль идеологии, позитивно воспринимаемой разными группами населения. Уравнение людей хотя бы в духовной области, упрощение махаянистским толком «пути к спасению» способствовали превращению буддизма в подлинно народную религию. (29) Правительство империи явно нуждалось в религии, которая способствовала бы духовному и культурному единению поданных. Канишка был не только светским правителем, но и буддийским духовным лидером, что дал махаяне возможность прочно встать на ноги, а Канишке— расширить сферу своего политического влияния не только в собственной стране, но и далеко за ее пределами. Именно при нем буддизм быстро распространяется на восток.

Поздние источники сообщают о величии Канишки, именуя его миродержцем (чакравартин), упоминают его победы над царями Южной и Восточной Индии и не названным по имени парфянским государем, о походе (или походах) на восток Памира, в результате чего племена из пограничных областей к западу от Хуанхе выдали ему в качестве заложников своих наследных принцев. О

политике Канишки в Синьцзяне, помимо китайских источников, сообщает лишь индийская традиция, приписывающая Канишке завоевание бассейна Тарима. (30)

Канишка провел в стране коренную реформу. Император-реформатор Канишка впервые вместо летоисчисления от даты события, неизвестного в огромных новоприобретенных владениях кушанского Кирпанда, ввёл летоисчисление с первого года своего правления, названного исследователями «эрой Канишки». Впервые на его золотых и медных монетах легенды были написаны на бактрийском языке кушанской письменностью и впервые в них он, царь Канишка, был назван Кушаном. Канишка в официальной сфере заменяет греческое письмо бактрийским – арийским. Видимо, арийский язык становится официальным языком наряду с местными языками отдельных сатрапий Кирпанда. А на реверсе монет, кроме индуистского бога Шивы, единственного на монетах Вимы, изображались боги разных религий, распространенных в разных регионах государства кушан. (31) С правлением Канишки начинается новый этап в истории кушанского Кирпанда: рост экспансии на восток, расширение и укрепление власти в Индии, перенесение столиц в северозападную Индию (летняя резиденция в Пешавере) и в Балх, придание кушанскому государству значения мировой державы.

Империя Кирпанд представлял собой абсолютную военно-теократическую монархию. Кушаны расширяли и держали в единстве свою империю не только духовно, но в большей мере с помощью оружия. Характер «военной монархии» подтверждают назначение «военного генерала» для выполнения обязанностей правителя провинции. Даже династический храм в Сурх-Котале не только назывался храм Победоносного Канишки, но также был известен как акрополь – как оборонительная крепость.

Кирпанд был централизованным государством, управляемый «царем царей», личность которого обожествлялась. Цари кушан официально именовались как девапутра (сыновья богов) и считали себя таковыми. Рабатакская надпись приписывает титул Баго, означающий «Бог», императору Канишке. В первых же строках Рабатакской надписи Канишка представлен как «Великий Спаситель, Праведный, Справедливый, Автократор, Бог, достойный по-

клонения, получивший царство от Наны, и всех богов, положивший начало(?) первому году так, как это нравилось богам». (32) Другая надпись, найденная в Камра (Пенджаб, Пакистан), описывает кушанского правителя Васишку как девапутра (т.е. «сын бога»), а также как девамануса, (т.е. «бог», (как) человек или бог, живущий в облике человека). Эти данные указывают, что кушанский император считался не только «сыном бога», но иногда идентифицировался с самим богом.

Скульптура императора Канишки. Музей Матхуры

Китайские источники понятие народа «юэчжи» (роуджи) переводят как «люди луны», а Сюанцзан, как выше мы писали, сообщал, что кирпандцы называли себя «детьми солнца». В свете этих данных, важно отметить, что на реликварии Шанкжжи-кидхери с надписью Канишки имеется изображения царя, за спиной которого даны божества Луны и Солнца, с протянутой рукой в жесте, благословляющем голову императора. Это изображение символично, так как это можно понять как получение царской власти при благословении солнечного божества местного населения и при покровительстве своего юэчжийского божества Луны. На наш взгляд, появление образов божеств, символов Луны и Солнца на монетах кушан, на коронах эфталитов символизирует империю, где объединены народы Солнца и Луны. Кроме того, кушанские монархи отождествляли себя с божествами Солнца и Луны или даже, видимо, считали себя братьями Солнца и Луны. Не случайно в пантеоне кушанских богов важное место занимают Митра (бог Солнца) и Ма (Лунная богиня).

Статуи кушанских царей, найденные в Мате около Матхуры и в небольших храмах в районе свата, а также в храме Сурх-Котале, указывают, что кушанским монархам действительно поклонялись как божествам. Храм в Мате, как показывает археологический материал, был сооружен во время царствования Вимы, и его изображение было установлено здесь специально как главный объект для почитания. Этот храм был обновлен в период правления Хувишки и, таким образом, поклонение продолжалось в течение периода правления этого царя. Рабатакская надпись определенно утверждает, что Канишка I «повелел изготовить изображения Кудзулы Кадфиза (своего прадеда), Вимы Такто (своего деда), Вимы Кадфиза (своего отца)», а также его самого для водружения в храме. Эти данные позволяют предполагать, что кушанским монархам поклонялись, как божествам, в храме и при их жизни, и после смерти. Одна из надписей в Мате упоминает царство, подаренное Шивой кушанскому правителю. Дашт-е-Навурская надпись гласит, что Вима принял свое царство от Шивы. Согласно Рабатакской надписи, Канишка I «получил царство от Наны и всех богов» Все эти факты свидетельствуют о создании династического культа. Этот культ возникает, когда кирпандские правители захваты-

вают власть в наиболее важных владениях Центральной Азии, где сохраняются еще с древнейших времен идея о божественном происхождении царского дома. Эту идею правители Кирпанда использовали для пропаганды и освящения своей власти.

Кирпандские правители управляли огромной территорией, населенной разными народами, которым они пытались внушить божественное санкционирование и легитимность своего правления. Обожествление царей, практика возведение и поклонения их изображениям в храмах, благоговение людей перед ними привели к формированию и росту имперского культа. Такое отношение к императору, почти религиозное и патриотическое, разделялось его подданными, принадлежавшими к различным этническим слоям, религиозным течениям, общей чертой которых являлась принадлежность к империи. Политика кирпандской администрации держала подданных различного происхождения в страхе перед военной мощью империи, заставляя их в то же время верить в божественное происхождение кушанской династии, а так же быть духовно связанными с империей и императором. (33) Союз силы императорского культа, силы религиозного духа, силы оружия – спаивали империю и укрепляли мощь империи Кирпанд. Возможно, монументальная, величественная статуя Канишки из Матхуры может служить своеобразным символом величия Канишки и его империи Кирпанд.

Государственное устройство кирпандской империи в период правления кушанской династии все еще остается недостаточно изученной в науке. Система управления империей отражена в многочисленных документах на кхарошти. Местное самоуправление строилось по принципу, действовавшему на территории всей империи. Различными областями Кирпанда управляли наместники. Правитель Кирпанда имел на огромном пространстве империи несколько резиденций. Китайские исследователи пишут, что кирпандский правитель имел три резиденции - крепости – в Ташкургане (СУАР КНР), в Средней Азии и в Афганистане. Возможно, эти резиденции располагались в Пешаваре, Балхе, Шахринау – Душанбе или же в Халчаяне, где открыты археологами памятники буддийского искусства и династийного культа. Правители ряда подчиненных владений продолжали носить царские титулы.

В Кирпанде существовал развитый административный аппарат. Внутри государства особое место занимали «анакауа», титул греческого происхождения, прилагавшийся к царскому родственнику. Один из руководителей центральной администрации, как следует из одной печати, происходящей из Индии, носил титул «вазорак-фрамадар». Возможно, это высокий государственный чиновник кушанского периода, хотя в раннесредневековый период, судя по согдийским документам, «фрамандар» означал управляющего дворцовым хозяйством. Областями (за исключением тех, где правили местные династии) управлял «кшатрапа» («сатрап») или «махакшатрапа» («великий сатрап»). Существовали особые наместники пограничных областей. В сурхкотальской надписи главным действующим лицом является «каралраг» по имени Ноконзока. «Каралраг» - охраняющий границу или укрепляющий границу. Известен термин для обозначения военачальника – предводителя конницы – «асбаробид», а также термин для обозначения начальника арсенала – «зенобидо». (34) Во всех подвластных территориях Кирпанда действовали и имели силу законы империи, но учитывались и местные обычаи и нормы отношений, установившиеся у различных народов, поэтому в предписаниях есть указания о необходимости учитывать традиции предков. Аппарат управления нужен был для упорядочения производственных отношений, для регулирования отношений между людьми, для защиты от внешних нападений. (35) Китайские исследователи, исходя из анализа танских источников, свидетельствуют, что в Кирпанде развито судопроизводство, что в стране за разбой и убийство наказывают казнью, а за остальные менее тяжкие преступления штрафуют. (36)

Исследования Л.А. Боровковой последующей истории кушан, после правления императора Канишки, показывает тенденцию нарастания внутренних противоречий при кушанском дворе. Ставший следующим царём, судя по надписям, Васишка (126-131), видимо, ярый буддист, разрушил династийные святилища кушанских царей в Сурх-Котале и сел. Мат. Но занявший трон в 131 г. Хувишка (131-162) тут же восстановил храм в Сурх-Котале, просуществовавший до конца II — начала III в., т.е. до конца существования Кушанского царства. А одна надпись, относящаяся к

143 г., с именем царя Канишки, названного сыном Васишки, именуемого учёными Канишкой II, свидетельствует, видимо, о неудачном заговоре против Хувишки. В 162 г. правление Хувишки закончилось, а следующий царь Васудева начал, судя по надписям, править только в 166 г. Перерыв в четыре года, типично индусское имя Васудевы, снова появление на реверсе его монет только индуистского бога Шивы, отправление в 159 и 161 г. посольств в Позднюю Хань именно из Тяньчжу — всё это даёт основание считать, что в 166 г. при кушанском дворе победила группировка знати из Тяньчжу (Северной Индии). В индийских землях возникли индийские царства с собственной монетой. Но в коренных землях кушан в Северной Бактрии существовало царство, называвшееся Кушанским по крайней мере до 230 г., когда из него в северное китайское царство Вэй прибыл посол. А, судя по монетам, возглавлял его царь Канишка III. (37) Хотя позже в источниках сохраняются сведения о государстве Кирпанд в связи с прибытием посольств в столицу Поднебесной.

Около III века Кирпандская империя понесла тяжелые территориальные утраты, после чего под властью кушан остались Бактрия, Гандхара и прилегающие к ней районы современного Пакистана и Афганистана. Судя по сообщению китайской истории Вэйлию, составленной между 239 и 265 гг. империя кушан продолжала существовать как единое государство, хотя и сильно сократившись по величине: по словам этого источника, Гибинь (вероятно, Кашмир), Гаофу (район Кабула или вся область Южного Афганистана и Северного Пакистана) и Тяньчжу (Северная Индия), равно как и Дася (южная часть Бактрии), «принадлежат даюэчжи». (38) Китайские исследователи Кирпанда, тоже ссылаясь на 12 главу «Дневника о Западном крае Великой танской эпохи», пишут, что кирпандское государство добилось наибольшего могущества в эпоху Южных и Северных династий (эпоха Южных и Северных династий – 317-589 гг – примечание Г.М.), когда границы Кирпанда простирались: на Западе – до Хорезма, на севере – до Кашгара, на юге охватывал Кашмир, на востоке – до Кагылыка (СУАР КНР) (39)

Сведения о распаде империи кушан в III-IV веках связаны в основном с источниками о восточной политике сасанидского Ира-

на и этот факт стал классическим в науке. Опиравшийся на сасанидскую историческую традицию арабский историк ат-Табари, передавая сведения о завоёваниях сасанидского царя Ардашира I, приписывает ему походы в Хорезм и Балх – « до отдаленных границ Хорасана», в результате чего по возвращении победоносного царя в Парс «пришли к нему послы царя кушан, царя Турана и Маркурана с выражением покорности». (40) Это сообщение со времен Т. Нелдеке (41) считалось убедительным свидетельством подчинения Ардаширу I, хотя бы временного, государства кушан, однако в свое время высказывали сомнения в достоверности этого сведения М.М. Дьяконов и А.М. Мандельштам. (42) Б.Я. Ставицкий считает, что сообщения ат-Табари больше основываются на традиционной позднесасанидской трактовке ранней истории Сасанидского государства, чем на каком-либо источнике, содержащем описание фактических событий второй четверти III в.н.э. Тем более, что армянские авторы Моисей Хоренский (конец IV-начало V вв) и Фавст Бузанд (конец IV-начало V вв.) в своих трудах пишут о Балхе как о столице кушанского государства, несмотря на то, что здесь правили уже эфталиты. (43) Что возможно, свидетельствует о смене династий на кушанских землях.

До сих пор остается предметом дискуссий дата распада Кушанской империи. Только по нумизматическим данным (других письменных источников не найдено) учёные строят свои исторические построения о существовании в IV в. сасанидского наместничества на кушанских землях, после упадка самой империи. Исследователи подкрепляли свои доводы о существовании сасанидского наместничества фактом чеканки денежных знаков по образцу сасанидских и кушанских монет, хотя титулатура на легендах была составлена на среднеперсидском и бактрийском языках: "Царь кушан", "Великий царь кушан" или даже "Великий царь царей кушан". Анализ нумизматического материала подтверждает, что при сасанидском шахиншахе Шапуре II, правившем Ираном с 309-379 г. действительно на кирпандских землях существовало кушано-сасанидское наместничество. (44) Анализ нумизматических данных, сделанных В.И. Вайнберг, позволил ей уточнить дату вытеснения Сасанидов из этих земель совместными усилиями хионитов и кидаритов к концу 80-х годов IV в. В это время к югу

от Гиндукуша возникает царство Кидары, а в районе Кабула и на севере Индии обосновывается группа хионитских племен. К этому периоду она относит возвышение эфталитов на востоке Тохаристана. (45) Скорей всего, после ослабления власти кушанской династии, в Кирпанде, в переходный период, шла борьба за власть и была ослаблена централизация государства. На смену кушанской династии приходит династия Кидары.

П.2. Политическая карта Центральной Азии в IУ веке и роль Кидаритской и Эфталитской династий в регионе

В конце III века кушанская династия Кирпанда постепенно ослабевает. Политическая обстановка в Центральной Азии в конце III-IV вв определялась следующими факторами: сложными взаимоотношениями между членами слабеющей династией Кирпанда, политическими объединениями кидаритов, хионитов с Сасанидским Ираном и правящими династиями Китая; военно-политической ситуацией, которая способствовала децентрализации империи на определенный период. В центральноазиатском регионе в этот период шли непрерывные военные действия, которые привели к большому дроблению государств на мелкие владения. Ослабление кушанской династии привело к ускорению центробежных сил и усилению внешнего воздействия на империю. Упадок могущества кирпандской империи начался в IV в., когда войска сасанидского царя Шапура II нанесли ей ряд тяжелейших поражений, приведших к территориальным утратам и постепенному угасанию политического влияния династии. Раздираемая внутренними противоречиями кушанская династия была свергнута иранской династией Сасана и на землях Кирпанда при сасанидском шахиншахе Шапуре II, правившем Ираном с 309 по 379 годы было установлено кушано-сасанидское наместничество.

По нумизматическим данным, российская исследовательница В.И. Вайнберг относит вытеснение Сасанидов из этих земель усилиями царя Кидары к концу 80-х годов IV в. (1) Бэйши именуется Цидоло (Кидару) царём государства Больших Юечжей, под которым китайские источники подразумевают бывшие территории кушанского Кирпанда : на монетах же Кидара носит титул ку-

шаншаха. Совпадение совершенно независимых друг от друга данных позволяет считать, что Кидара был представителем кушанской по происхождению династии, правившей в северном, бактрийском, позднекушанском государстве, образовавшемся после распада кушанской империи. Исследуя источники, И. Маркварт пришёл к заключению, что государство Кидары было остатком кушанской империи. Кидаритские цари, видимо, считали себя продолжателями кушанской политической традиции.

Кидариты укрепились в Средней Азии около 420 г. Титул Кидары - *Kusana sahi* указывает на то, что он сам считал себя родственником кушанов-юечжей. Кидариты (поданные царя Кидары) – коренное население Центральной Азии, были самостоятельным народом, отличным от хионитов (хуни) и эфталитов (поданных Эфталитской династии). Гиршман считал, что Кидара был наместником Балха, взбунтовавшийся против Шапура II в 367 - 368 гг. На основе нумизматических данных Мартин показал, что Кидара правил во второй половине IV в. н.э. и был первоначально подчинён Шапуру II. История поздних кушан гипотетически восстанавливается Марином следующим образом. Около 350 г. жужани заставили кушан покинуть Бактрию: часть кушанского населения ушла в Прикаспий, а часть (во главе с Кидарой) в Гандхару. (2) Первоначальной столицей Кидары, скорей всего, мог быть нынешний Ташкурган (СУАР КНР), где еще сохранились остатки мощной крепости – резиденции и городище. Именно с первоначального государственного ядра Кирпанда начинается возвышение Кидары. Не случайно, покидая «малые юэчжи» Кидара оставляет своего сына правителем в Пешаваре – в летней резиденции кушанских правителей. В Бэйши сообщается, что Кидара управлял «малыми юэчжи», но изгнанный гуннами, ушел на запад», а управление поручил своему сыну.

Пешавар, как духовная резиденция, а Ташкурган -как первоначальный политический оплот правителей кушан, во все периоды истории Кирпанда сохраняли свою интегрирующую роль бактрийской и индийской частей империи. Главная, первоначальная резиденция правителей Кирпанда в Ташкургане лежала на стыке стратегических коммуникаций и контроль над этими путями давала не только экономические выгоды Кирпанду, но и способствовала со-

хранению в целостности ядра кирпандской империи в последующие периоды. Кидара, уйдя из Ташкургана, обосновывается в прежней столице Кирпанда кушанского периода – в Балхе, куда в свое время перенес столицу император Канишка, который, согласно привезенной экспедицией П. Пэлю рукописи из Дунхуана (текст составлен на санскрите и продолжен в хотанском переводе) происходил из императорского рода правителей Балха.(3)

Гиршман Р., подробно исследовавший историю хионитов и эфталитов, видит в кидаритах пришельцев — возможно из Синьцзяна. (4) Видимо, кидариты – потомки оставшихся юэчжей в Синьцзяне и памирских саков, которые локализовывались на «Крыше мире» еще с древности. Первоначальное название пришельцев из Синьцзяна было «бади», которое, очевидно, сохранилось в топониме «Бадахшан».

Приск Панийский сообщает, что в 456 г. персы не смогли оказать помощь лазам, воевавшим с Византией, так как были заняты борьбой с гуннами, именуемыми кидаритами. После 358 г. Кидара при поддержке племени забул завоевал Кабул и Гандхару. Бэйши сообщает о том, что Кидара совершил поход через Гиндукуш и завоевал пять владений, находившихся севернее Гандхары. Кроме того, в описании государства малых юечжей говорится о том, что правившая там династия происходила от его сына, оставленного им в Пешаваре. Следовательно, в завоеванные Кидарой области входил также Пешавар, где и была основана новая династия Кидаритов. Так же, как и кушанская династия возникает кидаритская династия в районе Памира и Гандхары – в первоначальном ядре становления Кирпанда. Поход в Северную Индию свидетельствует об усилении Кидары, которое может быть объяснено только поддержкой хионитов – саков, которые были его подданными. Как мы указывали выше, Сюанцзян, который бывал в Кирпанде в 641 году, свидетельствовал о том, что прошло несколько столетий, как кирпандский шах подчинил у-диенское (хионитское-эфталитское?) владение. Подчинение этих владений заключалось в том, что они платили дань и помогали военной силой во время войн правителя Кирпанда.

Карта Кушанда в период правления эфталитской династии

Приск Панийский указывает, что послы Пероза в 464 г. требовали от Византии субсидий для борьбы с гуннами-кидаритами, дабы предотвратить их вторжение, но получили отказ. Вторично субсидии были потребованы в 466 г. в связи с войной с кидаритами. Более подробное известие о кидаритах приводится этим автором в рассказе о посольстве Констанция к иранскому царю Перозу в 465 г. Пероз в это время находился на границе с землями гуннов-кидаритов, с которыми вёл войну из-за неуплаты ими дани. От уплаты дани отказался отец правившего тогда царя кидаритов, что вызвало войну, продолжавшуюся и при его сыне. Пероз, утомлённый длительной войной, предложил царю кидаритов Кунхасу мир и заключение династического брака. Кунхас согласился на мир на условиях династического брака, но получил в жёны не сестру Пероза, как ему было обещано, а незнатную женщину, о чём он узнал позже. Желая отомстить за обман, Кунхас обратился к Перозу с просьбой прислать ему для предводительства войсками хороших военачальников. Когда прибыли 300 военачальников, он приказал

часть из них убить, а часть изуродовать и отправить назад в Иран с извещением, что это месть за обман. После этого война вспыхнула вновь.

Шапур II после завоевания Армении (вероятно, в 370 г.) предпринял поход против Кидары, но потерпел поражение. Во втором походе почти всё персидское войско было уничтожено кидаритами. По данным Фавста, война была начата кидаритами, (5) что свидетельствовало уже о непризнании Кидарой верховной власти Ирана. Победили, видимо, кидариты только с помощью хионитов, (владения которые по сведениям китайских источников были в составе царства Кидары) так как войска Шапура II были очень многочисленны. (6)

Кидара сыграл выдающуюся роль в событиях Центральной Азии, разыгравшихся на протяжении второй половины IV в. н.э., и сумел возглавить хионитские племена, по всей вероятности после участия их в походе Шапура II на запад. Заслуга Кидара состоит в том, что он сохранил ядро империи кушанского периода. В сложных политических условиях он смог вновь объединить относительно большую часть Кирпанда и создал новую династию. При помощи хионитов он покончил с зависимостью от Ирана, а затем завоевал ряд областей северной Индии, намереваясь, очевидно, восстановить целостность былой империи. При дележе захваченных областей возникло столкновение с частью хионитов, участвовавших в походе. Это столкновение вынудило Кидару отдать хионитам центральный Афганистан. Часть хионитов, обосновавшаяся в Прикаспии, от Кидары не отложилась и продолжала сохранять в дальнейшем тесные связи с его преемниками. (7)

Фавст Бузанд пишет, что в 368-374 гг., персы прекратили военные действия против армян, так как царь кушанов (кидаритов) Аршакуни, сидевший в Балхе, поднял войну против Шапура II и нанес ему сильное поражение. Высшая точка восстания приходится на 375 - 378 гг., причем Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом. Хоны, т.е. хиониты, выступили на поддержку восстания, разорвав союз с Ираном. Восстание утихло при неизвестных обстоятельствах, но сразу же за подавлением Аршакуни в персидских войсках в 384 г. появляются эфталиты как союзники шахиншаха. Как известно, Балх лежит на грани-

це иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горами, и, видимо, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с персидским царем. Таким путем эфталиты вышли на арену мировой истории. Л.Н. Гумилев считает, что царство Кидары просуществовало с 418 по 468 гг.(8), хотя, как свидетельствуют вышеуказанные источники, кидариты действовали на политической арене Центральной Азии вплоть до 80- годов 1У в.

О пришедшей на смену кидаритам эфталитской династии сохранились противоречивые сведения. О происхождении эфталитов в «Бэйши» сказано, что "в начале сей Дом показался за северною границей от Алтайских гор на юг, от Хотана на запад". (9) На запад от Хотана лежит Памир, по одну сторону коего находилась населенная область западного Тибета - Дардистан, а по другую афганский Ишкашим. Дардистан входил в состав государства эфталитов, что видно из перечисления областей, доставшихся в 567 г. Хосрову Ануширвану, а в Бадахшане в районе Файзабада находится долина Ефталъ (10) Как считает Л.Н. Гумилев, эфталиты сложились как народ в горной области Памира. Как известно, горная область Памира и Гиндукуша была населена арийскими племенами индо-иранской группы. В конце VII в, до н.э. к ним пришло племя байди с границ Китая, За 800 лет оно акклиматизировалось и отчасти смешалось с автохтонным населением.

В кушанский период одна из ветвей этого племени, хуа, поселившаяся в долине Ефталъ, получила новое имя: й-еда (китайское), ефталиты (греческое), хайталъ (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. Учитывая племенное наименование эфталитов «хуа», можно предположить, что это слово сохранилось в названии Хутталян. В конце IV в, хуа уже организованное племя, а в начале V в. государство с претензией на гегемонию во Внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходит за счет объединения всех горных племен Памира и Гиндукуша, что связано с расширением понятия "эфталит". Надо думать, что в эпоху их расширения и политического господства название "эфталиты" распространялось на всех подданных эфталитского царя. В

«Бэйши» подчеркивается, что "владельческий дом И-еда происходит от одного рода с Большим Юечжи, (11) то есть приемственность и связь с юэчжами у эфталитской династии сохраняется, также как и у кидаритов.

Бадахшанская концепция происхождения эфталитов обосновывается в конце 50-х годов XX века в исследованиях японского ученого К. Еноки. Выводы К. Еноки сводятся к следующему: а) первоначальная родина эфталитов находилась в Бадахшане; б) их культура содержала некоторые иранские элементы. Он считал территорией формирования эфталитов среднее течение реки Кокча, описываемую Сюанцзаном под названием Си-мо-та-ло (Ги-мо-та-ло). Он также считал, что эфталиты имели среднеазиатское, иранское происхождение (12)

Анализ надписей на монетах эфталитских царей показывает, что сами себя эфталиты называли *хион*. Иначе говоря, *эфталиты* были одной из этнополитических групп *хионитов*. Сопоставление различных источников выявляет, что таких групп было по меньшей мере две: *спет хион* «белые хионы» и *кармир хион* «красные хионы». Как считает С.Г. Кляшторный, *хионы* были одной из древних групп ираноязычных кочевников, обитавших в горно-степной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии.(13) Р.Гиршман, в результате дешифровки легенд на эфталитских монетах (как «Хэфтал – царь хионитов»), приходит к заключению, что хиониты и эфталиты были одним народом: эфталиты – название правящего рода, а хиониты – самоназвание народа (в форме «хион»), который представлял собой союз иранских племен или народность, родственную кушанам. (14) На наш взгляд, эфталиты-тохаристанцы, поданные царя Эфталана, основателя династии эфталитов. Монеты, приписываемые эфталитам, имеют легенды на брахми, пехлеви, бактрийском, а титулы же, имена собственные и географические указывают на тесные культурные связи с Ираном и Индией. Что же касается титулов, совпадающих с тюркскими (тегин, ябгу), то они скорее заимствованы тюрками у эфталитов, чем наоборот, так как с тюркского языка они не читаются. Как считает Л.Н. Гумилев, возможно, что эфталиты в свою очередь заимствовали титулатуру у кушан. (15)

В настоящее время все больше исследователей склоняются к концепции тохаристанского происхождения эфталитов (16) По свидетельству «Бэйши» эфталиты: «городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают прохладные места, а зимою теплые».(17) Но этому сообщению противоречат утверждения об эфталитах Прокопия Кесарийского: "Они не кочевники, подобно другим гуннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну. Они одни из гуннов белы телами и не безобразны видом... и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царём и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов». (18) По мнению Э.В. Ртвеладзе, эфталиты с самоназванием алхон (хион) были автохтонным населением Бактрии – Тохаристана. Он указывает, что в пользу этого свидетельствует ряд данных: погребальный обряд и антропологический тип населения Тохаристана в IV-VI вв. мало меняются по сравнению с кушанским периодом; противоречивые оценки образа жизни эфталитов, содержащиеся в письменных источниках, объясняются тем, что местное население издавна делилось на оседлое и кочевое. Указание, что эфталиты живут в городах, связано, видимо, с овладением ими городами Центральной Азии и созданием местных политических центров. По мнению В.С.Соловьёва, эфталиты – потомки памирских саков, которые после поражения во II в. до н. э. от юэчжей переселились в Бадахшан и жили не только на Памире, но и в примыкающих к нему регионах, в частности в Каратегине, где имеются эфталитские погребения Ляхш I и Ляхш II. В.С.Соловьёв отождествляет кидаритов с юэчжами, а хионитов – с приаральскими массагетами, которые покинули места первоначального обитания под давлением хуннов и двинулись в пределы Кушанского государства, а в дальнейшем, были завоеваны эфталитами. (19)

Археологические открытия последних десятилетий XX века все больше подтверждают гипотезы о бактрийско-тохаристанском происхождении эфталитов. Определенные аргументы дали материалы могильных комплексов IУ-У1 вв в бассейне Сурхандарьи. При разнообразных погребальных сооружениях, что связано в известной степени с изменениями культового содержания погре-

бального обряда, генетическая связь погребенных с населением предшествующего времени сохранялась.

Как показывает исследование антропологического материала населения Средней Азии, здесь расовый состав населения не менялся на протяжении ряда тысячелетий (эпох бронзы и античности), и эфталиты идентичны местному иранскому центральноазиатскому населению древности. Серия черепов из погребений Сурхандарьинского бассейна – Дальверзинтепа, Курган (Старый Термез), Биттепа, исследованных антропологом Т.К. Ходжайовым, имеет искусственную деформацию, характерную для эфталитов и отмеченную еще Ш.Уйфальви у правителей белых гуннов, изображения которых дошли до нас на монетах. (20) Подобную характерную деформацию черепа практиковали, как выше мы указывали, и население Кирпанда кушанского периода. Как сообщил автору Т.К. Ходжайов, подобная деформация черепа в детстве придавала человеку агрессию, бесстрашие. Не случайно, современники эфталитов отмечали их особую жесткость и бесстрашие. Сопоставление монетных изображений эфталитских правителей с деформацией головы и материалов палеоантропологии не вызывает сомнения однотипности искусственной деформации черепа. (21) Судя по антропологическим материалам, кольцевая и лобнозатылочная деформация черепа чаще практиковалась у мужского населения Тохаристана. По основным расово-диагностическим признакам серии черепов из эфталитских погребений европеоидная. (22)

Сопоставление изображений эфталитов на монетах и в живописи Дильберджина (Северный Афганистан) и Балалыктепа (бассейн Сурхандарьи), а также комплекс материалов из уникального эфталитского памятника Курган (Старый Термез) дают возможность идентификации этого загадочного народа и их памятников материальной культуры, имеющей генетическую связь с древнейшим местным наследием. Установлено, что население, оби-

*Эфталитская монета
царя Лахана из Уддияны*

тавшее в Тохаристане, на протяжении многих веков было тесно связано между собой этнически и что родиной обычая кольцевой деформации головы является Средняя Азия. Учитывая, что с выходом эфталитов на политическую арену погребальный обряд, культура и антропологический тип их существенно не меняется, то совокупность археологического и антропологического материала дает возможность считать, что эфталиты являются коренным этносом, издревле обитавший в Бактрии-Тохаристане.

На монетах эфталитских правителей, чеканившихся в Кирпанде, надписи в основном выполнены бактрийской курсивной письменностью на бактрийском языке. Первые монеты, которые выпускали эфталиты, - алхоны в Пакистане и Индии, были также выполнены бактрийской письменностью, хотя впоследствии они переходят здесь на брахми.(23) Причем, письменные документы эфталитов, найденные в Синьцзяне выполнены на восточно-иранском языке.(24) Нельзя также отбрасывать сведения китайских источников о том, что эфталиты из одного рода с юэчжами.(25) Антропологические материалы показали родственную близость населения Кирпанда кушанского и эфталитского периодов и преемственность традиций их материальной культуры. Мы не случайно подробно остановились на анализе совокупных археологических материалов: они еще раз аргументировали в пользу автохтонного происхождения эфталитов и подкрепили сведения письменных источников о генетической связи кушан и эфталитов.

Скорей всего, на обломках кидаритской империи начинается политическое усиление хионитов – конфедерации скотоводческих племен. Феофан Византийский отмечает: эфталитами они стали называться по имени их царя Эфталана. (26) А Р. Гиршман, как выше мы отмечали, изучив надписи на монетах, пришел к выводу, что сам народ назывался хионитами, а эфталитами они называли себя только в официальных документах, и это – имя династическое. (27).

К середине V века на политическую арену выступает правитель хионов Эфталан – основатель могущественной династии Эфталитов. В армянских источниках, в описаниях 450 г. впервые названа «страна эфталитов». (28) В течение короткого времени эфталитский Кирпанд достигает былого могущества кушанского пе-

риода. Стратегия эфталитов была направлена по трем направлениям: на север, восток и юг. В 428 г. эфталиты для расширения своего военно-политического влияния в регионе напали на Сасанидский Иран, но потерпели поражение, вынудившее их заключить мирный договор, по которому были определены границы между враждующими сторонами.

На новом этапе истории, период между 460-530 гг. является для Кирпанда периодом наивысшего подъема. В течение этого периода Кирпанд помимо своих военных и политических достижений в сасанидско-кирпандской борьбе за лидерство в Центральной Азии, успел расширить империю в пределах Северной Индии и Синьцзяна, пытаясь восстановить былое могущество кирпандской империи. Между 467-480 гг. эфталиты подчинили Согд. Затем последовала победа над иранским шахиншахом Перозом: этот сасанидский правитель сначала попал в плен к эфталитам, был выкуплен византийским императором Зеноном и обещал впредь не нарушать пределы царства эфталитов; затем вновь вторгся в их владения, снова потерпел неудачу и, наконец, в 484 году в третий раз напал на эфталитов и погиб в специально подготовленных ими волчьих ямах вместе со значительной частью своего войска. Эфталиты обложили Иран тяжелой данью, которую тот платил в течение 60 лет. Ещё до того, как *эфталиты* полностью овладели Согдом, они в 479 г. начали продвижение на восток и подчинили Турфанский оазис; между 490-509 гг. они завершили подчинение большинства городов-государств Таримского бассейна, а возможно, всего Синьцзяна. Видимо, сведения о том, что послы Кашгара с 462 г., а послы Хотана с 467 г. перестали прибывать ко двору китайского императора, связано с вхождением этих территорий в состав Кирпанда. Само новое подчинение эфталитами бывших владений кушанского Кирпанда - Хотана, Кучи и Карашара произошло в 495 - 508 гг. В начале V1 века большая часть Синьцзяна находилась под управлением кирпандского императора и на этом огромном пространстве он осуществлял контроль над коммуникациями.

К началу VI в. эфталитский царь Торамана занял большую территорию в Северо-Западной Индии и добрался до Центральной Мальвы. Источники свидетельствуют, что эфталиты в этот период

завоевали Гандхару, Синд, Пенджаб, Раджастан, Мальву, Сялкат и другие области северо-западной части Индостана, и даже проникнув еще глубже в Джамно-Гангскую долину, захватили Гвалияр. Лишь в 510 г. Торамана был побежден правителем империи Гупта Бханагултой. В конце V в. эфталиты овладели и Северной Индией, где в первые десятилетия VI в. правили эфталитские цари Торамана и его сын Михиракула. Торамана, усилившись, в 514 году создал свое полунезависимое собственное индийское государство, связанный с эфталитской династией и подчинявшийся кирпандскому императору. Центром его государства была Мальва. При сыне Торамана – Михиракуле владения эфталитов в Северной Индии достигают максимальных размеров. Однако, многие политические шаги Михиракулы, особенно преследование буддизма, восстановили против него поданных и вскоре он потерпел поражение в войне с гуптским правителем Яшодхарманом, но он смог удержаться в Гандхаре. Все известные эфталитские североиндийские правители чеканили свои монеты, которые отличались тамгой от монет среднеазиатских владетелей Кирпанда. Кроме того, монетам эфталитских правителей индийских областей были характерны надписи, выполненные греко-бактрийским алфавитом. (29) По существу, эфталиты полностью овладели кушанским наследием и становятся решающей политической силой в Центральной Азии.

Воинственные горцы-эфталиты добились возможности объединения империи, используя временный упадок и затруднения соседних владений, опираясь на силу военной организации эфталитского общества, но с другой стороны давали владетелям покоренных областей империи свободу управления, вверенных территориях. Кирпанд эфталитского периода не был прочно централизованным государством, и многочисленные области обширной империи, признавая верховную власть эфталитского правителя, в значительной мере сохраняли политическую самостоятельность, о чем, как мы выше писали, свидетельствуют выпускавшиеся этими владениями монеты.

Время от разгрома сасанидского царя Пероза до 545 года (дата прекращения выплаты Ираном дани) было периодом наивысшего могущества эфталитов. С 502 по 506 гг., они в качестве со-

юзников сына Пероза Кавада, которому они помогли взойти на сасанидский трон, даже принимали участие в войне с Византией. Эфталиты были народом воинственным, но немногочисленным. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. (30) Перед началом своего расцвета государство эфталитов охватывало горную страну по обе стороны Памира, а именно области: Синд, Бост, Ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан, Кабулистан. Индийские земли и Арахозия были завоеваны эфталитами в результате удачных войн, а горные долины Тянь-Шаня и Хотан - одним походом 495-497 гг., после чего эфталиты стали гегемонами в Центральной Азии.

К концу V - начала VI вв. эфталитам удалось подчинить себе весь Тохаристан, Согд, Афганистан, Северо-западную Индию, бывшие владения кушанского Кирпанда в Синьцзяне и возродить мощь Кирпандской империи, которая простиралась от Северо-западной Индии до Семиречья и от Хотана до границ Сасанидского Ирана. Территория Эфталитского государства превосходила даже размеры кушанского Кирпанда. Данные письменных источников свидетельствуют о том, что в середине V – начале VI вв. эфталиты пресекли попытки Сасанидского Ирана овладеть Тохаристаном и тем самым, способствовали самостоятельному развитию военно-политических, торгово-экономических, культурных отношений народов Центральной Азии.

Государство эфталитов в V-VI вв. было слабо централизовано. Оно состояло из 27 владений или историко-культурных областей, границы которых определялись естественными рубежами. Эфталитский Кирпанд по форме правления была конфедерацией, в отличие от формы правления кушанского периода (абсолютная военно-теократическая монархия). Большой самостоятельностью в Кирпанде пользовались местные династии, а также представители собственно эфталитской знати. Наглядно об этом свидетельствует монетный материал. В отличие от индийских владений Кирпанда, в среднеазиатских владениях эфталитов не было централизованного монетного чекана, осуществлявшегося от имени одного царя. Монеты, причем разного типа и номинала, выпускали правители Чача, Согда, Кеша. Даже в самом Тохаристане, являвшемся оплотом Кирпанда, чеканка монет осуществлялась правителями

более мелких областей.(31) В У в. наличие тамг или династических знаков указывает на полную самостоятельность правителей в выборе символики и определенную политическую их независимость. Но отсутствие на медных монетах имени и титулов правителей говорит о том, что они не обладали еще достаточной властью и влиянием. Это были лишь первые шаги по пути формирования самостоятельных владений. Только в У1 веке и особенно во второй его половине нарастает политическая мощь правителей указанных владений, что довольно хорошо отражают монеты. Экономически и политически сильные владения уже чеканили монеты с указанием на них имени и титулатуры правителей. Более слабые владения продолжали выпуск анэпиграфических монет, зачастую только медных (32)

Как выше мы писали, по свидетельству Прокопия Кесарийского, все эфталиты были подчинены одному царю, и у них существовала «законная государственность», в отношениях между собой и другими странами они «соблюдали справедливость в такой же мере, как византийцы и персы». (33) Эта характеристика, хотя она дается как противопоставление эфталитов гуннам и поэтому требует к себе критического подхода, позволяет считать, что эфталиты пытались создать государство с централизованной властью и нормами, определяющими взаимоотношения отдельных частей его. Однако, фактически Кирпанд эфталитского периода не был чем-то единым, имеющим прочную основу: оно представляло собой лишь слабое объединение различных кочевых и оседлых племен и народов, державшееся прежде всего силой оружия.

В настоящее время недостаточно источников для реконструкции внутреннего устройства эфталитского Кирпанда. Танские источники свидетельствуют, что правитель Кирпанда правит страной справедливо. Было развито судопроизводство. Кирпандцы были законопослушны. За разбой и убийство наказывали казнью. (34) Некоторые данные свидетельствуют о том, что в подчиненных им владениях не было смены династий. Это засвидетельствовано, например, для Бухарского оазиса: в 627 г. владетели Большого и Малого Ань неоднократно говорили о непрерывном правлении их династий (первая – в двадцати двух поколениях, а вторая – в десяти). Относительно Ферганы также известно, что местная

династия правила непрерывно примерно с 1У в. О Кане – Самаркандском Согде – в источниках говорится, что правящая династия здесь по происхождению юэчжийская (родственная эфталитам), и преемственность в ней не прерывалась со II в. до н.э.(35)

Монетные данные свидетельствуют о постепенном и неуклонном возвышении чаганианских династий конца У – второй половины У1 в. Если в начале в надчеканах фигурируют безымянные правители с титулом, то последующие владельцы проставляют не только свое имя, но и выпускают собственные серебряные и медные деньги. В этот период Чаганиан становится одним из наиболее крупных и могущественных владений. В нем правила своя наследственная династия. (36) Чаганианский правитель в начале УП века отправляет ко двору Самаркандского царя Вархумана свое посольство во главе с начальником канцелярии, дапирпатом Пукар-заде с дарами и невестой для заключения династического брака.(37) Различия в составе монетной массы, обращавшейся в Чаганиане, с одной стороны, и в Термезе и Гуфтане – с другой – убедительное свидетельство политической обособленности фактически смежных владений уже в конце У – первой половине У1 в. (38)

Из источников известно, что все подчиненные эфталитам владения выплачивали им ежегодную дань: по-видимому, в этом, а также в оказываемой военной помощи в случае войны и выражалась зависимость отдельных владений от императора Кирпанда. Видимо, как и в предшествующий период, в каждом владении был наместник правителя Кирпанда для контроля за сбором налогов от населения и таможенных пошлин. Вполне естественно предположить, что существовала какая-то упорядоченная система взимания дани и контроля за местными владельцами, но характер ее пока не ясен. В то же время, как мы выше писали, индийские владения были фактически независимы. Здесь военные действия вели эфталитские предводители, именовавшие себя царями и чеканившие свою монету. Весьма показательным и то, что Сон Юн в своих записках упоминает двух одновременно правивших царей: один из них, несомненно, верховный глава государства, принял китайско-

го посла где-то в Тохаристане, а второй(возможно, это известный Михиракула) – в пределах Гандхары.

Судя по источникам, в Кирпанде, видимо, существовало несколько резиденций-столиц императора. Одна столица находилась в первоначальном ядре Кирпанда - в Ташкургане, где до сих пор сохранились остатки крепости-резиденции. Судя по китайским источникам, столицей государства считался город Бадиан (Балх? Бамиан?), находившийся недалеко от современного Кундуза, в Афганистане. Однако верховный правитель Кирпанда обитал в Бадиане лишь три зимних месяца. Вместе с царем переезжали его приближенные и большая группа эфталитов в очередную столицу. Одной из резиденций, летней, видимо, был город Пешавар. Китайские источники сообщают, что в столице эфталитского царя "множество храмов и обелисков буддийских, и все украшены золотом". «Бэйши» добавляет: "Престол не передается наследственно, а получает его способнейший из родственников. Наказания чрезмерно строги. За кражу без определения количества положено отсечение головы, за украденное взыскивают в десять крат". "Столица - есть лишь дворец царя" "около 10 ли в окружности (т. е. 5 км), это роскошный замок". В эфталитском обществе практиковалась полиандрия: одна жена могла иметь мужей по количеству их братьев. Обряд погребения - захоронение в земле вместе с личными вещами (39), а Прокопий Кесарийский передает, что эфталитских правителей и знать хоронят даже с сотрапезниками – друзьями, которых заводили богатые эфталиты. При жизни эти «друзья» пользовались вместе всеми благами с покровителем, но в случае смерти царя и знати они должны были сопровождать его в мир иной. (40) В обществе эфталитов существовала четко выраженная имущественная дифференциация. Буддизм сохраняет свои позиции в обществе, однако вместе с зороастризмом население исповедует, манихейство, христианство, митраизм и другие местные культы.

Кирпанд в середине У1 века сталкивается с двумя мощными силами: сасанидским Ираном и Тюркским каганатом. При Хосрове 1 Иран достигает экономического и политического могущества и к середине 50-х годов У1 века перестает платить дань эфталитам и это послужило сигналом для военных действий эфталитов. В

этот же период эфталиты сталкиваются с тюрками в северной части Кирпанда, где они захватили некоторые области Северного Ча-ча (Ташкента), а в 555 г. овладели территориями вплоть до Сырдарьи и Приаралья, а границы Тюркского каганата вплотную подошли к границам Кирпанда. До этого были захвачены тюрками кирпандские владения в Синьцзяне. Кирпанд угрожал интересам и сасанидского Ирана и Тюркского каганата в Центральной Азии, поэтому Иран и Тюркский каганат заключают военно-политический союз для уничтожения эфталитской империи. Этот союз был скреплен династическим браком: дочь тюркского хакана стала женой Хосрова I.

Ирано-тюркская объединенная армия выступила против эфталитов. Эфталитский царь Гатифар собрал войско из своих владений – Балха, Шугнана, Амуля, Хутталяна, Висегарда, Термеза и сосредоточил основные свои силы в районе Бухары. Тюркско-эфталитская битва, происходившая между 563 и 567 гг, длилась восемь дней и закончилась полным поражением эфталитов. Это сражение считается самым кровавым в древней истории Центральной Азии. (41) После этого поражения начался постепенный распад кирпандской империи.

Остатки разбитого эфталитского войска бежали на юг, где выбрали нового царя Фаганиша, вместо убитого Гатифара. Узнав о поражении эфталитов, Хосров I с армией покорил Тохаристан, Забулистан, Кабулистан и Саганийан (Чаганиан). Новый эфталитский правитель Фаганиш, стремясь избежать окончательного разгрома, покорился Хосрову I для сохранения остатков своего царства. Территория Кирпанда была поделена между союзниками – победителями. Все области к югу и западу от Амударьи, в частности территории южных областей современного Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, в виде вассальных царств и владений были присоединены к сасанидскому Ирану, а земли, лежавшие к северу от Амударьи, вошли в сферу политического влияния Тюркского каганата. (42) Таким образом, мощью двух сил – сасанидского Ирана и Тюркского каганата была сокрушена самая мощная империя раннего средневековья – эфталитский Кирпанд. Китайские источники о крахе эфталитской империи пишут: «тукуесцы

(тюрки) разорили владения Йеда (эфталитов) и поколения рассеялись...». (43)

Кирпанд в эфталитский период смог опять подчинить себе обширные территории, но создать сплоченные экономические и политические основы для прочной империи он не смог. Видимо, для императора Кирпанда важно было регулярное поступление дани в казну, поставка людских ресурсов для усиления армии, для ведения многочисленных войн, а также контроль над основными коммуникациями, которые давали казне значительное пополнение за счет сбора таможенных пошлин и функционирования многочисленных «саховатхона» на трассах. Причиной тому были определенная независимость отдельных владений и их культурно-хозяйственное и политическое обособление: монетная система, материальная и художественная культура, письменность, типы погребальных сооружений и обрядов в различных областях Кирпанда в это время уже отличались. Тем не менее, вхождение различных по культуре народов в состав империи способствовало укреплению культурных связей, способствовал культурному синтезу достижений многих народов, лежащих на трассах Великого Шелкового пути.

Ядро кирпандской империи, откуда началось расширение империи и укрепление ее мощи – горные районы Верхнего Тохаристана и первоначальная столица Кирпанда - Ташкурган с прилегающими территориями, видимо сохраняют относительную самостоятельность в последующие УП -начало УШ вв. Относительная стабильность Северного Шелкового пути снижает роль опасного Южного Шелкового пути. В середине танской эпохи, с потерей стратегической роли южного пути, Кирпандское государство теряет свои былые политические и экономические позиции. В 713-727 гг. (по другой версии – в 719-729 гг.) последний кирпандский царь Фиошин со своими придворными и частью населения покоряется Тибету. (44) С этого момента Кирпанд исчезает с политической карты Центральной Азии.

ГЛАВА III. Дипломатические традиции в Центральной Азии и дипломатия Кирпанда

В древних государственных образованиях Центральной Азии внешняя политика была направлена на защиту целостности страны, а также на расширение владений, рынков, захват материальных и людских ресурсов в окружающих территориях. Международные вопросы разрешались обычно вооруженной силой, но в то же время постепенно набирала силу дипломатическая деятельность. Дипломатические сношения велись самими царями. Правители центральноазиатских владений почитались как боги, воплощали в своем лице все государство, имели в своем распоряжении армии «царских слуг» - чиновников и писцов. В соответствии с основными задачами завоевательной внешней политики военно-теократических владений Центральной Азии их централизованная дипломатия разрешала сравнительно ограниченный круг вопросов. Наиболее сильной ее стороной являлась организация всепроникающей военно-политической разведки. (1) Дипломатическая деятельность правителей Центральной Азии выражалась в переговорах, обмене посольствами, созыве религиозного собора, заключении союзов, династийных браков.

Дипломатические традиции Центральной Азии складывались еще в рамках межплеменных отношений, когда вырабатывались общие принципы заключения договоров. В «Авесте» гарантом нескрушимости межплеменных договоров выступает бог Митра. На договор в древнем мире смотрели, как на нечто магическое. Нарушение договора, по убеждению людей древности, влекло за собой божественную кару.

Первый известный в истории среднеазиатской дипломатии международный документ был заключен между парфянами и мидийцами в УП- начале У1 в. до н.э.(2) «Отец истории» Геродот передает сведения о приеме послов Куруша II массагетской царицей Томирис и последующих событиях. (3) Дипломатические отношения в Центральной Азии в период эллинизма можно разделить на два периода: первый – отношения Александра Македонского с народами Центральной Азии, второй – отношения эллинистических

государств – Селевкидского и Греко-Бактрийского. Первый период (330-327 гг. до н.э.) характеризуется возросшей дипломатической активностью государств и племенных объединений Центральной Азии, выразившейся в заключении различного рода мирных договоров и военных союзов с Александром Македонским. Не исключено, что уже в это время, а возможно и несколько ранее формируется определенная группа людей, занимающихся внешними связями. Второй период (конец I У – начало второй половины II века до н.э.) характеризуется тем, что наряду с сохранением эллинистического государства – Греко-Бактрийского царства происходит не только активный процесс формирования местных государственных образований, но и становление межгосударственных связей и определенных форм дипломатических отношений. Известно, к примеру, о парфяно-греко-бактрийских военных договорах и союзах, заключенных в частности Диодотом II, по-видимому, после 237 г. до н.э. с Тиридатом (Юстин, X,1,4,9) в борьбе с их общим врагом –Селевком II, попытавшимся вновь завоевать Центральную Азию. Известны переговоры и заключение мирного договора в 206 г. до н.э. между селевкидским царем Антиохом III и греко-бактрийским царем Евтидемом.(4)

Если на начальном этапе развития дипломатии вектор внешнеполитических связей государств Центральной Азии был направлен на укрепление региональных отношений, а также в государства Южной и Западной Азии и далее, то начиная со II века до н.э. усиливается восточный вектор внешней политики центральноазиатских царств.

Судя по известным в настоящее время письменным источникам, фиксированные первые дипломатические отношения на евразийском пространстве древние среднеазиатские страны стали устанавливать со II века до нашей эры. Период с конца III века до нашей эры до начала I в. н.э. был эпохой великих исторических событий в Центральной Азии. Это было время создания и расцвета могущественной державы кочевников –Сюнну, простершейся от востока Монголии до Средней Азии, а затем упадка и крушения ее в борьбе с китайской империей Ранняя Хань (206 г. до н.э. - 25 н.э.). Это было время падения Греко-Бактрийского царства, переселения сюда из нынешнего Синьцзяна разгромленных сюннами

юэчжей, создавших царство Большое Юэчжи, переселения из Синьцзяна в долину реки Или усуней, создавших царство Усунь.(5)

Впервые в 129-128 гг. до нашей эры в Бактрии в качестве посла побывал Чжан Цян - посланник китайского императора У-ди. Чжан Цян, выполняя задачи ханьской военно-политической разведки, доносил ханьскому императору У-ди следующее: «Дася (Бактрия – примечания- Г.М.) находится в 200 с лишним ли (800 км) к юго-западу от Давань (Ферганы- примечания- Г.М.) к югу от Гуйшуй (река Сырдарья – примечания –Г.М.). Обычай в ней оседлые, есть города и дома. Обычай такие же, как в Давань. Не имеет верховного главы, а все города и владения ставят малых глав. Ее войска слабы, боятся войны. Народ любит торговать на рынках. Когда большие юэчжи переселились на запад, напали, но потерпели поражение от нее, и все подчинились и покорились Дася. В Дася много народу, миллион с лишним. Ее столица называется Ланьши.. К юго-востоку от нее – Шэньду (Индия – примечания – Г.М.)».(6) Проведенное комплексное историко-географическое исследование российской ученой Боровкой Л.А., показывает, что бактрийская столица г. Ланьши находилась в районе нынешнего города Душанбе или Шахринау. Бактрия в пору пребывания в ней Чжан Цяня предстает огромной, судя по многочисленности ее населения, земледельческой страной с большим числом городов и развитой рыночной торговлей. В политическом отношении она представляла собой конгломерат множества мелких владений со своими царьками. А город Ланьши считался столицей Дася, видимо, по традиции идущей с тех времен, когда страна была единым централизованным государством, который вошел в историю под названием Греко-Бактрийского царства. Город Ланьши, как считает Боровкова Л. А., был столицей Греко-Бактрийского царства еще при правлении известного по античным источникам правителя Евкратида и назывался Евкратидией. На рубеже II-I вв. до н.э. юэчжи, пользуясь войной Ферганы с Хань, захватят власть над всей Дася и сделают ее столицу г. Ланьши своей.

После завершения посольской миссии, дав характеристику земель Западного края, Чжан Цянь посоветовал императору У-ди установить отношения с Бактрией, поскольку туда имеются доро-

ги в обход владений враждебных ханьцам суннов. Чжан Цянь о Бактрии докладывает: «...в нескольких тысячах ли и там есть изделя из Шу (Сычуань – примечания- Г.М.), то есть она недалеко отстоит от Шу. Если сейчас отправить послов в Дася через Цян, то цяны погубят их, а если немного севернее, то их схватят сунны. А из Шу удобно идти прямо в Дася, да и нет там разбоя». Ханьский посол далее изложил императору У-ди перспективы взаимодействия со среднеазиатскими странами: «Сын Неба уже знает, что Давань, Дася, Аньси (Парфия – примечания – Г.М.)- великие царства. В них много удивительных вещей. По оседлому образу жизни и занятиям людей они очень сходны с Срединной империей (Чжунго), но войска их слабы. В лежащих же к северу от них Большом Юэчжи и Канцзюй войска сильнее, и их можно с помощью богатых подарков использовать для пользы двора(то есть наладить союзнические отношения – примечания Г.М.). И если действительно добьемся этого и по сути подчиним их, то слава о величии и добродетели Сына Неба распространится меж четырех морей и на пространстве в 10 тыс. ли через переводы с девяти языков дойдет до народов с разными обычаями...». Император У-ди отправил посольства в Дася по четырем дорогам одновременно, но в пути послы были убиты. У-ди пытался еще не раз до 123 года до н.э. отправлять посольства в Бактрию, но все попытки были безуспешными. Таким образом, первая попытка Хань проложить путь в Бактрию из Сычуани через Индию закончилась полным провалом. Но открытый Чжан Цянем мир далеких богатых стран привлекали императора У-ди возможностью получить политические и торговые выгоды в случае установления тесных связей с ними.(7)

Чжан Цянь предложил императору У-ди план установления связей с Бактрией. План состоял в том, чтобы заключить союз с усунями, против сунну, для обеспечения безопасности дорог в Бактрию через нынешний Синьцзян, а затем подчинить бактрийские и другие земли ханьскому влиянию. Ханьский император Чжан Цяня «...отправил послом в Усунь во главе 300 человек. Дал им по две лошади на каждого и 10 тыс. волов и овец, а также несметное количество золота и шелка для даров иноземным правителям. Многие помощники посла получили верительные бирки, чтобы Чжан Цянь по дороге отправил их послами в прилегавшие к

ней царства... Цянь не смог заключить договор с усунями. Тогда Цянь разослал помощников посла в качестве послов в Давань, Канцзюй, Большое Юэчжи, Дася, Аньси, Шэньду, Юйтянь и другие сопредельные страны. Усунь предоставила Чжан Цяну проводников и переводчиков для сопровождения его в обратный путь. Вместе с ними отправил своих послов с дарами. Через год прибыли в Поднебесную отправленные Цянем послы из Дася и других царств с их людьми. Поэтому северо-западные царства стали налаживать связь с Хань». (8)

Исследования Л.А. Боровковой показали, что первые ханьские посольство прибыли в Усунь, Дася, Давань и другие царства в конце 117 г. до н.э. В последнем десятилетии II в. богатая и могущественная Хань придавала связям со странами Центральной Азии необычайно большое значение. Как писал Сыма Цянь, император пышно принимал и щедро одаривал многочисленных иноземных послов, чтобы продемонстрировать своё богатство, и отправлял много своих. Для утверждения своего престижа У-ди предпринял войну даже против далекой Давань, затратив на это огромнейшие средства. Действительно, слава о могущественнейшей Хань проникла далеко на запад. Однако ясно и другое: Хань не смогла включить в свои владения мелкие царства по прикуньлуньскому пути, иначе они были бы описаны в «Ди ли чжи». Единственно, что удалось ей добиться, — это прибытия ко двору сыновей их правителей, как гарантов заключенных договоров.

В начале 112 года до н.э. ханьские послы вернулись из Бактрии и других царств с их посланниками в столицу Хань. Таким образом, **впервые Бактрия устанавливает дипломатические отношения с Хань в начале 112 года до нашей эры.** С этого времени обмен посольствами стал частым: «По северной дороге из Цзюцюаня до Дася дошло уже много послов» (9).

Первый посол из Парфии прибыл в столицу Хань в конце лета 109 года до н.э. С Усунь были установлены дипломатические отношения ханьского Китая около 107 г. до н.э. и тогда же был заключен династийный брак ханьской принцессы с сыном усуньского правителя. (10) Следует отметить, что путь послов был опасен, труден и длителен. Например, Чжан Цзян добирался до Бактрии по Прикуньлуньской дороге, то есть от столицы Хань до нынешней

территории Кашгара, а оттуда через Ферганскую долину, так как северный путь был более опасен. По сведениям Сым Цяня, ханьские послы возвращались из дальних стран через 8-9 лет, а из ближних – через «несколько лет». К примеру, первый поход в Центральную Азию громоздкого посольства Чжан Цяня по опасной дороге занял около двух лет.

По сведению Сым Цяня, идти послами в дальние царства северо-запада изъявляли желание только люди низких званий и состояний, стремившиеся разбогатеть. Причем древнекитайский источник отмечает, что «В маленьких царствах Лоулань и Гуши (современный Синьцзян), когда дорога пустела, грабили ханьских послов. Да и отборные отряды сюннских войск то и дело нападали на послов, направлявшихся в западные царства». (11) Ханьский хронист отмечает, что: «иноземные послы из северо-западных царств приходили и уходили друг за другом. Все послы из царств к западу от Давани из-за отдаленности их царств от Хань держались высокомерно и своевольно, не желали кланяться согласно церемониалу цзимо, а ведь были послами. Все царства к западу от Усунь до Аньси из-за близости к Сюнну, а Сюнну некогда поставила в затруднительное положение юэчжей, снабжали сюннских послов продовольствием только по одному письму шаньюя (правителя-примечания- Г.М.), не осмеливаясь задерживать их. Когда же пребывали ханьские послы, то без денег и шелка не могли получить продовольствия, не купив на рынке скот, не могли ехать. Так поступали по причине того, что Хань далеко от них и у нее много богатств. Поэтому ханьские послы только на рынках могли получить желаемое...»(12) Источник свидетельствует о том, что в Хань во II-1 вв. до н.э. уже существовал определенный дипломатический протокол и вербальный язык дипломатии.

Например, другой ханьский источник, свидетельствует о существовании определенного церемониала в дипломатической практике I века до нашей эры: «...правитель Канцзюй (царство располагавшееся, приблизительно, на территории нынешних Ташкентской области Узбекистана, районе Иссык-Куля Кыргызстана, юге Казахстана – примечания –Г.М.) высокомерен и хитер, ни за что не хочет совершать коленопреклонение перед послами императора, а чиновников духу, прибывающих в его царство, сажает

ниже послов Усунь и всех других. Правитель и знать сначала сами пьют и едят, а потом уже угощают чиновников духу, не упуская таким образом случая выказать перед соседними царствами свою независимость. Судя по этому, зачем он послал сына в свиту? Это хитрый предлог, под которым он желает прибыльно торговать на наших рынках. Но шаньюй, слыша, что правитель Канцзюй не совершает коленопреклонение, чувствует себя униженным. Следует вернуть его сына, находящегося в свите императора, и ни в коем случае не принимать его новых послов, чтобы показать, что дом Хань не имеет отношений с царствами, не признающими ее церемониал... Но Хань из-за того, что отношения с Канцзюй установлены впервые, и дорожа тем, что слава об этом доходит до дальних народов, не прервала с ним тесных связей». (13) Судя по тому, что с почетом принимали послов соседнего государства, чем ханьских дипломатов, в Канцзюй придавали дружественным связям с Усунь более важное значение. Причем эти дипломатические отношения по-разному оценивались в этих государствах. По данным Го Шуня (приблизительно в промежутках 27- 12 гг до н.э.), связи Хань и Канцзюй реально сводились к обмену посольствами и прибытию сына правителя канцзюй в свиту ханьского императора. При этом цели они преследовали разные. Канцзюй использовал свои многочисленные посольства для прибыльной торговли на рынках Хань. А Хань же, расходуя большие средства на прием и снабжение их, делала это в основном ради своего престижа у дальних народов. (14)

Посол того или иного государства по прибытию в столицу Хань сталкивался с пышным приемом. Обычно посол выражал почтительность императору. Очень отдаленные страны, заинтересованные в поддержании торговых отношений с Китаем, иногда просили посольства дружественных им соседних владений представлять их интересы вместо того, чтобы посылать собственного посла. По прибытии в столицу посольство помещали на время в одной из гостиниц, расположенных у четырех главных ворот города, в ожидании указаний свыше. С этого момента все действия посла направлялись чиновниками из ведомства Хунлу, отвечающими и за встречу и прием иностранных гостей, представлявшей большую ценность для страны, особенно для военного командо-

вания. Специальный представитель Ведомства оружия направлялся для того, чтобы опрашивать послов сразу после их прибытия. Им задавали вопросы о географии и об обычаях их стран, а на основе полученных сведений составлялись карты.

Посол, прибывший в китайскую столицу, должен был иметь официальные свидетельства его полномочий, чтобы получить полноправный статус. Ища расположения или покровительства Китая, чужеземные владетели направляли грамоту, прося о золотом поясе и облачении императорского поданного для себя, о назначении китайского чиновника советником при нем или о присылке экземпляра одного из китайских классических сочинений, а иногда и о том, и о другом. Но более всего был необходим такому послу красивый футляр, в котором он мог бы возить официальный знак своих полномочий. Такие знаки делались из бронзы и имели форму рыбы (точнее, половины такой рыбы). Каждой стране, поддерживавшей регулярные дипломатические отношения с танским двором, предназначалось двенадцать – по числу месяцев в году – таких рыб, разделенных на две части. На каждом таком знаке ставился порядковый номер месяца и было начертано название страны, которой он был вручен. «Мужские» половинки знаков оставляли в императорском дворце, а «женские» - отсылали в «обязанные данью» владения. Посол, отправленный в Китай, вез в парчовом футляре половину рыбы-верительного знака, на которой стояло число, соответствующее порядковому обозначению месяца, в котором посол должен был приехать в Чаньян- столицу Китая. Если его половина точно совпадала с той, что хранилась в столице, послу жаловали права и блага, соответствующие его стране. Привилегии не были одинаковыми для всех послов. К примеру, размеры пищевого довольствия были пропорциональны удаленности страны от Китая. Поэтому посланцам из Индии, Персии и Аравии полагался шестимесячный рацион; послам из Камбоджи и других недалеких стран выдавалось довольствие на четыре месяца.

Самым ответственным днем за все время пребывания посла в стране был день, когда его принимал император. В таких случаях все было рассчитано на то, чтобы поразить иностранца величием и устрашающей мощью танского властителя. Если посол был достаточно высокого ранга, чтобы присутствовать на большом приеме

для князей данников, устраивавшемуся в день зимнего солнцестояния, он оказывался перед двенадцатью рядами стражей, выстроенных перед залом для приемов: меченосцы, алебардчики, копейщики и лучники, каждый отряд в сверкающих шапках определенного цвета и с присвоенной ему эмблемой – пучком перьев попугая или павлина – или со знаменем с вышитым изображением дикого осла, леопарда или иных символов доблести. Даже менее важный посол видел перед собой дворцовую стражу, несшую службу на всех приемах. Она подразделялась на пять отрядов, из которых четыре были одеты в алые рубашки и шапки, украшенные хвостовыми перьями манчжурских снежных фазанов, а пятый отряд носил плащи из алой тафты, расшитые изображениями диких лошадей. Вся дворцовая стража имела дубинки и мечи у пояса. Ослепленная этим зрелищем чужеземная миссия приближалась и после подобающего преклонения раскладывала свои подношения вдоль зала для приемов. Глава посольства после этого приближался к трону и, следуя наставлениям, которые шепотом подавал ему сопровождающий его китайский чиновник, кланялся императору (вот почему вызвал резонанс во время этого пышного церемониала нежелание кангюйского посла преклониться перед императором) и говорил: «Ваш покорный слуга такой-то и такой-то, из такой-то страны, осмеливается преподнести вам эти приношения из его земли». Император продолжал после этого сидеть в державном молчании, а чиновник протокола принимал от его имени эти дары, а также прочие подарки для раздачи придворным. В ответ присланному дары царю и его послу присваивались звучные (хотя и чисто номинальные) титулы танской администрации в знак признания их поданными Сына Неба, а в качестве «жалованья» им вручались богатые подарки. (15)

При дворе Хань уже с древности имелось специальное учреждение со штатом чиновников и переводчиков, ведавшее приёмом иностранных гостей — вождей племён, глав государств и их послов, где фиксировались сообщаемые ими сведения о своих и соседних народах. Китайский двор прежде всего интересовали сведения о политической ситуации в том или ином государстве, возможности обмена с ним дарами, редкими и престижными для того времени изделиями. Высокий, как правило, должностной статус

информантов, определял их компетентность именно в таких вопросах и тем самым достоверность их сведений. Кроме того, императоры при благоприятных обстоятельствах посылали и своих послов в интересующие их государства. Именно по сообщениям и своих и иностранных послов, собранным при дворе, составлялись в династийных историях описания иностранных государств. Поскольку же династийные истории донесли до нас только официальные сведения послов, то необходимо учитывать эту их специфику. А она сказывается во многом. Например в хрониках не придают значения сообщениям послов.

Во-первых, совершенно очевидно, что частота поступления ко двору сведений об иноземных государствах прямо зависела от интенсивности межгосударственных связей Китая с ними. А эта интенсивность, в свою очередь, определялась внутривосточной обстановкой как в самом Китае, так и в государствах Западного края (через земли которых вели пути на запад) и в дальних странах Запада. В целом в древности межгосударственные связи были развиты слабо, послы ко двору прибывали редко, иногда даже раз в 100 лет. И совершенно естественно, что сведения о западных странах, собранные в «Повествованиях о западном крае», отрывочны, кратки, часто неясны, но время их появления в Китае можно определить по данным о межгосударственных связях того времени (о прибытии и отправлении послов).

Во-вторых, несомненно, что посольские караваны ходили только по самым удобным, хорошо известным караванным путям, где можно было получить (или купить) необходимое продовольствие, гужевой транспорт и обеспечить себе охрану. Так что эти официальные лица знали и описывали только основные караванные пути, а не тропы, которыми пользовалось местное население. К тому же наиболее крупные государства древности, куда направлялись послы, лежали именно по главным караванным путям. Пути эти были (и остаются) теми жизненными артериями, которые обеспечивали функционирование каждого отдельного общества, а также направление, характер и интенсивность его связей с другими обществами. (16)

Сведения «Хань шу» позволяют заключить, что Большое Юэчжи, поглотившее Бактрию в 1 в. до н.э., превратилось в круп-

нейшее царство в центре Центральной Азии и стало в значительной мере определять политическую ситуацию в регионе, поскольку Парфия с начала этого века была занята своими военно-политическими отношениями с Римом. Видимо, перед правителем Кирпанда встали две неотложные задачи: обеспечить мирное вживание юэчжей-кочевников в среду бактрийцев-земледельцев и организовать централизованное управление этой большой страной, долго находившейся в состоянии политической раздробленности. А для такого управления был нужен прочный мир на внешних рубежах. Стремление к миру и определило отношение Кирпанда с соседями.(17) Кирпандцы тесно налаживали дружественные отношения с соседними государствами.

После обретения мощи кушанской династии Кирпанда резко меняется курс дипломатии Хань в центральноазиатском направлении. Если до возвышения кушан, У-ди разработал геополитический план подчинения их влиянию Хань, то теперь все это становилось невозможным. Ханьский император, узнав от своих послов, отправленных им 99 г. до н.э. в Давань и царства к западу от нее, о поглощении раздробленных бактрийских владений Большим Юэчжи и превращения его в крупнейшее царство, утратил интерес к контактам, столь дорого обходившимся его казне. Но обмен посольствами продолжался регулярно в последующий период. (18)

В 7 г. н.э. власть в Китае захватил Ван-ман. После этого дипломатические отношения стран Центральной Азии и Китая были надолго прерваны. Приход к власти Младшего дома Хань в 25 г. н.э. также мало способствовал развитию отношений со странами Центральной Азии. «Младший дом Хань», в отличие от своих предшественников, первоначально придерживался несколько иной политики в отношениях с Западным краем. Правители из этого дома считали, что бремя финансовых расходов на осуществление связей с ним было весьма тяжелым для Китая, и по этой причине они становятся нерегулярными. Кирпандцы в 84 г. оказали важную услугу ханьскому полководцу Бань Чао, сделав «внушение» владельцу Кангюя, пославшему помощь кашгарскому правителю, который оказывал вооруженное сопротивление ханьцам. Кангюйцы после «внушения» отозвали войска. Кирпандцы выступили

союзниками Хань при овладении Турфана войсками Бань Чао. Возможно, между Хань и кушанскими правителями существовали союзнические отношения и определенные договоренности о разделе сфер влияния и контроле коммуникациями Шелкового пути.

Примерно, в 81-82 гг. отношения между бывшими союзниками – Хань и Кирпандом резко ухудшились. Поводом для открытого разрыва послужил арест посольства, посланного кушанским государем (возможно, Вима 1 Такто – примечания Г.М.) к ханьскому двору для заключения династийного брака: сосватать ханьскую принцессу в жены кушанскому царю. В ответ на арест посольства, кушанские войска выступили против Бань Чао и потерпели поражение. (19) Но военные действия не привели к разрыву дипломатических отношений и, возможно, был заключен мирный договор между Хань и Кирпандом.

Как свидетельствуют китайские источники, дипломатические отношения различных владений Центральной Азии и Китая активизируются при правлении императора Тай-У (424-452 гг.), который отправил в Центральную Азию большое посольство во главе с чиновниками департамента императорских советников Дун Вань и Гао Мин, снабдив их большим количеством даров, в том числе парчи и шелковых тканей. Ханьское посольство заключило договоры с усунями, Ферганой, Чачем о признании этими владениями вассальной зависимости от Китая. Значение миссии Дун Ваня, восстановившей прерванные на многие годы дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем, можно в какой-то мере приравнять к значению миссии Чжан Цзяня, открывшей для Китая Западный Край. В обратный путь с Дун Ванем отправились посольства 16 государств Центральной Азии и, как свидетельствует «Бейшу», с этого времени посольства прибывали одно за другим и не проходило и года, чтобы не появилось несколько государственных посольств.(20)

Что касается дипломатических отношений Кирпанда, как свидетельствуют китайские источники, Кирпанд во все периоды правления династий Хань, Суй, Вэй, Тан постоянно отправляли посольства в Поднебесную. После дипломатической миссии Дун Ваня возобновляются обмен посольствами Кирпанда и Китая. Впервые в источниках эпохи Вэй в 435 г. отмечается прибытие

посольства из Кирпанда. В перечне прибывших в Срединную империю посольств из Центральной Азии в 439 г. зафиксирована и дипломатическая миссия Кирпанда наряду с посольствами Кашгара, Ферганы, Чача, Усунь и Согда. Позже, китайские источники отмечают прибытие кирпандских посольств ко двору Вэй в 462 г., 453 г., 502 г. В эпоху Тан эти связи продолжались.(21) Охранные функции дорог по Западному краю осуществлял Кирпанд.

Как свидетельствует «Ши цзи» связи Хань с северо-западными царствами осуществлялись в ранний период по прикуньлуньскому–южному пути: послы ходили по южной дороге через Юйтянь(Хотан), Юйми (Керия), Гуши и Лоулань (Чарклык). Ханьские послы терпели беды у реки Яньшуй (р.Черчен), где земли от Ганьсуского коридора и западнее, к северу от Черчен, контролировались сюннами. Сыма Цянь в «Повествовании о Давани» сообщает, что Хань «...послала Цзюцюань-дувэя (военного представителя– примечания –Г.М.) в Дуньхуан создать к западу от него до реки Яньшуй (р.Черчен) цепь сторожевых вышек, а в бывшем царстве Луньтоу –военно-земледельческое поселение в несколько сот человек, назначила чиновников охранять поселение и запасы хлеба для снабжения послов в иноземные царства»(22)

Источники свидетельствуют, что, действительно, после 109 г. до н.э. до реки Черчен империя Хань создала укрепленные линии по южному пути (северная, притяньшанская, дорога из-за нападения сунну на ханьских послов была опасна), чтобы защитить от нападений суннов начальный отрезок прикуньлуньского пути, по которому ходили ее послы в западные царства, а для снабжения их продовольствием – создать под защитой укрепленной линии военно-земледельческое поселение. Видимо, от Черчени охранные функции Западных земель осуществляли уже кирпандцы.

Через Кирпанд проходили караванные пути, связывающие Восток с Западом. Обеспечение этих путей было источником пополнения казны Кирпанда. Существовали, видимо, в крупных центрах казнохранилища. Например, в столице области Каписа (Беграм, недалеко от Кабула) археологами были обнаружены сокровищницы, в которых хранились высокохудожественные изделия из стран Средиземноморья и Индии. Это были сокровищницы таможи, в которых собирался царями Каписы налог с караванов и

отдельных путешественников, налог с перемещаемых предметов роскоши Востока и Запада. (23)

Правитель Кирпанда, демонстрируя свое миролюбие по отношению к Хань, повелел пяти княжествам на трассах дипломатического и торгового пути принимать и обеспечивать всем необходимым прибывавших в его ставку или направлявшихся в другие государства ханьских послов, но не допускать их в столицу Ланьши. Известны сведения, что правитель Кирпанда велел собрать серебро и золото и другие товары для покупки соседних земель, обеспечивая безопасность путешественников.(24) Он велел построить в наиболее опасных местах сторожевые крепости – «саховатхона», где послы, торговцы, миссионеры получали продукты, лекарства, обеспечивались ночлегом.

Кирпандцы поддерживают дипломатические связи с Римом. Известно и о связях кушанского Кирпанда с Западом. В 99 г. в Рим прибыло посольство кушан Римские писатели (III- IV вв.) сообщают о кушанских посольствах (называя их бактрийскими), которые появлялись в Риме в первой половине II в. Изображение кушанских посольств можно видеть и на рельефах, украшающих знаменитую колонну Траяна в Риме (II в.). По сведениям римских источников, кушанские послы участвовали в 274 году в триумфе римского императора Аврелиана, праздновавшего победу над царицей Пальмиры –Зенобией.(25)

В рамках централизованного Кирпанда активно развивалась «внутренняя» дипломатия между владениями. Значительным событием в истории дипломатии Центральной Азии стал созыв буддийского собора. При императоре –реформаторе Канишке, как выше мы писали, был созван знаменитый четвертый собор буддистов в Кашмире, на котором и были очерчены основы буддизма Махаяны («Широкая колесница», «Широкий путь к спасению»). Смысл этого направления буддизма и его отличие от первоначального буддизма Хинаяны в том, что махаянистское направление оказывало большее влияние буддистам-мирянам- им за поддержку монахов и храмов, за верность буддизму были обещаны если и не нирвана (ее по-прежнему могли достичь лишь ушедшие от мира монахи), то во всяком случае улучшение кармы и даже буддийский рай, по пути к которому их вели святые подвижники-

бодхисатвы. Реформа буддизма, связанная с именем знаменитого буддийского монаха Нагарджуны и осуществленная при покровительстве Канишки, укрепила позиции этой религии. (26) Но с другой стороны, решения «северного собора», давший новую компромиссную редакцию канона и комментариев с тем, чтобы удовлетворить все два десятка школ, существовавших к тому времени, не приняли южные буддисты. Именно после этого собора через восточный районы Кирпанда буддизм Махаяны начал свое продвижение в Восточную Азию, прежде всего в Китай. Император Канишка, как выше сказано, сам был ревностным буддистом и духовным лидером этой религии. Созванный им четвертый буддийский собор имел характер религиозно-политического института международного характера. Благодаря дипломатической деятельности Канишки стал возможен созыв религиозного собора, который способствовал не только упрочению и распространению буддизма, но и в дальнейшем повлиял на формирование основ буддийско-конфуцианской цивилизации. Кроме того, именно в это время создается, благодаря дипломатической поддержке, Большой Совет Кирпанда – первый демократический совещательный всеимперский орган, в котором принимали участие кроме императора и правители сатрапий, сановники, духовные лидеры.

Очень важный для истории дипломатии Кирпанда документ зафиксирован в изобразительном искусстве – в живописи Афрасиаба – на городище старого Самарканда. Живопись датируется приблизительно около 631 г. (27) Помимо несомненных художественных достоинств и документальной точности в передаче деталей одежды и других предметов быта, самаркандская монументальная живопись ценна еще и тем, что некоторые из ее сцен сопровождалась бактрийскими и согдийскими надписями, позволившими дать этим сценам достаточно точную интерпретацию. На одной из них изображалось прибытие в Самарканд, ко двору согдийского царя Вархумана, посольства из Чаганиана (историко-культурной области в долине реки Сурхандарья и в Гиссарской долине – примечание Г.М.), на другой – церемония приема Вархуманом чаганианского и чачского посольств и, вероятно, из прилегающих восточных и южных стран посланников.(28)

В афрасиабских росписях даны и символы посольских полномочий. В живописи изображены бунчуки – символы власти посла или посланника, наделенного, очевидно, особыми полномочиями. Бунчук представлял собой красное древко с металлическим навершием, с торчащей вертикально большой кистью. Бунчук неоднократно упоминается в источниках и как верительный знак, и как знамя посланника. (29)

Для истории дипломатии Центральной Азии особенно важны надписи на халате одного из персонажей живописи. Это пока первый письменный документ, дающий характеристику уровню развития центральноазиатской дипломатии. Данная надпись содержит две сильно поврежденные строки горизонтального курсивного бактрийского письма и шестнадцать вертикальных строк согдийского курсива, сохранившихся значительно лучше. Важно, что начальные сведения о посольстве излагаются в надписях афрасиабской росписи на языке чаганианских дипломатов Кирпанда, а последующая их речь – на согдийском, на официальном языке Согда, Самарканда и царя Вархумана. Посол Чаганиана владел языком страны (согдийским языком), куда был направлен с дипломатической миссией. Причем в рамках Кирпанда, каждое владение входящее в кирпандскую конфедерацию, имели право на самостоятельные внешнеполитические связи.

Известный российский исследователь В.А. Лившиц считает, что чаганианский посол, речь которого изложена в тексте большой согдийской надписи, обращается к самаркандскому царю от имени Туранташа – государя Чаганиана. В.А. Лившиц также полагает, что в надписях, как и в росписях, отражены подлинные события истории Самарканда и взаимоотношений царя Самарканда и взаимоотношений царя Самаркандского Согда с правителями других царств Центральной Азии. Прибывший в Самарканд посол являлся начальником канцелярии – дапирпатом правителя Чаганиана, известного позднее под титулом Чаган-худата. Надпись в живописи гласит «Когда царь Вархуман из рода Унаш к нему (послу) приблизился, (посол) открыл рот: «я – чаганианский дапирпат (по имени) Пукар-зате. От чаганианского государя Туранташа сюда в Самарканд к царю для выражения почтения я прибыл и пребываю я сейчас в почтении перед царем. И ты(царь), вовсе не имей по-

дозрений относительно меня – о самаркандских богах, а также о самаркандской письменности я хорошо осведомлен, и я не причиною никакого зла (самаркандскому) царю. И прибывай, о царь, в полном благополучии. И царь Вархуман (из рода) Унаш отпустил его. И тогда открыл рот чачский дапирпат». Комментируя большую афрасиабскую надпись, В.А.Лифшиц и Л.И. Альбаум считают, что не случайны заверения чаганианского дипломата о том, что он осведомлен о богах и письменности. Дипломат убеждает, что не будет вмешиваться во внутренние дела Согда, уверяет, что не будет пытаться внедрять в Самарканде чаганианскую веру и связанную с ней письменность. Согдийцы, пережившие к середине УП века много религиозных потрясений и вернувшиеся в лоно маздеизма, прежде всего, имели основание опасаться нового усиления буддизма, который господствовал в Чаганиане. Причем свои заверения дипломат подкреплял ценным даром – он вместе с посланием привез чаганианскую принцессу (с многочисленными служанками) в жены самаркандскому царю. Чаган-худат Туранташ через своего посла Пукар-зате, таким образом, предложил самаркандскому царю Вархуману укрепить самаркандско-чаганианские связи династийным браком.

Афрасиабский документ по истории дипломатии Центральной Азии важен тем, что впервые устанавливается имя дипломата – Пукар-зате. Кроме того, точно устанавливается дата прибытия кирпандского посольства в Согд в 630 году (хотя, возможно, в живописи отображены отголоски событий не столь отдаленного прошлого).

Важно в афрасиабской живописи то, что посольство прибыло из Чаганиана – одного из владений Кирпанда, который вел оживленные дипломатические сношения от Китая до Византии. В афрасиабском источнике языком дипломатии выступают бактрийский и согдийский языки. Данный памятник свидетельствует о том, что в УП веке для дипломата было обязательно знание обычаев, богов, письменности страны пребывания. Дипломат во время представления правителю страны пребывания обязан был заверить не вмешиваться во внутренние дела, не нарушать обычаев, уверить в знании местных богов и письменности.(30) Выше приведенный анализ развития дипломатии Центральной Азии в древно-

сти и раннем средневековьи свидетельствует о том, что уже в этом периоде, были определены требования к профессиональному качеству посла, задачи посла в чужой стране. Эти требования, видимо, позже, в 11 веке запечатлены в знаменитом труде «Сиесатнаме» Низам-аль-мулька.(31) Низам-аль-мульк утверждает: «Для посольства годится тот человек, который был бы смел в беседе, но немногоречив, который совершал бы много путешествий, зная что-либо во всякой науке, был бы человеком памятьливым, предусмотрительным и обладал бы достоинством. Если к тому он – учен и почтенного возраста, тем лучше... Если послать человека смело-го, мужественного--- это очень целесообразно, так как будет показано, что все наши люди таковы, как этот.» (32) Учитывая опасный путь в страну назначения, послу действительно нужны были мужество, знания, аналитическое мышление и достоинство.

Таким образом, в Кирпанде активно развивалась внутренняя и внешняя дипломатия. Были налажены дипломатические связи со многими государствами на всем евразийском пространстве. Наладился обмен дипломатами. Выработался определенный дипломатический церемониал, этикет и сложились дипломатические традиции.

ГЛАВА IV. ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ КИРПАНДА

IV.1. Роль кушанского Кирпанда в синтезе культур Центральной Азии

Культура Кирпанд в период правления кушанской династии сыграла исключительную роль в сохранении древних культурных традиций и в формировании облика цивилизации Центральной и Восточной Азии в последующие периоды. В кушанском искусстве проявились характерные черты древнейших местных традиций. Наряду с ними отразилось взаимодействие широкого спектра культур разных этносов Центральной Азии, их синтез с древними локальными традициями, творческое освоение инноваций.

Огромную цивилизаторскую роль сыграл Кирпанд, объединив огромные пространства (заселенные носителями различных культур) в единое государственное образование. Наивысшим достижением Кирпанда можно считать формирование самобытной цивилизации. В двух культурных, экономических и политических центрах – Бактрии и Северо-Западной Индии – в равной мере исходным для культурного развития было наследие цивилизации бронзового века. Важна роль кирпандской империи в трансляции ценностей цивилизаций евразийского континента. Из ханьского Китая, через земли Кирпанда к берегам римского Средиземноморья и причерноморским античным колониям шли многочисленные караваны, а из берегов римской Северной Африки по регулярной водной трассе плыли корабли с товарами, торговцами, посланниками и миссионерами морским воротам Кирпанда в западной Индии. Стратегически важное географическое расположение Кирпанда сыграло немаловажную роль в передаче научных ценностей, достижений искусства и градостроительства, в обмене духовных знаний Запада и Востока. Цивилизационное наследие государства Кирпанд заложило основу Возрождения центральноазиатской культуры Саманидского периода. Развитие культуры в государстве Кирпанд происходило в рамках огромного государственного образования, которое включало обширные земли современных

Таджикистана, Афганистана, Узбекистана, части Индии и Пакистана.

Сложение Кирпандской империи завершило формирование на евразийском пространстве четырех империй древности – Римской, Парфянской (затем Сасанидской), Кирпандской и Ханьской (китайской). Именно в период четырех империй сложился Великий Шелковый путь, по которому шел активный диалог цивилизаций. Безопасность и функционирование трассы обеспечивали правители этих четырех империй. Великий Шелковый путь соединил все четыре древние империи, относительно стабилизировав трассу, от берегов Тихого океана до Атлантического океанов.

В формировании структуры цивилизаций Евразии также неопределима заслуга квартета великих держав древности и Великого Шелкового пути. По трассам Шелкового пути шли многочисленные миссионеры, монахи различных конфессий, распространяя свои учения, духовные ценности. Благодаря их благородной миссии были заложены основы, которые определяют цивилизационный облик современных стран буддийско-конфуцианского блока Восточной Азии, индо - буддийского блока Юго-Восточной, Южной Азии, стран Юго-Западной Азии и Западной Европы.

Государство Кирпанд способствовало стабильному функционированию первой в истории человечества трансконтинентального и дипломатического тракта - Великого Шелкового пути. Как выше мы отмечали, китайские источники сообщают, что, начиная от Кашгара, охранные функции Западных земель самостоятельно осуществлял кирпандский правитель. Объединение народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии, части Ирана в рамках единого государства и относительная безопасность от внешних военных вторжений привели к росту городов, к расцвету экономики и культуры этих областей. Причем именно через Кирпанд Западный край и Срединная империя держали связь с Морским Шелковым путем, значение которого возрастает в период расцвета Кирпандской империи. Завоевательные походы кирпандского шаха на юге были связаны с решением важной, первой в истории таджикского народа геополитической задачи - достижения пределов южных морей, выхода к морской трассе. Эта задача была решена именно с момента правления кушанских династий в госу-

дарстве Кирпанд. Возникновение Кирпандской империи, соприкасавшейся на востоке с ханьским Китаем, а на западе с Парфянским царством, соединило разорванные ранее древнейшие центры цивилизаций Старого света в единую систему квартета империй древнего мира, способствовало активному диалогу цивилизаций на трансконтинентальной трассе. В одном из китайских текстов правители Кирпанда кушанской династии наряду с правителями Рима и Ханьского государства называются "Сынами Неба", которые делят между собой весь мир (5).

В кушанском Кирпанде власть была в руках представителей тех сил, которые были чужды или враждебны эллинистическим правителям, и господствующему положению греков и эллинизированных слоев пришел конец. Однако, именно это привело к более широкому и глубокому освоению античного культурного и художественного наследия. В Кирпанде в I века правящая верхушка уже не блистала греческой образованностью и не поклонялась греческим божествам. Элементы и мотивы античного происхождения, наряду с местными и иноземными традициями, ставшими известными в результате широких международных связей, подверглись тогда творческой переработке. На смену культуре эллинистического периода, когда господствовала античная традиция, возникли синкретические, вобравшие в себя самые разнообразные элементы и мотивы, своеобразные культура и искусство, поставленные на службу местной власти и поддерживаемых ею религий и культов. В разнообразии и, на первый взгляд, эклектичности культуры Центральной Азии этого периода лежат истоки ряда последующих культурных и художественных явлений. Это разнообразие – результат поисков новых мировоззрений и вкусов, и вполне закономерно, что из этого богатейшего арсенала многое было почерпнуто и христианством, и буддизмом, и прокламативным искусством Сасанидского Ирана, чья культура в свою очередь оказала сильнейшее воздействие на Ближний и Средний Восток в эпоху мусульманского средневековья. (6)

Начальный этап синкретического искусства Кирпанда стал известен в результате открытий в конце 1978-начале 1979 г. на севере Афганистана материалов, полученных в ходе раскопок известным московским археологом В.И. Сарианиди на памятнике П-

Декоративно-прикладное искусство Кирпанда. (по В.И. Сарияниди)

начала 1 тыс. до н.э. Тилля-тепе недалеко от Шиббергана. Именно в тиллятепинских находках отразился тот динамичный культурный синтез, который определил неповторимый облик кирпандской цивилизации. В тайных захоронениях (возможно, князя, его жен, наложниц) Тилля-тепе было найдено около 20 тыс. золотых художественных изделий - пряжек, блях, перстней, нашивных украшений, обкладок ножен мечей и кинжалов. Одни из них выполнены в стиле, характерном для искусства степей Евразии, с фигурами зверей и богатой инкрустацией бирюзой, сердоликом и другими камнями. Другие – несут на себе следы греко-римских, парфянских, индийских, дальневосточных традиций. Но, наряду с выполненными в каком-либо одном стиле изделиями в захоронениях Тилля-тепе, найдены художественные предметы, демонстрирующие уже не сосуществование, а умелое сочетание в творчестве древних мастеров образов и мотивов различных культурных и художественных традиций. Таковы, например, золотые обкладки ножен кинжала: вдоль центральной их полосы изображены идущие друг за другом разъяренные драконы, терзающие предыдущих. Изображения, выполненные в традициях скифского звериного стиля, сочетались с

*Ювелирное искусство. Тилля Тепе.
(по В.И. Сарцианиди)*

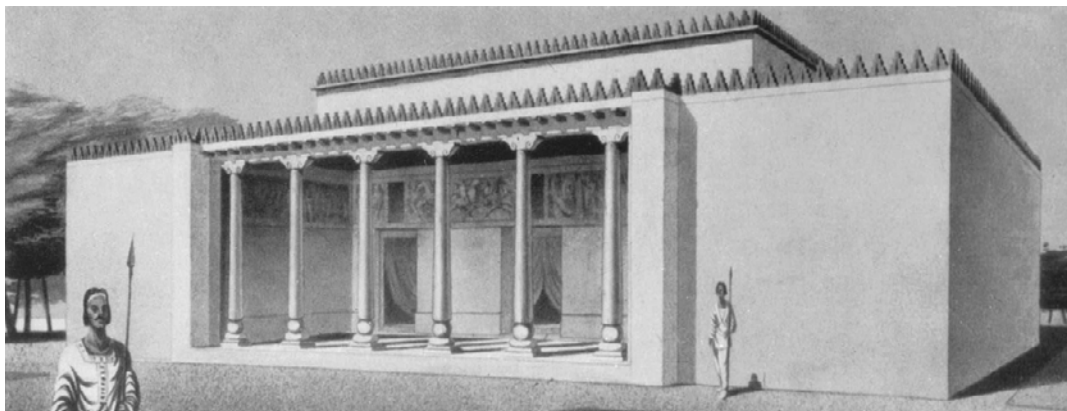
зубчатой короне и в кочевнической одежде, держащий в руках по дракону. Со степным звериным стилем безусловно связаны также изображения рогатых и крылатых драконов с длинными туловищами и неестественно вывернутыми назад ногами, обильное украшение подвесок бирюзовыми, сердоликовыми и лазуритовыми вставками. В то же время пятнышко на лбу – тика говорит об индийском влиянии. (7)

Для культуры кушанского периода Кирпанда характерно расцвет градостроительства (система застройки, фортификация), архитектуры, изобразительных искусств в их крупных и малых формах (скульптура, живопись, торевтика, короластика), профессионального ремесла, развития письменности, науки, права. В Междуречьи Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи развиваются большие и малые города с развитыми товарно-денежными отношениями и динамичным ростом культуры.

Для кушанской городской культуры, время формирования и расцвета которой относится к 1-1У вв. н.э., характерна высокая степень развития всех основных подсистем от жизнеобеспечивающей до соционормативной. О характере крупного кушанского города можно судить по археологическим памятникам центрального

двумя рядами свастики и цветочных мотивов, тянувшихся по краю ножен. В отличие от образов драконов, хорошо известных не только в степях, но и в древнейшей Бактрии и на Ближнем Востоке, свастика в искусстве Бактрии попала в раннекушанский период, скорее всего из Индии. Не менее синкретичны изображения, украшавшие золотые подвески, найденные возле висков одного из погребенных. На каждой из подвесок изображен персонаж с раскосыми глазами в

Храм Кантеки. Халчаян. (Реконструкция Т.А. Пугоченковой)

Кирпанда, таким как Балх в Афганистане (его площадь 550 га), Термез в Узбекистане (350 га), Шахринауское городище в Таджикистане (350 га), Калаизаль в Северном Афганистане (200 га). Но лучше исследованы более мелкие города, как городища Дальверзинтепе, Зартепе, Кампыртепе на юге Узбекистана.

Как правило города окружены крепостными стенами и рвами. Город имел цитадель, главную улицу, культовые постройки (буддийские храмы, храм «Великой бактрийской богини» или святилище с алтарями огня). Например Зартепа имел четкий план. По середине проходила главная улица шириной 10 м. Почти в самом центре города на эту магистраль выходил фасадом дворец правителя, а по другую сторону главной магистрали располагался жилой квартал, состоящий из нескольких отдельных домовладений (от 600 до 800 кв. м каждое). Внутри домовладений четко различаются парадные и жилые комнаты, подсобные и складские помещения. Основным строительным материалом в кушанском центральном Кирпанде оставался крупный квадратный сырцовый кирпич. Для вымостки полов зданий и дворов использовались жженные квадратные плитки. Широко применялся камень для изготовления архитектурных деталей (капителей, баз, карнизов). Важным элементом кирпандской архитектуры служат деревянные колонны с каменными профилированными основаниями и каменными капителями коринфского ордера. Стены зданий часто украшали пилястрами, поверхности стен покрывались белой штукатуркой, а иногда и монументальной живописью, как орнаменталь-

ной, так и сюжетной, в том числе с изображением местных и буддийских божеств. (8) Крупные благоустроенные дома, использование горожанами высококачественной художественной керамики, сотни находок нумизматики характеризуют высокий уровень благосостояния населения городов Кирпанда. Именно активная градостроительная политика центральной власти способствовала росту четко спланированных укрепленных городов.

Шелковый путь сыграл еще одну важную роль в развитии текстильного искусства - в распространении хлопка и хлопчаточащества. Хотя хлопок был известен в Средней Азии еще во II тыс. до н. э., но его широкое распространение происходит именно с вхождением индийских территорий в состав государства Кирпанд и стабильным функционированием Шелкового пути. С начала нашей эры хлопчатобумажные ткани используются повсеместно у населения Тохаристана.

Диалог цивилизаций на трассах Великого Шелкового пути непосредственно отразился на costume населения кирпандцев. Как известно, история традиционного costume охватывает как собственную эволюцию, так и интеграцию внешних культурных влияний в ходе этнокультурной консолидации древних и средневековых народов Центральной Азии. Диалог культур отражался на составных частях costume: на используемых тканях, украшениях, формах одежды, косметике и т.д. Важным фактором переноса достижений одной локальной цивилизации в другую было образование крупнейших империй древности, в рамках которых шел активный культурный синтез, в том числе и в искусстве costume. Как правило, пришлые компоненты costume в результате этнических или культурных контактов в ходе интеграционных и ассимиляционных процессов становятся традиционными элементами локального costume. Причём идёт не прямое усвоение культурных веяний извне, а их селективный отбор, связанный эстетическими вкусами, климатическими условиями и природными ресурсами.

Внешние культурные влияния прежде всего отражаются в используемых материалах, в декоре costume, но основные формы одежды трансформируются только в ходе этнических процессов, а также в период цивилизационной экспансии. Подлинный перево-

рот в среднеазиатском костюме произошел в кушанский период, когда в массовом количестве хлопковый текстиль стал использоваться в моделировании одежды, более того, здесь стали сами выработать этот вид текстиля. К началу нашей эры относятся хлопчатобумажные ткани тончайшей выработки, обнаруженные известным археологом Л.И.Альбаум при раскопках Чингизтепа (Старый Термез). В Южном Таджикистане, в Пархарском районе, в могильнике Иттифок, были найдены фрагменты красной хлопчатобумажной одежды с богатой вышивкой с мотивами "древа жизни", датируемые III в. III-V вв. датируются хлопчатобумажные ткани из буддийского комплекса Кара-тепа в Старом Термезе. Этим же временем датируются самые массовые находки хлопчатобумажных тканей и одежд в Кургане (Старый Термез). (9) Здесь обнаружены в погребении обычных горожан белые хлопчатобумажные рубахи и набедренные одежды традиционного кроя, что явно свидетельствует о местной выделке хлопчатобумажного текстиля. В этот период китайские источники уже утверждают, что согдийцы наряду с шелками и камкой используют белые хлопковые полотна. Хлопчатобумажные ткани в Центральной Азии широко распространяются одновременно с шелковыми и сразу же становятся популярными в силу дешевизны и возможности выработать в домашних мастерских. Но в этот период наряду с дешевым текстилем из хлопка выработывают высокохудожественные хлопчатобумажные драгоценные ткани, не уступающие по цене шелкам.

Вхождение в состав империй древности огромных территорий, распространение мировых религий по трассам Шелкового пути, способствовали формированию понятий "мода" в костюме. На трассах Шелкового пути распространяются сходные ткани, приёмы шитья, происходит изменение форм одежды. А господствующая религия привносит свои веяния, отражающиеся, прежде всего в декоре и пропорциях одежды. К примеру, если взять ахеменидскую эпоху, то мода прежде всего отразилась в основных формах одежды, в декоре. Как правило, иноземные заимствования происходят в господствующей среде. Эти новые веяния в моде могут и не иметь утилитарного значения, поскольку заимствование идёт в среде элитарных слоев населения, для которых заимст-

вованные инновации служат средством утверждения своего особого положения в данной социокультурной среде. Культурные инновации, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами (10).

В кушанский период происходит критическое освоение и преломление эллинских веяний, приспособление их к вкусам нового господствующего слоя - кочевников. В дальнейшем происходит процесс видоизменения и эволюция включением эллинистического элемента в глубинный пласт художественного творчества, что находит отражение в ювелирном искусстве, в художественном ткачестве, орнаменте и т.д. Этот процесс взаимодействия традиций и инноваций на всех этапах истории костюма отражали сложный процесс культурогенеза и диалога культур, которые протекли в древности. В образе жизни, мысли греков не все одинаково поддавались освоению. Его степень зависела от удаления, этнического характера, но в основном от уровня цивилизации. Если Рим полностью изменился в результате контакта с эллинистическими царствами, то бактрийцы обязаны эллинизму только новым пониманием красоты. Поддаться чарам эллинизма (для любого народа) никогда не значило отказаться от самого себя. Напротив, это означало обрести средства для полного самовыражения.

Греческие "цитаты" ярко проявляются в декоре костюма: это могли быть украшения, орнамент текстиля. Вероятно, предметами эллинистического происхождения являются серьги из могильников Тулхара и Айртама виде амфоры с двумя дельфинами. Особую группу мелких привозных изделий составляли, поступавшие из западных камнерезных мастерских геммы - инталии, которые оправлялись в кольца и служили личными печатями.

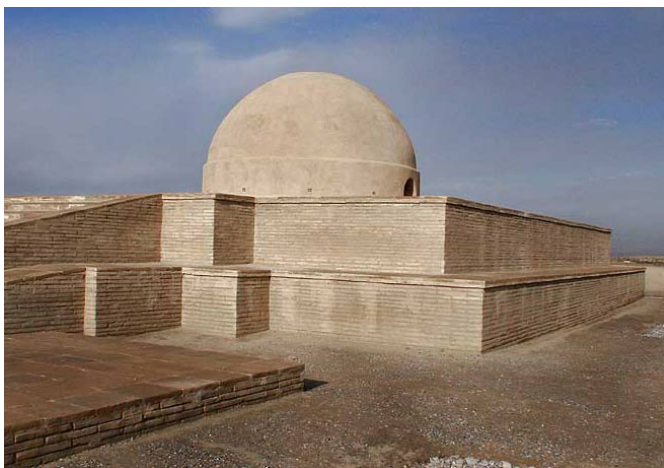
Среднеазиатский костюм испытал влияние Индии не только в текстильном искусстве, но и в ювелирном деле. Особой популярностью не только в Индии, но и по всему Кирпанду пользовались сердоликовые бусы с травленным орнаментом, находимые во множестве в древних и средневековых археологических памятниках. Весь доисламский период важным предметом торговли были индийские ювелирные украшения. Культурные влияния отразились и в среднеазиатском ювелирном искусстве. Это было

прямое заимствование индийских украшений или же их местное подражание. Например, в известном Дальверзинском кладе имеются браслеты двух видов - с утолщением на концах и со спиралевидной обмоткой, аналоги которым найдены в Таксиле (11) В этом же кладе имеются серьги индийского стиля. Исследовательница дальверзинских находок - Г.А.Пуганченкова отнесла к индийским изделиям и богатое ожерелье из пяти золотых шнуров, завершенных цилиндрами, инкрустированные бирюзой и алмадинами. Подобные ожерелья были признаком высшей касты индийской аристократии и нередко встречаются в уборе бодисатв в гандхарской скульптуре (12)

В искусстве кушанского периода четко прослеживаются два основных художественных течения, которые можно обозначить как династийное и буддийское, поскольку искусство в древности и средневековье всегда было связано с религиозной идеологией. Династийный культ кирпандцев в кушанский период возникла на базе верований их скотоводческих предков и древних локальных земледельческих обычаев обожествления царей. Буддийское течение в искусстве появилось в результате широкого распространения в Кипанде буддийской идеологии, распространенных буддийскими монахами и миссионерами из древнеиндийских областей, в первую очередь из Гандхары, а позднее и из Центральной Индии. (13) Кирпандский шах Канишка в буддийской литературной традиции представляется ревностным приверженцем и распространителем буддизма. Как выше мы писали, ему, в частности, приписывается инициатива созыва, вероятно, около 100 г.н.э. буддийского церковного собора, сыгравшего крупную роль в оформлении догматики северного буддизма, распространившегося позднее в Китае, Тибете, Монголии и Японии. (14)

Распространение буддизма на территории Кирпанда в кушанский период сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Из Индостана пришли обычаи возводить ступы, использовать для культовых целей пещерные помещения, создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в облике человека (ранее присутствие его в той или иной сцене отмечалось лишь символами) с характерными, выработанными в Древней Индии особенностями и позами. Из Индии заим-

ствованы и отдельные растительные и архитектурные орнаментальные элементы, в том числе такие мотивы, как цветок лотоса. Повсеместные находки надписей на кхарошти и брахми свидетельствуют, что с распространением буддизма было связано и знакомством с индийскими письменностями и языками. (15)

Храмовый комплекс. Фаяз-Тепе

Типология буддийских сооружений в Кирпанде следует индо-станским канонам, однако в них налицо и локальные отличия, связанные с местной архитектурной традицией. Прежде всего, это строительная техника. Ведущий строительный материал – сырцовый кирпич, в то время как в

Индостане – камень. Перекрытия деревянные, а также сводчатые. В разработке пространства и поверхностей многое идет от греко-бактрийских традиций, связанных с эллинистическим зодчеством и, в частности, - с ордерной системой. В декоративном оформлении буддийских построек Кирпанда заметное место занимала скульптура, соподчиненная выработанным в Индии буддийским образам и сюжетам. Частью она, безусловно, следует им – таковы образы Будды, боддисатв, монахов, но частью связана и с пластическими традициями бактрийского искусства – таковы образы дева-ватов, светских персонажей – донаторов, воинов.

В отличие от Гандхары, где преобладала каменная скульптура, т.е. ваяние, в центральном Кирпанде применялась лепка из глины с поверхностным гипсованием, хотя встречены и каменные скульптуры, например, Айртамский фриз. Настенная живопись в буддийских постройках Кирпанда, дошедшая фрагментарно, содержит традиционные образы Будды и боддисатв, сцены их почитания, но если образы эти каноничны, то облик донаторов вполне локален, в них подчеркнуты местные черты внешности и регалии.

В области малых искусств канонические образы Будды и боддhisатв получают распространение в коропластике. (16)

*Надпись арийская
(Северный Афганистан)*

Храмы, по планировке сходные с кирпандскими (Кара-тепе, юг Узбекистана), и изображения Будды с нимбом и ореолом вокруг тела, а также в обрамлении языков пламени, не характерные для Индостана кушанской эпохи, были широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна и Дальнего Востока, что отражает, видимо, изменения,

внесенные в буддийскую архитектуру и искусство именно в Кирпанде. Рас-

пространение буддизма из Кирпанда в восточноазиатский регион многим обязано среднеазиатским буддийским монахам. Эти монахи основывали новые монастыри и лично переписывали «священные тексты», переводили их на местные языки, комментировали их. Открытые на Кара-тепе стенные росписи с изображением донаторов, выполненные в рамках династийного художественного течения в кушанском искусстве, находят много аналогий в художественных памятниках Индостана, что свидетельствует о среднеазиатском воздействии в кушанское время не только на политические институты, но и на искусство Индии. (17)

Широкое распространение в кушанском Кирпанде получило светское династийное искусство. Обожествление царей, практика возведения и поклонения их изображениям в храмах, благоговение людей передними привели к формированию и росту имперского культа. Такое отношение к императору, почти религиозное и патриотическое, разделялось его поданными, принадлежавшими к различным этническим слоям, религиозным сектам и террито-

ям, общей чертой которых являлось принадлежность к империи. Сама концепция империи стала важной как для подчиненных, так и для правителей. Персонификация или обожествление Кушанского царства (Кирпанда) дает основание предполагать, что цари поощряли отношение своих подданных к империи, а не только к императору, как к объектам поклонения. Поклонение императору, а также поклонение империи вошло в обычай. Кирпандцы расширяли и держали в единстве свою империю так долго, как могли при помощи оружия. Характер военной монархии Кирпанда подтверждают китайские источники. Политика кушанской администрации держала подданных различного происхождения в страхе перед военной мощью империи, заставляя их в то же время верить в божественное происхождение имперского дома, а также быть эмоционально связанными с империей и императором. (18)

Наиболее ранним монументальным памятником династийного культа кушанского Кирпанда является дворец в Халчаяне (юг Узбекистана) с уникальными скульптурными композициями и остатками монументальной живописи. Размер постройки 35X25 м, а помещений, включая коридоры, было 10. На главном фасаде дворца находился глубокий шестиколонный портал-айван, а за ним – приемный зал, тронное двухколонное помещение; справа и слева от центрального зала располагались подсобные помещения, арсенал и т.д. Айван и зал дворца были оформлены разнообразными скульптурными композициями, достаточно выразительными в главном зале и неясными в айване. Скульптура пристенная, выполненная из глины с последующей раскраской в основном красным, на котором располагались скульптурные композиции. Главную композицию представляла тронная сцена, центральное место в которой занимали восседающие на тронах правитель и его супруга, по обе стороны от которых располагались скульптуры членов семьи, местной знати, а вверху над ними – скульптуры «варваризированных» Афины, Геракла, Ники. В композиции на северной стене представлен сидящий на невысокой скамейке правитель, слева и справа от которого размещались скульптуры его сородичей и приближенных из рода кушанского царя «Герая» - Кушана. Скульптурная композиция на южной стене включает динамичную сцену битвы конных легковооруженных лучников с тяжело воо-

руженными воинами. В интерпретации известного исследователя Г.А. Пугаченковой основной скульптурный цикл был посвящен прославлению «гераева» рода (кушанского рода – примечание Г. М.) в сценах с участием музыкантов, комедиантов, проходящих под покровительством богов. (19) Связь парадной постройки в Халчаяне с культом Герая (Кушана) или его династии признают все исследователи.

Самым известным памятником династийного культа кушан и династийного течения в искусстве Кирпанда является знаменитый культовый центр на холме Сурх-Котал в Баглане, на севере Афганистана.

Важнейшая роль Сурх-Котала заключается в том, что здесь найдена первая большая надпись на «бактрийском языке» «кушанским письмом» на каменных плитах, повествующая о реконструкции «храма Канишки Победителя», названного в тексте надписи «Багголагго» - святилище. Храм Канишки Победителя построен на вершине холма Сурх-Котал, окруженного поясом крепостных стен. Храм стоял в центре двора, окруженного с трех сторон стеной с прямоугольными башнями, вдоль которых также тянулись айваны. В стенных нишах стояли в древности раскрашенные глиняные скульптурные изображения обожествленных кушанских государей и божеств кушанского пантеона, а в целлах главного и других храмов горел священный огонь. Трактовка храма Канишки Победителя как сооружения, связанного с династийным культом кушан, помимо обозначения его святилищем, опирается на аналогичное назначение раскопанного в начале XX в. и признанного династийным «дома богов» (так названа постройка в обнаруженной здесь индийской надписи) в селе Мат в Матхуре, в долине Ганга. В этом сооружении были найдены знаменитые каменные статуи стоящего в полный рост Канишки, а также восседающего на троне кушанского царя – Вимы Такто, деда прославленного императора-реформатора. Здесь изображения кушанских царей и большинства других персонажей выполнены в стиле, чуждом искусству Индии, но находящем аналогии в художественной культуре центрального Кирпанда.

Скульптуры из Халчаяна, Сурх-Котала, из села Мат выполнены в стиле «династийного течения» искусства кушан, для кото-

рой характерно стремление передать мощь и несокрушимость обожествленных правителей, изображавшихся в строго фронтальной застывшей позе, с симметрично расставленными ногами и облаченными в богатые одеяния степных вождей. Все три храма кушанского династийного культа не следуют единой архитектурно-планировочной традиции. Видимо, при возведении каждого из них использовались местные особенности, жесткого же канона храмового зодчества в династийном культе кушан в тот период не существовало. (20)

Важную роль сыграл Шелковый путь и в распространении письменности в Центральной Азии. Именно в памятниках письменности кушанского периода наиболее ярко отражен синтез культур древности. О широких контактах населения Кирпанда свидетельствуют находки здесь многочисленных письменных памятников на разных языках. В кушанский период в Кирпанде употреблялось по меньшей мере шесть видов письменности: бактрийская, возникшая на основе арамейской; бактрийская, развившаяся из греческой; индийские письменности – брахми и кхарошти, «неизвестная» письменность, открытая недавно, а также были распространены согдийские и парфянские письмена.

Бактрийское письмо вошло в обиход уже в 1 в. н.э. На юге, в Бактрии распространяется бактрийское письмо на арамейской основе и осуществляется переход в государственной политике Кирпанда на бактрийский язык и письмо. В эпоху Канишки эта письменность и язык стали государственными. Об этом говорит эдикт царя Канишки I в надписи из Рабатака (Северный Афганистан); "И он (Канишка) издал эдикт на греческом языке, а затем переложил его на арийский язык (т. е. на бактрийский)". Арийский язык был языком коммуникации на огромном пространстве империи, наряду с двумя официальными и с местными языками. Бактрийская (арийская) письменность бытовала в Бактрии - Тохаристане от 1 вв. до начала УШ века, то есть до конца существования государства Кирпанд. Бактрийский алфавит насчитывал 25 букв. Различаются две разновидности бактрийского письма – монументальное и курсивное.

Известные сейчас бактрийские надписи можно условно разделить на три группы: эпиграфические – надписи на скалах и ка-

менных плитах, глиняных сосудах и черепках (остраки), геммах и других предметах; нумизматические; рукописные документы (надписи на папирусе, пальмовых листьях, бересте). Для кушанского времени находки бактрийских надписей зафиксированы в основном только на территории центрального Кирпанда и одна находка за пределами – каменная плита с трилингвой бактрийским, кхарошти и «неизвестным» письмом из Дашти-Навура.

Надписи «неизвестным» письмом известны из Каратепа, Хатын-Рабада, Кош-тепа, Кампыр-тепа, Старого Термеза, Сурх-Котала, Ай-Ханума. За пределами Кирпанда найдены лишь три надписи – курган Иссык, Дашти-Навур, Старый Мерв. Видимо, именно Бактрия была основным центром бытования неизвестной письменности, являясь также одной из трех официально-признанных в Кушанской империи письменностей. Известный исследователь Центральной Азии Э.В. Ртвеладзе предложил сенсационную гипотезу. Э.В. Ртвеладзе считает, что неизвестная письменность должна отражать язык народа, составляющего в Кирпанде кушанского периода значительный пласт населения и игравшего важную роль в религиозной и административной жизни, или язык правящей династии и привилегированного слоя населения. Основную массу автохтонного населения в Бактрии составляли собственно бактрийцы – этносы восточно-иранского происхождения, письменность и язык которых отражен во многих памятниках. Три значительных этноса Бактрии имели свою письменность. Две из них – бактрийская и кхарошти – применены в надписи из Дашти-Навура, так как первая из них отражала язык еще основной массы коренного населения Кирпанда, а вторая – язык населения индийских колоний и буддийской религии, игравшей исключительно важную роль в жизни кушанского общества. Третий пласт населения Кирпанда, игравшие важную роль в политической жизни общества были скотоводческие народы юечжи и тохары (возможно, они – один и тот же народ), язык и письменность которых до сих пор не определена. Поскольку роль юечжей в истории Кирпанда была велика, а в трилингве из Дашти-Навура «неизвестная» письменность фигурирует как официальная наряду с кхарошти и бактрийской, то, возможно, что неизвестная письменность передает юечжийско-тохарский язык. Эта письменность был

не только официальной, но и употреблявшейся в народной среде, если судить по надписям на керамике из сельских поселений.(21)

Памятники письменности Кирпанда на трех официальных языках империи свидетельствуют о высокой политической культуре правителей, которые учитывали интересы всех этнических слоев общества и о широком распространении письменности во всех уголках страны. Около сотни рукописей, написанных «бактрийским письмом» хранится в частной коллекции Д. Халили в Лондоне, среди которых Н. Симс-Вильямс помимо писем определил более 20 юридических документов – «контракты, соглашения о продаже и аренде, гарантии, расписки, акты дарения или освобождения». (22) Само становление письменности Кирпанда является ярким свидетельством того культурного синтеза, который происходил в могущественной империи Центральной Азии. Французский исследователь Ж.Фюссман отмечает, что, восстановив в качестве государственного бактрийский (арийский) язык, Кушаны одновременно в Индии сохраняя индийскую администрацию, широко практиковали двуязычие. Кушанские правители покровительствовали всем индийским культовым системам – шивизму, буддизму, вишнуизму и джайнизму. По мнению исследователя, это было одним из главных достижений кушанской политики. «Этот намеренно вызванный и принятый симбиоз иранского и индийского элементов империи явился, бесспорно, одной из многочисленных причин относительной стабильности и долговечности империи». (23)

Таким образом, в изображениях на монетах, как и в надписях, отразился процесс творческого освоения и использования для своих целей различных, в том числе не в последнюю очередь – античных художественных традиций. (24) Культовая пластика, распространение зороастрийских погребальных обрядов свидетельствуют о приверженности традиционным верованиям и значительной части населения Кирпанда.

Особое явление в культурной жизни Кирпанда составляет массовое распространение буддизма. Распространению среди населения буддизма способствовала социальная ситуация, создававшаяся широкой урбанизацией Кирпанда. Судя по всему, буддизм сыграл роль идеологии, позитивно воспринимаемой разными

группами населения. Это был и городской патрициат, от которого требовались главным образом «донорские усилия», и масса новоявленных горожан, которые, покинув сельскую местность, чувствовали себя оторванными от привычного мирозерцания. Уравнение людей хотя бы в духовной области способствовали превращению буддизма в подлинно массовую религию.(25)

Разнообразие религиозно-философских систем и течений в Кирпанде, сосуществовавших в рамках единой политической системы, было одним из уникальных явлений в истории мировой цивилизации. Проявляя широкую веротерпимость и прокламируя на монетных сериях внимание к божествам самых различных религиозных систем, кирпандские правители сохраняли приверженность и к местным богам.

Пантеон, изображенный на монетах, насчитывает около тридцати божеств, фигуры которых сопровождаются надписью имен бактрийским письмом. Среди этих божеств находятся специфически местные, такие, как божество амударьинских вод-Вахш; общеиранские, как бог восходящего солнца Митра, богиня победы – Хванида, бог огня – Фарр; восходящие к месопотамским культам, как «великая госпожа» Нана; эллинистические – солнечный бог Гелиос, лунное божество Селена или греко-египетский Сарапис; индийские, в том числе Будда. Характерно, что вне зависимости от их происхождения все восточные божества (кроме Шивы) выполнены в традиции античной модельерной пластики, хотя не всегда наделены античными атрибутами. Антропоморфные образы этих божеств, в том числе Будды, создавались впервые, и при их создании кирпандские медальеры и другие художники обратились к иконографии античных божеств и персонажей.

Культурная толерантность в широком смысле этого слова явилась важным условием расцвета культуры Кирпанда, позволяла сохранять своеобразие местных традиций и достижений локальной культур наряду с созданием общих для всего огромного региона культурных ценностей. Как показывает анализ нумизматики, существовавшая веротерпимость, синкретический пантеон божества иранско - среднеазиатского, индийского, ближневосточного и античного происхождения - явный показатель религиозной

толерантности в огромной империи на уровне политической культуры правителя.

В начале нашей эры возникает письменность и в Согде и, как бактрийский, тоже на арамейской основе. Согдийская письменность в древности и, особенно в раннем средневековье бытовала на огромных просторах Евразии - от Старого Мерва до Алтая, Монголии, Китая и Тибета, а согдийский язык являлся основным средством общения, особенно в торговле между различными народами, играла важную роль как средство коммуникации. В Синьцзяне и в Монголии, где контакты согдийцев с тюрками были особенно тесными, согдийское письмо было приспособлено к фиксации древнеуйгурского языка, начавшее великую эстафету среднеазиатской письменности от согдийцев к уйгурам и далее к маньчжурам.

Следует еще раз подчеркнуть цивилизаторскую роль согдийцев на трассах Шелкового пути. Если согдийцы на трассах Шелкового пути способствовали распространению экономических и культурных достижений, то роль бактрийцев-кирпандцев особенно важна в распространении античного наследия на восток, в распространении буддийской культуры, традиций длительного сосуществования различных религиозных систем и течений. Созревшая на местных среднеазиатских традициях буддийское искусство и архитектура дали новый импульс развития буддийской культуры далеко на востоке - в Китае, Японии, Корее. Распространение буддизма по трассам Шелкового пути не означало уничтожения или поглощения местных верований, местных традиций. Это был сложный процесс взаимовлияния и творческого восприятия нового, трансформации привнесенных традиций под влиянием местных. (26)

Именно в кушанский период, в пору становления и расцвета Шелкового пути, стало ощутимо значимость культурных связей, тесного общения, стали вырабатываться общие культурные ценности, появились общие традиции в культуре народов евразийского пространства.

IV.2. РЕНЕССАНС КУЛЬТУРЫ КИРПАНДА В ЭФТАЛИТСКИЙ ПЕРИОД

Культуру Кирпанда эфталитского периода можно обозначить эпохой Ренессанса Центральной Азии. Объединение народов, некогда населявших территории Тохаристана, Согда, Афганистана, северо-западную Индию, значительные земли Синьцзяна в рамках единого государства и относительная безопасность от внешних вторжений привели к росту городов, расцвету экономики и культуры. Культурная толерантность в государстве Кирпанд являлась важным условием расцвета культуры, позволяла сохранить своеобразие местных традиций и достижений локальных культур, наряду с созданием общих для всего региона культурных ценностей.

Генезис раннесредневековой культуры Кирпанда был сложным процессом. Культура Кирпанда эфталитского периода развивалась в тесном взаимодействии с культурой оседлоземледельческого и скотоводческого населения, а также интеграцией инноваций. В его основе лежали местные традиции предшествующих периодов. Они проявляются в культуре Кирпанда по-разному, например, в облике городов, для которых характерен квадратный план, трехчастное членение (собственно город, пригород и цитадель). Культура раннесредневекового Кирпанда представляет сложный сплав из бактрийско-тохаристанских, согдийских и заимствованных элементов: сасанидских, китайских, византийских, индийских и др. Усвоение кирпандцами культуры других стран шло по линии прикладного и изобразительного искусства, архитектуры. Причем они не слепо копировали иноземные образцы, а творчески перерабатывали их, приспособляя к местным условиям и своим эстетическим запросам.

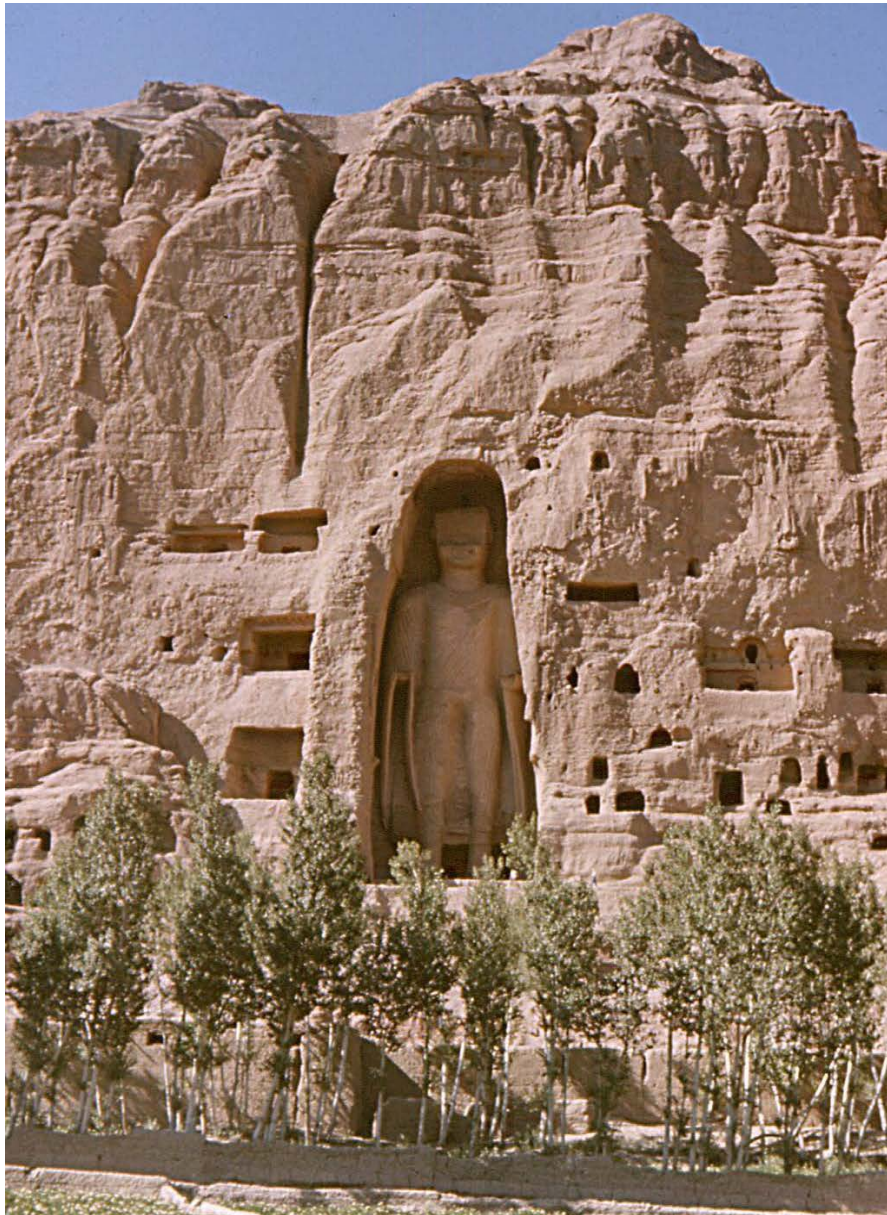
Культурную идеологию южного Кирпанда V—VI вв. характеризует широкая веротерпимость и совместное сосуществование разных вероисповеданий, которое не несло преимущества ни одному из них.

Китайские источники говорят, что в Кирпанде «государственной» религией (это условно, поскольку на огромных просторах империи нельзя сказать о доминировании только одной религии в тот период) являлся буддизм. Сам шах Кирпанда был ревностным

буддистом и духовной главой.(1) Археологические материалы свидетельствуют, что буддизм проник в Кирпанд при Канишке и существовал до арабского завоевания УП-УШ вв., а на северо-восточной окраине Кирпанда – в Припамирье – не менее чем до начала IX в. (2) Такие известные буддийские памятники, расположенные в Центральной Азии как Бамиан, Каратепе, Фаязтепе, Калаи - Кафирниган, Аджина - тепе, и другие возникли в пору расцвета кирпандского государства. Хотя опять же, археологические данные свидетельствуют о сосуществовании вместе с буддизмом других верований.

В Кирпандской империи замечен знаменательный факт - длительное сосуществование различных этно-культурных традиций и разных религиозных систем, и течений. Наряду с буддизм здесь сосуществовали культы авестийского круга, джайнизм, шиваизм, зороастризм, манихейство. Такое разнообразие религиозно-философских систем и течений, сосуществовавших в рамках единой политической системы, свидетельствовало о религиозной толерантности и высокой политической культуре правителей Кирпанда.

Согласно отрывочным сведениям письменных источников, данным археологии и нумизматики, население Кирпанда исповедовало буддизм, зороастризм, манихейство, христианство. По сообщению Сюань-Цзяна, в начале VII в. в Термезе было около десяти буддийских монастырей (сангарама) и тысяча монахов, ступа и почитаемые изображения Будды. В Чаганиане, соответственно, было пять монастырей с небольшим числом монахов, в Шумане и Хавамаране — два монастыря, в Кобадииане — три.(3) О процветании буддизма свидетельствуют, открытые в южном Кирпанде монастыри Аджинатепе, Хишт-тепе в Ховалинге (Хатлонская область РТ), святилища Калаи Кафирниган и Кафыр-кала, где пышное оформление скульптурой и живописью было призвано привлечь местных адептов и дальних паломников. В Чаганиане обнаружены остатки монументальной ступы Чор-Дингак, при раскопках замка Зангтепе и на Кафыр-кале выявлены фрагменты буддийских текстов, в том числе «Винайя» — правила поведения для монахов и мирян-буддистов. (4)

Буддийский комплекс Бамиён (Северный Афганистан)

О приверженности к зороастризму свидетельствуют и данные нумизматики: на многих монетах Кирпанда V—VIII вв. изображен алтарь со стоящими по обе стороны охранителями-фравашами или жрецами, причем это не простая имитация сасанидского чекана, но подтверждение приверженности местных правителей зороастризму. По зороастрийскому обряду сохранения костных останков осуществлялись погребения в наусах Шуроб-Курган, хумные за-

хоронения в Кафыр-кале, в Пенджикенте, Афрасиабе и др. Очевидно, значительное место здесь принадлежало; и манихейству. Имели место и локальные народные культы. Так, по данным китайских источников, в Кирпанде почитался культ божественного коня. (5)

Многообразие религиозных верований в Кирпанде нашло отражение в погребальных сооружениях и обрядах. Здесь отмечены единичные склепы, выбитые в песчанике, в лессе (Биттепе, Джулысай) или на крепостных стенах (Дальверзинтепе), прямоугольные одиночные (Шуроб-Курган) или многокамерные наусы (Курган), оссуарии (Иттифак), захоронения в хумах (Кафыр-кала) и керамических саркофагах (Каратепе), грунтовые могильники (Харкуш), курганные захоронения (Байтудашт, Ляхш I—II). Некоторые из них (наусы, хумные захоронения) продолжают погребальные традиции, свойственные Кирпанду кушанского времени, другие отличаются ранее не свойственными этой области погребальными сооружениями и обрядами. Таковы в частности керамические саркофаги, зафиксированные в могильнике Каратепе. Вместе с тем, устойчивость погребальных традиций в южном Кирпанде не подтверждается отсутствием, как и прежде, оссуариев (за исключением оссуария с согдийской надписью из могильника Иттифак), широко распространенных почти по всей Средней Азии в раннем средневековьи. (6)

Можно отметить и определенную общность в погребальной практике по всему Кирпанду. Так, в северном Кирпанде наусы по своей архитектурно-планировочной композиции идентичны однокамерным наусам Кирпанда кушанского времени. Отсутствие более ранних аналогий в Согде позволяет считать, что истоки согдийских наусов следует искать в бактрийских наземных погребальных сооружениях.

Распространение христианства в раннесредневековом Кирпанде подтверждается сведениями письменных источников. Христианство несторианского толка исповедовали часть эфталитов. Предметы с христианской символикой для этого времени имеют изображения несторианского креста, что, возможно, свидетельствует о значительной роли течения в Центральной Азии в У1 в и в последующие периоды. Сюжеты росписей Пенджикента, покры-

вающих стены не только храмовых и дворцовых сооружений, но и парадных залов в домах горожан, дают представление о религиозной жизни согдийского города У1-УП вв. Здесь взаимодействовали самые разнообразные верования, среди которых можно различить признаки буддизма и индуизма, зороастризма или маздеизма, христанства и манихейства.

В У1-УП вв. увеличивается количество христиан в согдийских диаспорах Синьцзяна. В Таримском бассейне вокруг Лобнора и в Ганьсу появляются владения согдийцев. В Семиречье, Ордосе и Монголии формируются поселения, перерастающие в федерацию согдийских городов. Миссионерская деятельность согдийцев-христиан в этот период сыграла большую роль в распространении этой религии. В 549 году они просили несторианского патриарха назначить им епископа. В начале V в. утверждается митрополия в Самарканде. Христианские тексты на согдийском языке найдены в Синьцзяне. В Согде распространился сирийский язык, так как он был языком несторианских литургий, о чем свидетельствует находка пенджикентской остраки с библейской надписью. Проникновению христианства в Среднюю Азию способствовали жестокие гонения христиан византийскими и сасанидскими правителями, а также их движение на Восток, видимо, было тесно связано с становлением торговых трасс Великого Шелкового пути, формированием ориентированных на его обслуживание определенных групп ремесленников и торговцев. (7)

Можно наметить и еще одну линию генетических связей в погребальной архитектуре юга Средней Азии и ее более северных областей. В южном Кирпанде (Биттепе), Мунчактепа (Ферганская долина) и Уструшане (Курукат) раскопаны некрополи, камеры которых выбиты в скальной породе на значительной высоте. (8) Общее их сходство очевидно, но, вместе с тем, имеются и определенные различия. Для склепов Биттепе характерно разнообразие планировочных композиций: прямоугольные, квадратные, крестовидные, прямоугольные с нишей в задней торцевой стене, тогда как в Курукате преобладает, в основном, последний тип склепов и отсутствуют арочные входы-дромосы, характерные для Биттепе. Различен способ захоронения: в Курукате—массовые захоронения предварительно очищенных костей, погребений в хумах и оссуа-

риях; в Биттепе — только трупоположение на спине, а в Мунчактепа захоронения совершены в камышовых гробах.(9) Определенные различия имеются и в составе погребального инвентаря — более разнообразного в Курукатском могильнике, где, однако, монетные находки малочисленны, в то время как в Биттепе они встречаются в каждом склепе. В Биттепе, за исключением одного склепа, нет керамики, широко представленной в Курукатском могильнике.(10)

В погребальном обряде могильников южного Кирпанда в сравнении с предшествующим временем отсутствуют керамические сосуды. Отсутствие в могилах сосудов с пищей и напитками связано, возможно, с изменениями в погребальном культе. Душа по пути в загробный мир больше не нуждается в пище — так можно сформулировать изменения в представлениях жителей Кирпанда, где, начиная с эпохи бронзы, был обычай установки в могиле многочисленных сосудов с жертвенной мясной пищей. Вместе с тем в некоторых могилах (Дальверзин, Биттепе) положены зерна различных злаков, следовательно, происходит отказ не вообще от пищи, а в первую очередь от мясной. В этой связи следует обратить внимание на то, что запрет мясной пищи являлся одним из главных предписаний манихейской религии, все служители и приверженцы которой должны были питаться только растительной едой. (11) Погребальные обряды манихеев мало исследованы. Не исключено, что одним из способов захоронения у них было трупоположение. В погребальном обряде раннесредневекового Тохаристана, наряду с определенными нововведениями, проступают черты более древних погребальных обычаев. Это касается, в частности, обычая класть в могилу, в рот или руку погребенного или рядом с ним монету. Кстати сказать, во всех могильниках этого времени (Биттепе, Дальверзинтепе, Иттифак, Курган, Харгуш, Фаязтепе) найдено немало монет.(12)

Б. А. Литвинский вскрыл конкретное содержание обычая помещения монеты в могилу, отметив несколько важнейших мифологем: монета-оберег, наделенная особой ритуальной силой против порчи трупа; монета — средство приобретения пищи для загробного странствия; монета — дар, предназначенный владыке подземного мира с целью облегчения участи души покойного, и,

наконец, монета — плата за перевоз через мистическую реку, отделявшую мир живых от загробного мира. (13)

Э.Ртвеладзе отмечает, что нахождение монеты во рту или руке покойного более распространённое явление именно в эфталитский период. В некоторых погребениях Биттепе монеты найдены на месте сердца — явный параллелизм бытующему у некоторых народов обычаю класть на сердце камень, чтобы воспрепятствовать выходу покойника из могилы. (14)

Таким образом, смысловое значение обряда помещения монеты в погребение у жителей раннесредневекового Тохаристана указывает на продолжающиеся традиции в погребальной обрядности Кирпанда на протяжении всего периода существования государства. Набор предметов, за исключением керамики, фактически тот же, что и прежде: серьги, бусы, браслеты, перстни, кольца, ножи, "иглы, наконечники стрел, пряжки, монеты. Реже встречается обычай помещения в могилу нарочито сломанных зеркал (Биттепе, Шуроб-Курган), отсутствует оружие. Все это в совокупности составляет комплекс преемственности не только культурной, но и, вероятно, этнической.

Духовная культура Кирпанда эфталитского периода представит в памятниках местной письменности. Согласно Сюань-Цзяню, его жители имели письменность на основе 25 букв, писали поперек страницы и читали слева направо. Он писал, что литературные произведения эфталитов создаются в большом количестве и превосходят по объёму согдийские.

Немногочисленные сведения исторических источников дополняют нумизматические и эпиграфические данные, свидетельствующие о бытовании здесь различных систем письменности. Среди них бактрийская по-прежнему занимала ведущее место в ряде областей южного Кирпанда и в особенности в Чаганиане. К примеру, бактрийское монументальное письмо, трансформированное в курсив, использовалось в Кирпанде на протяжении всего раннего средневековья. Хронологически бытование бактрийской письменности охватывает период с I до н.э. до VIII-IX вв.

Как мы отмечали выше, император Канишка составил текст своего эдикта на арийском языке, чего ранее не существовало. Арийский — это бактрийский, который сохранился в Кирпанде до

начала УШ века, когда Кирпанд исчез с исторической арены. Именно Канишка, судя по Рабатакской надписи заменяет в официальной сфере греческий местным бактрийским- арийским языком. Арийский язык был языком коммуникации на огромном пространстве империи, наряду с местными языками.

Одной из наиболее широко распространенной, возникшей на грани нашей эры, была согдийская письменность, которая в эфталитский период распространилась в странах, лежащих на трассах Великого шелкового пути, особенно во всех владениях Кирпанда, так как согдийский язык являлся средством общения, особенно в международной дипломатии и торговле (15) Уникальные письменные документы, выполненные согдийской письменностью имеются среди Мугских находок (из Таджикистана), а также бактрийская и согдийская письменность запечатлены в живописи Афрасиаба: рядом с согдийской надписью из 16 строк на стенных росписях дворца в Афрасиабе, повествующей о чаганианском посольстве в Самарканд, расположены две строки курсивным бактрийским письмом, которое В. А. Лившиц считает образцом официальной письменности Чаганиана.(16) В афрасиабской надписи упоминается чаганианский посол Пукар-заде, который носил титул «начальника канцелярии писцов» — дапирпат. Видимо в Кирпанде существовала особая писцовая школа.

Распространение кратких легенд-надчеканов согдийским письмом, отмеченные на чаганианских подражаниях монетам Пероза конца V—начала VI в., видимо, связано, вероятно, с включением Согда в это время в состав государства эфталитов. В буддийской среде в южном Кирпанде применялся индийский брахми. Определенное распространение имела в Кирпанде и пехлевийская письменность, судя по сасанидским монетам IV—VII вв. и более ранним памятникам, каковы остраки из Дальверзинтепе и граффити из Каратепе III—IV вв. (17)

В V в. формируется синкретичный кирпандский культурный комплекс, обладающий большой унификацией всех его элементов. Это был период зарождения новых эстетических начал. Облик культурного времени определяли уже не города, а сельские центры, переживавшие экономический подъем. В Кирпанде эфталитского периода выделяются семь групп застроек: 1. Города – круп-

ные поселения, обнесенные оборонительными стенами и имеющие укрепленную цитадель, жилую квартальную застройку и ремесленное производство; 2. крепости, обнесенные оборонительными стенами, предназначенные для небольшого гарнизона и без жилой застройки; 3. Замки – хорошо укрепленные, отдельно стоящие здания с парадными, жилыми и хозяйственными помещениями; 4. Укрепленные усадьбы – система жилых и хозяйственных помещений, защищенных оборонительными сооружениями; 5. Неукрепленные поселения – жилые и хозяйственные постройки, сконцентрированные на одной площади, но без упорядоченной планировки и четких границ в рельефе; 5. Неукрепленные усадьбы – отдельно стоящие здания, как правило, в непосредственной близости от укрепленного города или замка; 6. Культовые сооружения: монастыри, святилища. (18)

В эфталитский период ознаменовано в Кирпанде существенными видоизменениями в среднеазиатской архитектуре – сооружением рядом с селениями многочисленных замков-кешков в сельских районах, а в сократившихся в это время числом и размерами городах – жилых домов, дворцов и храмов нового типа. В оформлении их входили скульптура и стенопись иных, чем ранее, содержания и стиля. Наиболее богатые горожане становятся владельцами земли, усадеб, замков. Квалифицированные ремесленники, ставшие жителями сельских поселений, изготавливают продукцию «городского» качества.

В пределах Кирпанда при эфталитах стали формироваться самостоятельные владения, число их ко времени визита Сюаньцзана только в восточной части государства достигло 27. Только в Северном Кирпанде археологами зафиксировано в эфталитский период свыше 250 поселений. В это же время здесь начала формироваться новая городская культура, получившая развитие в VI—VII вв. На смену мегаполисам приходят небольшие города и городки. В пределах старых границ возводились небольшие города: Кафыркала (Хелаверд), Калаи Кафирниган и др. Продолжают развитие городище Старого Термеза – Будрач, Убеконтэпа (столица владения Ахорун?), Гиссарская крепость и Душанбинское городище (столица владения Шуман или одна из столиц Кирпанда) и др.

Ваханские крепости.

В эфталитском периоде продолжают развитие в ядре Кирпанда ваханские крепости, которые были воздвигнуты еще в период начала функционирования Южного Шелкового пути. Бернштам А.Н., учитывая внушительные размеры ваханских крепостей, рассматривал этот район столичным, по которой проходил основной торговый путь с востока на запад. (19) Исследования показали, что существовало несколько путей через Памир и Припамирье, по которому шел обмен материальными и духовными ценностями между Западом и Востоком: главным был Великий Памирский путь по Вахану, который связывал западные области Кирпанда и где располагались самые крупные и мощные крепости Вахана; второй по значению был Шугнанский или Малый Памирский путь, который шел по долинам рек Гунт и Шахдара и где располагались не столь мощные крепости; третий путь, Кашмирский или Гибинский, пролегал по восточной окраине Памира от Кашгара до Сарыкола и далее на юг, через Ташкурган, висячий мост до Кашмира, откуда шло вторжение в Гандхару. В Северном Припамирье с 1 в. н.э. функционировал Каратегино-Алайский путь, который играл второстепенную роль в связях Восток-Запад. Вдоль трассы были сооружены хорошо укрепленные крепости, при строительстве которых использовался рельеф местности. Такими мощными крепостями, построенными на утесе, с цитаделью, башнями и бойницами являются Ямчун (отождествляемые с сакским городом Гашень – столичным центром Вахана), Каахка(отождествляется с городом Ябгукат – «город Ябгу», резиденция наместника Кирпанда).

Многие пограничные кушанские крепости в эфталитский период превратились в замки местных владетелей Кирпанда. На Памире в эфталитский период функционировали зороастрийские (в Зонге (Вахан), храм Кафыркала 1-1У) и буддийские (монастырь Вранг) храмы. Культовые сооружения имели сплошную оборонительную систему, как Вранг или частичную, как Кафыркала. Надежная система обороны шугнанских и ваханских поселений свидетельствует о том, что местные строители были хорошо знакомы с искусством фортификации своего времени.(20) Эти пути были стержневыми связующими среднеазиатских и индийских частей империи Кирпанд и они же являлись той артерией, которая скрепляла и развивала синтез культур Востока и Запада.

Этот культурный синтез нашел свое яркое воплощение в изобразительном искусстве Кирпанда. В эфталитском Кирпанде наблюдается два направления развития искусства – культовое и светское. Особое место в культуре Кирпанда эфталитского периода принадлежит буддийским монастырям и храмам, открытым в Калаи Кафирниган, Аджинатепа. Приверженность к буддийскому канону определяет здесь и в скульптуре, и в живописи традиционный состав основных образов, но стиль уже во многом отличен от стиля кушанского времени. В буддийской храмовой живописи эфталитского периода четко обозначилась борьба двух тенденций: традиционализма и обновления образов. Живопись буддийского монастыря Аджина тепа – результат слияния индийского искусства и местным бактрийско-тохаристанским. В буддийских памятниках право- и левобережного (в Северном Афганистане) Кирпанда этот стиль, именуемый «буддийским барокко», отличает гибкая пластика поз, мелкая проработка деталей. Но, как и ранее, присущ реализм в изображениях мирян, почитателей буддизма, при подчеркнуто скромных размерах в сравнении со сверхнатуральным масштабом фигур Будды.

Отличается пластическое оформление дворцов и храмов северного Кирпанда. Круглообъемная деревянная скульптура оформляла в интерьерах стойки и кронштейны в виде «кариатид» (Пенджикент). В декоре же дверей и фризов стен она переходит в горельеф, чаще – барельеф, соподчиненные стенной плоскости. Большую роль играет также резьба по ганчу. Сюжеты всех этих рельефов разнообразны – божества под арками, охотники, танцовщицы, морской дракон-макара, женщина-птица, витязи, крылатый конь, поединок конных воинов и другие. Но наряду с изобразительными мотивами видную роль играл архитектурный орнамент, заполняющий бордюры, а иногда целые панно - предвозвездие ведущей роли орнамента в среднеазиатской архитектуре последующих времен. (21)

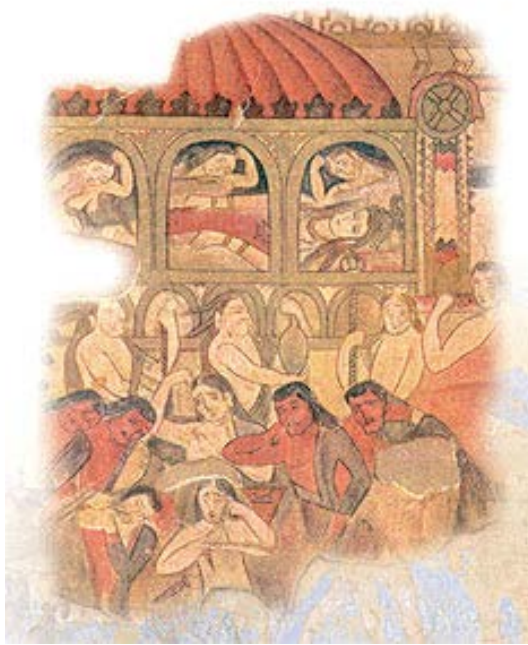
Монументальная живопись дворцов и храмов Кирпанда эфталитского периода относится к шедеврам мирового наследия. Сюжеты росписей стен передают сцены битвы и пиршества, нравоучительные притчи и подвиги эпических героев, тронные сцены и прием дипломатических посольства, следующие ко двору, боже-

ства и донаторы, цари и мифологические существа, безграничный мир преданий, сказочных сюжетов, прошедших сквозь фильтр эпического творчества и исторических событий. И все это – при высоком уровне живописного мастерства, показателя высокого уровня профессионализма тохаристанских, согдийских, индийских, восточнотуркестанских локальных живописных школ. Возможно, именно духовная толерантность в кирпандском обществе определила большую свободу творчества живописцев, которые, расписывая дома, дворцы и храмы, конкурировали между собой, черпая вдохновение в устном народном творчестве, в эпических исторических сказаниях, и в событиях повседневной жизни.

К памятникам городской культуры северного Кирпанда относятся городище древнего Пенджикента, который является классическим образцом города эфталитского периода. Раннесредневековый Пенджикент состоял из трех частей: цитадели, обнесенного крепостными стенами собственно города (шахристана); небольшого пригорода и обширного некрополя. На цитадели размещался дворец правителя княжества (и владетеля города), на шахристане – два больших храмовых комплекса, жилые дома городской знати и купечества, базары и лавки. За городом находились пригородные усадьбы, отдельные дома ремесленников и состоятельных земледельцев, а также постройки некрополя.

Пенджикентские жилища группировались, в прямоугольные в плане кварталы, которые разделялись прямыми длинными улицами. Ядром каждого квартала были двух-, а то и трехэтажные дома городской знати. К этим домам-дворцам пристраивались жилища менее богатых купцов и землевладельцев, а то и мелких хозяев лавок и мастерских, селившихся обычно вдоль улиц и переулков. В монументальных жилищах пенджикентской знати в центре плоской деревянной кровли, опиравшейся на четыре стройные колонны, находился большой световой люк. Изящная резьба украшала деревянные балки, капители и фризы, составленных из отдельных скульптурных фигур и барельефов, располагавшихся по верху стен на многокрасочных стенных росписях. Напротив входа суфа имела расширение — своеобразную площадку, "место почетного сидения" хозяина или почетного гостя.

В нишах величественных храмов располагались большие глиняные статуи, стены украшала яркая живопись, а деревянные архитектурные детали, художественная резьба, как и глиняные фигуры, были раскрашены. Во внутреннем дворе одного из храмов росло большое лиственное дерево и располагался алтарь огня (культ "священного дерева" отмечается и у современных таджиков, а поклонение "священному огню" прочно вошло во многие ритуалы древних иранцев). Оба храма представляли собой не только культовые здания, но и замечательные образцы синтеза искусства — умелого сочетания архитектуры, скульптуры и живописи.

**Сцена оплакивания.
Пенджикент**

Исключительную важность в истории культуры Центральной Азии имеет монументальная живопись и скульптура этого раннесредневекового города. Такой насыщенности этого города У-УШ веков изведениями настенной писи не знает на Востоке ни один древний город. Такого обилия приемов, манер, почерков в живописи при относительной общности ее стиля тоже не найти. Живопись украшала залы, иногда имеющих стены площадью в двести-триста квадратных метров, и коридоры жилых домов. В больших залах живопись компоновалась по определенным правилам. Напротив входа на стене кроме панели и фриза изображалось царственное лицо (или божество); по сторонам трона – склонившие перед ним колени арфистки, танцовщицы; на боковых стенах широким ярусом шли сцены на героические, частью фантастические темы, а внизу узкой полосой, разбитой рамками, - эпизоды из сказок и басен. (22)

Весьма интересными оказались также дошедшие до наших дней стенные росписи пенджикентских храмов с изображениями сидящих, поджав ноги, знатных мужчин, украшенных ветками и цветами, и особенно "сцена оплакивания". В правой ее части на фоне крепостной стены изображена переносная, вероятно деревянная, постройка-павильон с арками и купольным верхом. В павильоне лежит в окружении плакальщиц усопший (женщина или юноша с длинными волосами). Оплакивающие его как внутри павильона, так и снаружи (группа мужчин и женщин) рвут на себе волосы, царапают лица, надрезают мочки ушей (по сообщениям некоторых китайских и арабских источников, именно так проявляли свою печаль во время похорон умерших согдийцы). В левой части росписи были, кроме того, изображены более крупные по размеру женские божеества, также, видимо, участвовавшие в сцене оплакивания. Оплакивали усопшего, таким образом, не только все люди, но и боги Кирпанда. И, по-видимому, скорбели они по известному почти повсеместно умирающему и воскрешающемуся божееству природы, что могло происходить именно весной, в начале согдийского нового года. Храмы, видимо, принадлежали местным, согдийским, последователям древних иранских языческих культов авестийского круга с поклонением огню и другим священным стихиям (в том числе воде), изображениям многих божееств ("идолов"), оплакиванием покойных (категорически запрещаемым сасанидским "зороастризмом"), как и языческого божеест-

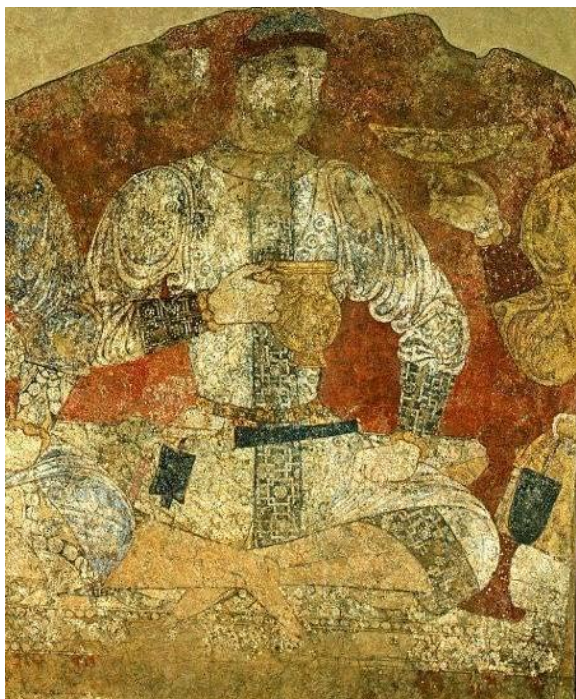

*Арфистка. Живопись
Пенджикент*

ва умирающей и воскрешающейся природы, культом "священного дерева" и т. п (23)

В разных жилищах знати, судя по остаткам росписей, персонажи божественных покровителей не повторялись. Но именно к такому персонажу были обращены изображенные слева и справа от центра сцены музыкантши. Живописные сцены из этих повествований развертывались перед хозяевами и их гостями в широких поясах, переходивших с одной стены на соседнюю по всему залу. Нанесенные как бы единой линией фигуры росписей "черного" зала четко выделяются на фоне стены, обретая форму и объем, пленя изяществом и выразительностью. Такова, например, фигура музыкантши, схватившиеся в поединке могучие воины, пирующие царь и его приближенные.

Сцена пишествия. Пенджикент

знати древнего Пенджикента. Роспись «синего зала» композиционно повествовала о подвигах богатыря, которым, вероятно, гордилась семья. Но в то же время — это типичное, характерное для пенджикентского городища Залы такого типа неизменно открываются как в Пенджикенте, так и в других предарабских согдийских городах. Следует добавить, что в ряде случаев росписи по-

Кирпандские живописцы с необычайной тщательностью вырисовывали каждую деталь одежды, вооружения и бытовых предметов, и, несмотря на условность канонизированных фигур, поз и жестов персонажей в целом, можно детально изучать материальную культуру Кирпанда. Все эти сцены относились, очевидно, к единому повествованию, рассказывали о подвигах одних и тех же богатырей, так как их изображения повторяются.

"Черный" зал - всего лишь парадный одного из жилищ

крывали не только парадные залы, но и айваны и отдельные сводчатые коридоры богатых зданий. Тогда того времени. Что свидетельствует о необычайной популярности живописи в повседневной жизни Кирпанда и расцвете изобразительного искусства. Возможно, в настенной живописи для передачи отдельных состояний существовали определенные изобразительные и литературные штампы (например, басни Эзопа или герои индийских сказок «Панчатантра»).

Послы Чаганиана. Афрасиаб.

Особенно в живописи Пенджикента примечательно изображение богини Наны (Нанайя)—еще со времен Канишки, покровительствовавшая Кирпанду. Она сидит верхом на льве и в правой руке она держит солнце, в левой — луну. Как мы выше писали, Нанайя держит в руках символы объединения людей Луны и людей солнца – символ Кирпанда. Здесь же открыта и небольшая красочная буддийская композиция, в которой художник хотел передать буддийскую сцену и фигуру Будды- единственное изображение его во всей пенджикентской живописи и скульптуре. (24)

Одним из шедевров искусства Кирпанда является выупомянутая живопись Афрасиаба, которая может ярко охарактеризовать искусство позднеэфталитского периода. На Афрасиабе раскопана

монументальная постройка, принятая первоначально за богато украшенный росписями дворец самаркандского владетеля и царя Согда. Однако ныне исследователи сходятся на том, что подлинный дворец находился на цитадели, а принятая за него постройка представляла собой сходный с пенджикентским квартал жилищ знати — высокопоставленных чиновников или приближенных к царскому двору.

Сцена сражение со зверем. Варахша.

Особенно великолепными оказались, как мы выше отмечали, росписи большого зала площадью 11 x 11 м². На красочных композициях росписи Афрасиаба, на синем фоне изображены царь и его приближенные, которые встречают послов из разных стран, возможно, правителей разных владений огромной империи Кирпанд. Кроме того, на стена зала даны: сцена охоты, сцена в лодке с самаркандской царицей и свадебное шествие чаганианской принцессы с сопровождающими. В этой росписи важен сохранившийся на полах халата текст на бактрийском и согдийском языках о прибытии чаганианского посла ко двору самаркандского правителя Вархумана. Многие в интерпретации росписей основывается на прочитанных, переведенных и прокомментированных В.А. Лившицем надписях, выполненных либо одновременно с живописью,

либо вскоре после ее завершения. В композиции, учитывая при-
сущую искусству Согда пунктуальность в изображении этниче-
ского типа персонажей, их одежды, вооружения и других деталей,
даны, видимо, реальные исторические события. Афрасиабские
росписи представляют собой полное и законченное выражение
самостоятельной художественной системы (25)

Цитадель. Вараъма. Реконструкция.

Богато были украшены произведениями монументального искусства также дворцовые покои городища Варахша. Оно находится к западу от современного Бухарского оазиса. В V в. н. э. Варахша становится резиденцией правителей Бухары и затем разрастается в огромный город. Варахшинский дворец был украшен резным шtukом и росписями. Внутри варахшинской дворцовой постройки находились условно названные "восточный" и "красный" залы с многоцветными настенными росписями. В зале расчищены росписи на южной и западной стенах. Их сюжеты, насколько позволяют судить дошедшие до археологов остатки, по сути те же, что и в парадных залах Пенджикента: на серовато-голубом фоне южной стены была изображена сцена царского приема; на таком же фоне западной стены — конные воины. В центре композиции на южной стене находилась фигура божества (или легендарного предка), сидящего на троне. По сторонам от огромной централь-

ной фигуры тянулись ярусами повествовательные сцены с изображениями персонажей: группа людей, участвующих в обряде поклонения огню, вооруженные всадники на конях. Абсолютно другими были росписи "красного" зала: ритмично расположенные живописные сцены, в которых царственный охотник верхом на слоне сражается с хищниками. Царю помогает слуга, сидящий на голове слона. Украшения одежды и, главное, изображения слонов — все это придает залу "индийский" характер. Росписи "красного" зала важны тем, что передают сцены из жизни индийских территорий Кирпанда. (26)

Одним из ярких памятников Кирпанда — является Аджина-тепе (по-таджикски "Аджина-тепа", что переводится как "Чертов холм" или "Холм дракона"). Это наиболее известный буддийский монастырь эфталитского Кирпанда. Сохранившиеся живопись и скульптура свидетельствуют о том, что Аджина-тепа — это остатки единого ансамбля жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Здание было построено по единому четкому плану, подобно тому как сооружались монастыри в древней и средневековой Индии, а также в кушанском Кирпанде (Фаяз-тепе в Старом Термезе).

Дароносцы. Аджина-тепе.

Одно из помещений являлось святилищем, стены которого покрывали росписи, а на его пристенных постаментах размещались глиняные скульптуры и рельефные композиции. Другое помещение представляло собой зал с четырьмя колоннами, служил местом для собраний буддийской общины, где могли вестись и занятия, и богословские диспуты с участием не только членов, но и гостей общины. Из длинных коридоров можно было попасть в

жилые кельи монахов. (исследователи насчитали 9 таких помещений) и в комнаты иного назначения. Из северного айвана шел проход в небольшое купольное помещение. Центр двора занимала главная ступа. Двор культовой части Аджина-тепе был значительно шире, чем в монастырской половине, что давало возможность во время совершения буддийских церемоний осуществлять ритуальный обход вокруг ступы. (27)

О том, как совершался такой ритуальный обход святыни (прадахшина), дает представление часть композиции на стенных росписях другого буддийского храма на юге Таджикистана, на Калан-Кафирниган. (28) Наверху этой двухъярусной композиции была изображена большая фигура Будды с предстоящими персонажами, внизу — процессия, в которой принимает участие (и, видимо, возглавляет ее), наряду со знатными мужчинами и женщинами в богатых одеждах, буддийский монах. Все участники процессии держат в руках цветы, ветки и иные дары, которые предназначались для поднесения священным изображениям Будды, буддийских персонажей и символам,

Живопись Калаи Кафирнигана.

например ступе. Вокруг двора со ступой располагались, как и в монастырской половине здания, длинные коленчатые коридоры, соединявшие все четыре его дворовых айвана. В одном из таких коридоров на высоком постаменте размещалась 12-метровая глиняная статуя лежавшего на боку в сцене "великого ухода" Будды - в нирване. (29)

Будда в нирване. Аджина-тепа.

Исследователи архитектуры и строительной техники Аджина-тепе отметили высокий уровень профессионального мастерства его создателей. Действительно, они умело использовали большой опыт индийских проектировщиков в разработке планировочных схем буддийских монастырей и их деталей (в том числе ступ) и достижения среднеазиатских строителей в виртуозном использовании таких местных материалов, как пахса и сырцовый кирпич при возведении сводов (особенно при поворотах коленчатых коридоров), куполов, пандусных подъемов и т. п. Многовековые местные традиции проявились также в технике монументальной стенной живописи и лессовой скульптуры, в то время как в сюжетах, особенно при изображении буддийских персонажей, художники оставались в основном в рамках разработанных в Индии канонов. Сюжетные росписи в Аджина-тепе украшали почти все помещения культовой половины и некоторые комнаты собственно монастырской части. Таковы, например, частые изображения Будды, в том числе в многоярусных композициях на сводчатых потолках. В то же время изображения местных персонажей даже в культовых сценах следовали привычным среднеазиатским правилам, в чем легко убедиться на примере изображения сцены прадак-шины из Калаи-Кафирниган или сцены подношения даров из

Аджина-тепе. Не менее богатым было скульптурное убранство здания монастыря: судя по находкам, здесь было более 500 статуй - отдельных фигур и скульптурных композиций. Как и в живописи, в скульптуре часто изображались сам Будда и бодхисатвы, а также небожители-дэвы, монахи, демоны и т. п.(30)

Наглядно характеризует жилые замки Кирпанда, расположенный на юге замок Балалыктепе- укрепленная загородная усадьба богатого землевладельца и его семьи. Стены замка украшали стенные росписи. По определению исследователя замка – Л.И. Альбаума, "живопись изображает сцену пиршества, в котором принимают участие сидящие на ковриках мужчины и женщины. Всю композицию можно разбить на отдельные группы. На переднем плане изображены крупные фигуры. Они одеты в богато орнаментированные одежды... В каждой группе лица мужчин и женщин повернуты друг к другу... в то время как сами фигуры нарисованы почти в фас. В руках фигур — кубки и чаши... На втором плане меньшим масштабом изображены слуги..»(31). Росписи, выполненные на матово-черном фоне, видимо, отражают кирпандские каноны красоты. Живопись Балалык тепе рисует общество своего времени и его предметное окружение, воплощает присущие ему нормы и идеалы, вмещает в себя жизненно важные проявления эстетики кирпандцев. Стремление живописца схватить форму одним движением кисти, сразу, без поправок – свидетельство высокого таланта художника. В живописи Балалыктепе нет изображений божеств и служителей культа. Сцена пиршества носит чисто светский характер. Но между религиозной живописью, верной доктринам буддизма, и светской живописью Кирпанда протягивались связующие нити. Не будучи культовой, живопись Балалыктепе исполнялась, видимо, не без участия мастеров, знакомых с буддийской иконописной традицией. Они следовали ей в трактовке одежд, рук, поз, напоминающих буддийские росписи Фундукистана и Бамиана. (32)

В увидевшей свет в 1999 г. книге ученые из Эрмитажа А.И. Косолапов и Б.И. Маршак приводят на основании историко-художественного и лабораторного исследования сравнение стеной живописи в разных владениях Кирпанда –среднеазиатских, афганских, Индии, Синьцзяна.

Сцена пишества. Балалыктепа.

В каждом из регионов они прослеживают свои особенности. «В Согде, — пишут авторы, — сильнее всего древневосточная традиция, существенно измененная влиянием искусства степей, но в его стиль вошли также элементы тохаристанского и индийского происхождения, тогда как китайские иконографические мотивы имеют "цитатный" характер. Чем южнее, тем в большей мере стили, близкие к эллинистическому и согдийскому, уступают свои позиции буддийскому с его особой нежностью не только форм, но и красно-синего колорита. К востоку от Бамиана (в афганской части Кирпанда) в оазисах вдоль южного и северного путей (в Китае.) преобладает несколько упрощенный индо-буддийский стиль. Однако светские элементы искусства, как и в Бамиане, по своему характеру родственны согдийским, хотя собственно согдийское влияние до середины VII в. не доходило до этих оазисов. Надо отметить, что чем восточнее, тем большее значение имеет холодный зеленый цвет. Невероятно кричащие сочетания синего, зеленого и оранжевого во втором стиле Кучи (в Синьцзяне. — Авт.) и не менее яркий, но гармоничный колорит Дуньхуана (и Северо-Западном Китае. — Авт.) V—VI вв. создают впечатление нереального или, вернее, сверхреального мира буддийских персонажей,

ослабляя, однако, выражение нежного сочувствия, столь типичное для образов (бодхисатв в остальных школах буддийской живописи V—VIII вв.) в Индии, Центральной Азии и Китае. Наконец, в раннем средневековье в Китае в буддийском искусстве появляется классический танский стиль, в котором гармонично сочетаются местные, индо-буддистские и центральноазиатские элементы, а колорит, пополненный искусственной киноварью, свинцовыми окислами и различными оранжевыми и лиловыми смешанными красками, достигает наибольшего разнообразия. (33)

Как и в произведениях монументально-декоративного искусства раннесредневековом Кирпанде, в прикладном искусстве ведущую роль играли изобразительные элементы и мотивы. Более того, и в стенных росписях, и в резьбе по дереву, и в лессовой скульптуре Согда и других областей среднеазиатского Междуречья передаются одни и те же сюжеты. В Согде, например, в том числе и в Самарканде, среди многочисленных терракот встречены изображения, живо напоминающие персонажей знаменитой "сцены оплакивания" на стене пенджикентского храма..

Художественное ремесло Кирпанда предстает в своем многообразии и развитии в керамике. Выявлено специалистами ряд локальных школ, отражающих этническую общность и, соответственно, характер эстетических запросов населения крупных историко-культурных областей среднеазиатского региона. В Кирпанде при помощи калыбов — терракотовых штампов отпечатывались также фигурки воинов с булавами в руках, которые восседали на мелких скульптурах коней и, реже, иных животных. Из глины изготавливались и сосуды с изображениями, метко передававшими этнический тип кирпандцев с большим прямым носом, густыми бровями, длинными усами, аккуратной бородкой и миндалевидными глазами. Особый род корoplastики предстает на оссуариях. Фасадную стенку или же все четыре стороны керамического ящика и пирамидальную крышку богато орнаментированных оссуариев оформляли либо объемные наклепные фигурки, либо оттиснутые матрицами рельефы. Тематика их связана с ритуалами и образами местного зороастризма, стиль тот же, что и в монументальных настенных рельефах, но исполнение лишь иногда стоит на высоком художественном уровне.

Оссуарии в Кирпанде декорировались разнообразно— без орнаментации или с грубо-примитивной орнаментацией, а то и высокохудожественными по исполнению. Среди последних по праву можно назвать найденные в начале XX в. Б.Н. Кастальским у селения Бия-Найман между Самаркандом и Бухарой - разбитые в древности на множество фрагментов, а ныне хранящиеся в Эрмитаже. Наиболее распространенной композицией на Биянайманских оссуариях были сцены, которые включали четыре фигуры, стоявшие под арками. Эта композиция перекликается с сасанидскими, византийскими, раннероманскими и, даже с иудейскими. Предполагается, что на стенках оссуариев даны божества четырех священных стихий: огня (мужская фигура с алтарем) и воздуха (правее первой), земли (женская фигура слева) и воды (справа). (34) В эфталитский период мастерство короoplastов Кирпанда претерпело определенные изменения. Штампами оттискивались в основном головки, торс же выполнялся вручную.

Танцовщицы. Серебрянная чаша. Чилен Vв.

Изделия торевтики, которыми славился Кирпанд, дошли в ограниченном числе. Уникальным является клад торевтики эфталитского времени из Чилека, хранящийся в Самаркандском историко-художественном музее-заповеднике. Чилекский клад V в. содер-

жит серебряные чаши разных школ торевтики. Возможно, являются кирпандскими некоторые сосуды V-УП вв из старых собраний Эрмитажа. Сосуды из золота, серебра (реже из бронзы и других металлов), украшались резьбой. Эти произведения предназначались для знатных и зажиточных слоев населения, которые жили в монументальных зданиях со стенными росписями. В художественном металле изображали сцены длительного единоборства витязей, тронные сцены, крылатый верблюд, сцены охоты, сюжеты драм Еврипида. Витязи изображались в чисто согдийском изобразительном стиле: с широкими плечами и тонкой талией, а детали их вооружения и иные атрибуты переданы с присущей согдийскому искусству той эпохи тщательностью.

К кирпандской торевтике эпохи раннего средневековья принадлежит и серия полусферических чаш с рельефными изображениями на внешней стороне. Возможно, наиболее ранние из них действительно были изготовлены на юге Кирпанда. На дне одной из таких чаш, хранящейся в Британском музее, в круглом медальоне имеется погрудное изображение безбородого мужчины, сходное с эфталитскими V—VI вв. По кругу расположены три птицы — по-видимому, китайские фениксы: голова, шея и одна нога у них переданы относительно натурально, все остальные детали — в виде растительных завитков; близкие по рисунку птицы встречаются в росписях знаменитых буддийских пещер Аджанты в Индии. (35)

В эфталитский период культурные связи отчетливо отразились в культуре Кирпанда, где в рамках империи стало вырабатываться синкретическое искусство, появились новые традиции градостроительства, растет число дворцов-замков, где широко используется творчество архитекторов, художников, торевтов, резчиков по дереву, текстильщиков. При строительстве грандиозных замков использовался не только опыт строителей горных крепостей, но и зодчих — строителей римских вилл и кирпандских замков — дворцов в городах.

Направление культурных связей между Китаем, Кирпандом и Византией во многом зависело от политической ситуации в среднеазиатском регионе. В кушано-сасанидский период кирпандско-византийские связи осуществлялись, очевидно, преимущественно

через территорию Ирана. При этом кирпандцы могли знакомиться с культурой восточно-римских провинций как непосредственно, так и через иранские заимствования. Важным фактором, сближавшим Кирпанд и Византию, было христианство.

Свадебный пир. Эфталитская серебряная чаша. Из собр. Строгановых

Китай поддерживал связь с Кирпандом через буферные владения, которые соприкасались с границами синьцзянских владений Кирпанда. Тесным было взаимодействие культур Кирпанда и Ирана. Оно также отразилось на облике кирпандской культуры: в архитектуре (чортаки, конструкции арок), символике (изобразительный блок из полумесяца и солнечного диска), в монетном чекане (подражания драхмам Хосрова I, Пероза), торевтике (круглый медальон с человеческим бюстом на дне чаши). В центральном Кирпанде раньше, чем в других частях империи, стал распространяться (начав проникать с кушанского периода и этот процесс усилился в южном Кирпанде в эфталитский период) язык фарси-дари. У кирпандцев и иранцев существовали близкие представления, связанные с верой в фарна.

Вхождение в состав единой империи и сильные позиции буддизма в стране были главными факторами, определяющими характер взаимодействия культур Кирпанда и Индии. Архитектурные

схемы индийских буддийских памятников оказали влияние на планировку кирпандских буддийских сооружений. Буддийское искусство Кирпанда испытало влияние гандхарского и гуптского искусства. Из Северной Индии в Кирпанд привозили буддийские рукописи на бересте, приходили буддийские миссионеры, а так же распространялись традиции градостроительства и декоративно-прикладного искусства на всем пространстве империи. Своеобразным идеалом женской красоты у кирпандских художников был образ индийской якшини.

Высоко было мастерство ткачей. В среде кирпандской знати был модным китайский, иранский византийский шелка, доставлявшийся в Среднюю Азию по трассам Великого Шелкового пути. В различных областях Кирпанда создаются собственные школы художественного шелкоткачества. Существовала тохаристанская, согдийская, турфанская, ферганская, индийские школы шелкоткачества, которые взаимодействуя, обогащали свои художественные традиции. Именно в эфталитский период выросло значение и ценность тохаристанских и согдийских шелков, особенно славились шелка «занданечи», которые впервые стали вырабатываться в одном из бухарских селений. Зародившись в кушанский период, в период правления эфталитской династии развивается достаточно синхронно мода в costume. Эфталитский стиль рубах, кафтанов с односторонними отворотами определяли общее направление моды на обширном пространстве Кирпанда.(36)

Подводя итог анализу культуры эфталитского и последующего периода Кирпанда, вправе отметить открытость среднеазиатского общества той эпохи, его широкие культурные и художественные связи, известную веротерпимость и восприимчивость к достижениям "иноземцев". Надо признать также высокий культурный уровень и потенциал кирпандцев, прочно обосновавшимся на перекрестке мировых путей, возможность создать художественную культуру, которая оставила яркий след в истории народов Евразии от Западной Европы до Японии и вошла наряду с наследием Сасанидского Ирана в культуру исламского мира.

ГЛАВА V. РОЛЬ КИРПАНДА В МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ НА ТРАССАХ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Стратегически важное географическое расположение Кирпанда сыграла немаловажную роль в передаче научных ценностей, достижений искусства и градостроительства, в обмене духовных знаний Запада и Востока, чему способствовало сложение Великого Шелкового пути. Огромную цивилизаторскую роль сыграл кирпандская империя, объединив огромные пространства (заселенные носителями различных культур) в единое государственное образование. Наивысшим достижением Кирпанда можно считать формирование самобытной цивилизации. В культурных, экономических и политических центрах – Бактрии-Тохаристане, Согде и Северо-Западной Индии – в равной мере исходным для культурного развития было наследие цивилизаций бронзового века. Сложению Великого Шелкового пути, как основной трансконтинентальной трассы, предшествовал долгий период ранних "путей", которые были всего лишь направлением опосредствованных контактов, когда редкие минералы передавались от области к области, от одного народа к другому. В структуре Шелкового пути можно различить несколько его поддерживающих компонентов: дороги, города, каравансарай, крепости, колодцы, базары. Средневековые дороги делятся на несколько типологий: интерконтинентальные пути (Шелковый путь), внутриконтинентальные (пути, соединяющие два государства), региональные пути, пути между местностями и пути между городами.

Данные о торговых связях населения Центральной Азии с окружающими его регионами восходят к III-II тыс. до н. э. Возникновению этих связей во многом способствовала разработка залежей полудрагоценных камней: лазурита в горах Бадахшана, и нефрита в верхнем течении р. Яркенд. Письменные и археологические источники свидетельствуют о существовании торгового пути, по которому из Бадахшана в Иран, а затем в Месопотамию и далее в Сирию, Египет и Анатолию доставлялся лазурит-камень, высоко ценившийся на древнем Востоке. В ахеменидский период эти связи значительно расширяются. Кроме лазурита в страны Передней

Азии из Согдианы и Бактрии вывозили сердолик, а из Хорезма - бирюзу. Наряду с " лазуритовым" путем в древности существовал " нефритовый" путь, связывавший области Хотана и Яркенда с Северным Китаем. К ранним путям можно отнести и региональные дороги, соединяющие ограниченное число стран ("царская дорога" в Ахеменидской державе, трассы в империи А. Македонского, "дорога пряностей" из Египта в области Красноморья, Персидского моря, Индии и Цейлона, "путь на Запад" из Китая в Синьцзян и Среднюю Азию). Сложению Великого Шелкового пути, подготовленное многими более ранними дорогами региональных контактов, явилось качественно новым этапом в развитии международных связей человечества, сыграли важную роль в сложении основ современных локальных цивилизаций.

Промежуток между VI-I вв. до н. э. - I в н. э. был временем укрепления международных связей Юго-Западной и Центральной Азии в связи с включением стран этих регионов сначала в империю Ахеменидов, а затем и Александра Македонского, позже и в систему эллинистических государств. Эта эпоха была переломным для развития цивилизаций Евразии. Она сыграла важную роль в становлении локальных цивилизаций Запада и Востока. Этот период был назван крупнейшим немецким историком Карлом Ясперсом " осевым временем" или "осью мировой истории", поскольку именно тогда произошел резкий поворот в истории человечества - складываются мировые религии - буддизм, а затем и христианство. В формировании структуры цивилизаций Евразии неопределима заслуга Великого Шелкового пути.

В период четырех империй (Ханьской, Кирпандской, Парфянской, Римской) сложился Великий Шелковый путь, по которому шел активный обмен цивилизационными ценностями Востока и Запада. Впервые термин "Шелковый путь" употребил немецкий ученый Фердинанд Фрайхерр фон Рихтхофен в своей работе "Китай", вышедшей в 1877г. Этим названием известный немецкий географ обозначил сложившуюся в начале летоисчисления трансконтинентальную сеть дорог, которые связывали Восток и Запад. Сложение Великого Шелкового; подготовленное многими более ранними дорогами региональных контактов, явилось качественно новым этапом в развитии международных связей человечества,

сыграли важную роль в сложении основ современных локальных цивилизаций.

Первой в Центральной Азии устанавливает дипломатические отношения с ханьским Китаем Бактрия в начале 112 года до нашей эры. С этого времени обмен посольствами стал частым по уже проторенным путям. Первый посол из Парфии прибыл в столицу Хань в конце лета 109 года до н.э. С Усунь были установлены дипломатические отношения ханьского Китая около 107 г. до н.э. **Условной точкой отсчета функционирования Великого Шелкового пути можно считать начало 112 года до нашей эры, когда Бактрия налаживает регулярные дипломатические отношения с Хань и связывает сухопутные пути в Евразии.**

По трассам Шелкового пути шли многочисленные миссионеры, монахи различных конфессий, распространяя свои учения, духовные ценности. Благодаря их благородной миссии были заложены основы, которые определяют цивилизационный облик современных стран буддийско-конфуцианского блока Восточной Азии, индо - буддийского блока Юго-Восточной, Южной Азии, стран Юго-Западной Азии и Западной Европы. В формировании структуры цивилизаций Евразии неопределима заслуга квартета великих держав древности и Великого Шелкового пути. Как выше мы писали, Великий Шелковый путь соединил все четыре древние империи, относительно стабилизировав трассу на всем протяжении, от тихоокеанского побережья до Атлантического океана.

Государство Кирпанд способствовало стабильному функционированию первой в истории человечества трансконтинентального и дипломатического тракта - Великого Шелкового пути. Как выше мы отмечали, китайские источники свидетельствуют, что, начиная от Кашгара, охранные функции Западных земель самостоятельно осуществлял кирпандский правитель. В то же время именно Великий Шелковый путь, экономические выгоды, которые она давала, способствовали в определенной степени расцвету Кирпанда. Контроль над трассой, на кирпандском отрезке пути, давал императору Кирпанда геополитические преимущества и потенциал к росту могущества. Объединение народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии, части Ирана в рамках единого государства и относительная безопасность от внешних военных вторжений при-

вели к росту городов, к расцвету экономики и культуры этих областей. Причем именно через Кирпанд Западный край и Срединная империя держали связь с Морским Шелковым путем, значение которого возрастает в период расцвета Кирпандской империи. Завоевательные походы кирпандского шаха на юге были связаны с решением важной, первой в истории таджикского народа геополитической задачи - достижения пределов южных морей, выхода к морской трассе. Эта задача была решена с момента правления кушанских династий в государстве Кирпанд.

Возникновение Кирпандской империи, соприкасавшейся на востоке с ханьским Китаем, а на западе с Парфянским царством, соединило разорванные ранее древнейшие центры цивилизаций Старого света в единую систему квартета империй древнего мира, способствовало активному диалогу цивилизаций на трансконтинентальной трассе. В одном из китайских текстов правители Кирпанда кушанской династии наряду с правителями Рима и Ханьского государства называются "Сынами Неба", которые делят между собой весь мир (5).

Ведущих трасс Великого Шелкового пути насчитывалось всего три: два сухопутных и одна океанская. Первая, сухопутная - тянулась из столицы Китая через юг Средней Азии и Иранское плато (в древности это были владения Кирпанда и Парфии) в Восточное Средиземноморье (в древности - римские Сирия и Египет). От этой трассы еще в Средней Азии отходила дорога на юг, через перевалы Гиндукуша в Индии, и в том числе к портам ее западного побережья, а затем в долину Ганга. Существовали также дороги через горы из нынешнего Синьцзяна прямо в Индию (в частности, там, где сейчас проходит Каракорумский тракт из КНР в Пакистан), равно как и водный путь по Амударье, ее пересохшему уже к раннему средневековью прикаспийскому рукаву - Узбою, по Каспийскому морю и рекам Закавказья, выводящий в Северную Месопотамию, Малую Азию и, видимо, к портам Восточного и Южного Причерноморья. Вторая трасса, океанская соединяла Египет, через Красное море и Индийский океан, с портами Западной Индии, в древности морскими воротами Кирпанда. Одно из ее ответвлений заходило в Персидский залив, в то время как другие вели далее на восток -на Малабарское побережье Индии, на Шри-

Ланка, в Индокитае. Третья, не менее грандиозная, чем две первые, трасса Великого Шелкового пути - северная (или степная) вела из Китая, Синьцзяна и, вероятно, Южной Сибири и Монголии в обход Каспия с севера. В северном Приаралье и в Прикаспии с ней соединялись пути, ведущие из Синьцзяна, через Фергану, из Тохаристана и Согда, а далее, в низовьях Волги, степная трасса делилась на два направления: один шел далее на запад в Северное Причерноморье, второй - на юго-запад, на Северный Кавказ и через кавказские перевалы в Западное Причерноморье (и Малую Азию).

Великий Шелковый путь можно считать не только торговой сетью дорог, но и сетью межкультурной коммуникации. Торговые пути способствовали к многовекторному диалогу цивилизаций и приводили к передаче не только материальных ценностей, но также и идей. Торговцы, миссионеры, паломники пользовались словесными и письменными элементами коммуникации, что способствовало распространению языков и письменности. В особенности этот обмен знаниями имел место в селениях и городах по всему пути. Можно считать, что Великий Шелковый путь был дорогой и системой взаимобмена, которая значительно повлияла на развитие цивилизаций, расположенных вдоль трассы.

Особенную заслугу в процессах взаимобмена играли общества торговцев. Их сети, которые базировались на постоянных контактах, отличались от контактов других путешественников. Древние и средневековые торговцы являлись не только перевозчиками материальных ценностей, но и были теми, кто постоянно искал знания в других культурах и были хранителями этих информационных. Перевезенные ими товары служили толчком для развития новых инноваций и способствовали к пониманию других культур. Спрос на определенные ремесленные изделия, привезенные торговцами, являлись стимулом для развития инокультурной среды.

В раннем средневековье торговлю можно было бы назвать "торговлей странников". Торговцы сопровождали товары странников и торговля не была специализирована на особых товарах. Например, уже в раннем средневековье только немногие торговцы отправлялись вместе с товаром. Странники начали продавать ку-

печеские товары из определенных городов методом безналичной торговли, например, при помощи обмена писем. О чем свидетельствуют, приведенные нами выше китайские источники, которые говорят о том, что послы получали продукты и лошади на постоянных дворах при предъявлении записки того или иного правителя, с кем были установлены связи.

С другой стороны валютная политика кирпандских правителей свидетельствует об их прагматичном мышлении. Свою золотую и серебряную валюту они переставили на римскую монетную стопу. Однако их медная валюта была конвертируемой с китайской медной валютой.

Уже в пору становления Великого Шелкового пути по ней везли на продажу не только шелк. В странах, расположенных вдоль трассы, торговали фарфором, мехами, рабами, металлическими изделиями, пряностями, благовониями, лекарствами, слоновой костью, породистыми лошадьми, драгоценными камнями, диковинными животными и пр. По этой гигантской системе дорог вместе с караванами купцов двигались дипломатические посольства, паломники и путешественники. Культурные и дипломатические связи способствовали лучшему обмену знаниями, таких, например, как информации о дорогах, чужих странах и традициях купли-продажи.

Активная международная торговля всегда свидетельствовала о мощи империи, о месте и роли государства в международных отношениях, о высоком развитии культуры. Кроме того, высокая активность в международной торговле являлась отражением социальной, политической и экономической компетентности государства. Кирпандские изделия декоративно-прикладного искусства пользовались спросом, как ценные атрибуты роскоши, не только в прилегающих к Кирпанду государствах, но и в далеких Китае и Риме. Экспорт таких товаров на огромном пространстве стимулировал развитие эквивалента продаваемым предметам и появление платежных средств (валюты/денег).

Важное значение для трансконтинентальной торговли имело существование действующих городских центров, расположенных в такой местности, которая была в состоянии производить в избытке и поставлять сырье. В Кирпанде в пору расцвета Великого

шелкового пути наблюдается расцвет городской культуры и расцвета крупных земледельческих владений. Торговля с дальними странами не могла функционировать без наличия основных предпосылок, выходящих за рамки политических и культурных границ: безопасность транспортных путей, обязательное действие "имперских" законодательств и в определенной степени даже приемлемая форма перераспределения прибыли.

Особо ценились на трассах Великого шелкового пути знание путей, их жизнеобеспечение, обычаев народов, их языков, а также ориентация в политической обстановке в государствах и владениях вдоль пути следования путешественников. Для «проводника» караванов было важно знание безопасности избранных путей перед началом любого путешествия, перед началом пути любой дипломатической миссии. Опустошенный или осажденный город вдоль маршрута, военные конфликты в пути ставили под угрозу успех любого путешествия. Поэтому основной задачей империи вдоль трансконтинентальной трассы было не только получение экономических выгод, но и обеспечение стабильности и создания условий для безопасного путешествия и торговли. Поэтому кирпандские правители строили многочисленные «саховатхона» вдоль трассы. Однако, решающим условием для процветания торговли на трассах Шелкового пути была стабильность политических отношений. В пору расцвета Великого Шелкового пути вполне закономерно создание и укрепление больших империй, которые обеспечивали относительную стабильность торговли в подконтрольных территориях.

Присутствие разноэтничных торговцев, "банкиров"-менял, толмачей-«переводчиков», проводников караванов в любом городе было очевидным показателем стабильности политической ситуации и эффективности городских служб. Города, через которые проходили караваны, контролировали поток товаров в трансконтинентальной торговле в Евразии. Они предлагали услуги во многих областях: умельцев, владеющих навыками заключать контракты и гарантировать поставки; людей, знающих рынки, предлагавшие товары любого типа для купли и продажи; денежные дома, которые, предоставляли кредиты и «чеки», облегчали взаимные платежи, делая их более надежными. В городах можно было при-

обрести верховых, вьючных лошадей и верблюдов, скот и продукты для питания в пути; «саховатхона» предоставляли ночлег, конюшни и даже одежду, а также помещения для складирования товаров. Отсутствие одного из вышеуказанных факторов в городах вдоль трассы или сбои в функционировании их деятельности часто влекли за собой перемены в перемещении товарных потоков и изменения маршрута караванов, что наносило серьезный экономический урон любому городу.

В 1 веках нашей эры под воздействием этнических и культурных факторов в Кирпанде формируется синкретическая культура, вобравшая в себя самые разнообразные элементы своеобразных культур многих народов. (6)

Примером, как мы выше писали, начального этапа синкретического искусства Кирпанда являются известные материалы из памятника П- начала 1 тыс. до н.э. Тилля-тепе (Северный Афганистан) Именно в тиллятепинских находках отразился тот динамичный культурный синтез, который начал происходить в начале функционирования Великого Шелкового пути. Здесь выделяются, как выше мы писали, произведения декоративно-прикладного искусства, хранящие следы предшествующей локальной культуры: одни из них выполнены в стиле, характерном для искусства степей Евразии, с фигурами зверей и богатой инкрустацией бирюзой, сердоликом и другими камнями; другие – несут на себе следы греко-римских, парфянских, индийских, дальневосточных традиций. Вместе с тем, среди тиллятепинских находок имеются произведения искусства, демонстрирующие тот культурный синтез, который происходил на начальном этапе истории Кирпанда: наряду с выполненными в каком-либо одном стиле изделиями, найдены художественные предметы, демонстрирующие уже не сосуществование, а умелое сочетание в творчестве древних мастеров образов и мотивов различных культурных и художественных традиций. Таковы, например, золотые обкладки ножен кинжала: вдоль центральной их полосы изображены идущие друг за другом разъяренные драконы, терзающие предыдущих. Изображения, выполненные в традициях скифского звериного стиля, сочетались с двумя рядами свастик и цветочных мотивов, тянувшихся по краю ножен. В отличие от образов драконов, хорошо известных не только в

степях, но и в древнейшей Бактрии и на Ближнем Востоке, свастика в искусстве Бактрии попала в раннекушанский период, скорее всего из Индии. Не менее синкретичны изображения, украшавшие золотые подвески, найденные возле висков одного из погребенных. На каждой из подвесок изображен персонаж с раскосыми глазами в зубчатой короне и в кочевнической одежде, держащий в руках по дракону. Со степным звериным стилем безусловно связаны также изображения рогатых и крылатых драконов с длинными туловищами и неестественно вывернутыми назад ногами, обильное украшение подвесок бирюзовыми, сердоликовыми и лазуритовыми вставками. В то же время пятнышко на лбу – тика говорит об индийском влиянии. (7)

Для культуры кушанского периода Кирпанда характерно расцвет градостроительства (система застройки, фортификация), архитектуры, изобразительных искусств в их крупных и малых формах (скульптура, живопись, торевтика, короластика), профессионального ремесла, развития письменности, науки, права. В Междуречьи Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи развиваются большие и малые города с развитыми товарно-денежными отношениями и динамичным ростом культуры. Для кушанской городской культуры, время формирования и расцвета которой относится к 1-1У вв. н.э., характерна высокая степень развития всех основных подсистем от жизнеобеспечивающей до соционормативной. (8) Крупные благоустроенные дома, использование горожанами высококачественной художественной керамики, сотни находок нумизматики характеризуют не только высокий уровень благосостояния населения городов Кирпанда, но и являются отражением культурного взаимодействия на трансконтинентальной трассе. Иноземные находки, отражение в монументальном искусстве традиций искусства Индии, Китая, Ирана, Византии, сако-скифского мира являются свидетельством активного культурного взаимообмена на Шелковом пути.

В виду особого спроса на шелк в обществах на трассах Шелкового пути, уже в V в. в Центральной Азии возникают свои школы художественного шелкоткачества в Тохаристане, Согде, Фергане, в Турфане и т. д. Центральноазиатские школы художественного шелкоткачества имея много общего в текстильных традици-

ях, в то же время отличались от собственно китайских (отличия выражались в специфических технических приемах, в художественном решении и т.д.). С конца VI- начала VII века кирпандские орнаменты, проникшие в Китай из областей, находившихся под иранским культурным влиянием, слились с традиционными представлениями китайцев. Некоторые орнаментальные мотивы кирпандских шелков «занданечи» становятся государственными обозначениями чиновничьих рангов в Китае. Кроме того, китайские ткачи начинают вырабатывать художественные шелка с мотивами «перлов» в традициях кирпандских «занданечи» для продажи населению, живущих вдоль трассы. Во многих случаях происходит слияние образов, существовавших независимо друг от друга, как в Китае, так и Кирпанде. Византийские, сасанидские, наряду с тохаристанскими, согдийскими, традиции искусства распространяются в Восточной Азии через Кирпанд.

Шелковый путь сыграл еще одну важную роль в развитии текстильного искусства - в распространении хлопка и хлопчатобумажности. Хотя хлопок был известен в Средней Азии еще во II тыс. до н. э., но его широкое распространение происходит в период, когда индийские территории входят в состав государства Кирпанд и стабильно функционирует Шелковый путь. С начала нашей эры хлопчатобумажные ткани используются повсеместно не только у населения Тохаристана, но и распространяются на всей территории Кирпанда.

Важным фактором переноса достижений одной локальной цивилизации в другую было образование крупнейших империй древности, в рамках которых шел активный культурный синтез, в том числе и в искусстве костюма. Диалог цивилизаций на трассах Великого Шелкового пути непосредственно отразился в костюме кирпандцев. Культурное взаимодействие оказало воздействие на формирование составных частей костюма: на используемые ткани, украшения, форму одежды, косметику и т.д.

Как правило, пришлые компоненты костюма в результате этнических или культурных контактов в ходе интеграционных и ассимиляционных процессов становятся традиционными элементами локального костюма. Причём идёт не прямое усвоение культурных веяний извне, а их селективный отбор, связанный эстети-

ческими вкусами, климатическими условиями и природными ресурсами.

Подлинный переворот в среднеазиатском костюме произошел в кушанский период, когда в массовом количестве хлопковый текстиль стал использоваться в моделировании одежды, более того, здесь стали сами вырабатывать этот вид текстиля. К началу нашей эры относятся хлопчатобумажные ткани тончайшей выработки, обнаруженные известным археологом Л.И.Альбаум при раскопках Чингизтепа (Старый Термез). В Южном Таджикистане, в Пархарском районе, в могильнике Иттифок, были найдены фрагменты красной хлопчатобумажной одежды, декорированной вышивкой с мотивами "древа жизни", датируемые III в. Хлопчатобумажные ткани из буддийского комплекса Кара-тепа в Старом Термезе. датируются III-V вв. Этим же временем датируются самые массовые находки хлопчатобумажных тканей и одежд в Кургане (Старый Термез). В заброшенном замке, под условным названием Курган, в одном из помещений были похоронены 16 человек в белых одеждах. Среди похороненных были и дети в повседневной одежде. Некоторые одежды были декорированы художественными шелками и камкой. (9)

В этот период китайские источники уже утверждают, что согдийцы наряду с шелками и камкой используют белые хлопковые полотна. Хлопчатобумажные ткани в Центральной Азии широко распространяются одновременно с шелковыми. В раннесредневековый период в странах, лежащих на трассах Шелкового пути, особенно популярными становятся кирпандские шелка занданечи, которые начинают вырабатывать и из хлопка. Эти высокохудожественные драгоценные ткани не уступали по цене шелкам. На трассах Шелкового пути распространяются сходные ткани, приёмы шитья, происходит изменение форм одежды. А господствующая религия привносит свои веяния, отражающиеся, прежде всего в декоре и пропорциях одежды. Вхождение в состав империи Кирпанд огромных территорий, распространение мировых религий по трассам Шелкового пути, способствовали формированию понятий "мода" в костюме. Культурные инновации, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами (10). Этот процесс взаимодействия традиций и инно-

ваний на всех этапах истории Кирпанда отражали сложный процесс культурогенеза и диалога культур, которые протекли в древности и в раннем средневековье.

В декоративно-прикладном искусстве ощутимо влияние Индии, особенно это ощутимо в ювелирном творчестве. Весь доисламский период важным предметом торговли были индийские ювелирные украшения. Культурные влияния отразились и в среднеазиатском ювелирном искусстве. Это было прямое заимствование индийских украшений или же их местное подражание. Например, в известном Дальверзинском кладе имеются браслеты двух видов - с утолщением на концах и со спиралевидной обмоткой, аналоги которым найдены в Таксиле (11) В этом же кладе имеются серьги индийского стиля. Исследовательница дальверзинских находок - Г.А.Пуганченкова отнесла к индийским изделиям и богатое ожерелье, которое, вероятно, было признаком высшей касты индийской аристократии (12) В живописи Пенджикента и Варахши ярко отражены индийские ювелирные традиции.

Межцивилизационный диалог шёл по Великому Шёлковому пути, где активными трансляторами культурных достижений становились караваны купцов, которые являлись не только поставщиками экзотических товаров, но и являлись проводниками духовных ценностей: они везли искусных ремесленников, виртуозных танцовщиц, певцов, художников, произведения искусства зачастую их сопровождали миссионеры, ученые, дипломаты.

Как выше мы отмечали, в искусстве кушанского периода четко прослеживаются два основных художественных течения, которые можно обозначить как династийное и буддийское. Династийный культ кирпандцев в кушанский период возникла на базе верований их скотоводческих предков и древних локальных земледельческих обычаев обожествления царей. Буддийское течение в искусстве появилось в результате широкого распространения в Кирпанде буддийской идеологии, укреплявших кирпандскими императорами и распространенных буддийскими монахами и миссионерами из древнеиндийских областей, в первую очередь из Гандхары, а позднее и из Центральной Индии. (13)

Кирпандский шах Канишка сыграл важную роль в интеграции культурных ценностей на пространстве империи, а также в

развитии династийного и культового искусства. Ему, в частности, приписывается инициатива созыва, как выше мы писали, буддийского собора, сыгравшего крупную роль в оформлении догматики северного буддизма- течения махаяны, распространившегося позднее в Китае, Тибете, Монголии и Японии. С распространением нового учения, т.е. двух основных школ буддизма, махаяны ("большая колесница") и хинаяны ("малая колесница"), как свидетельствуют китайские источники и археологические данные, формируются буддийские храмовые и монастырские комплексы – Кара-тепе, Фаяз-тепе, а позже- Калаи-Шодмон, Калаи-Кафирниган, Аджина-тепе. Для обслуживания путешественников вдоль трасс возникают буддийские храмы. Храмы и монастыри украшались монументальной сюжетной живописью и культовой скульптурой. На многих настенных росписях отражены сами кирпандцы в качестве донаторов. Наряду со святыми писаниями монахи приносили с собой также культовые предметы и произведения искусства, вызывавшие удивление и восхищение у людей на Среднем и Дальнем Востоке. Архитектура и искусство, как и в других религиях, были особенно подходящим средством для наглядного изображения и толкования религиозных сюжетов. Вдоль Шелкового пути возникают новые художественные стили и традиции искусства. (14)

Как выше мы писали, распространение буддизма на территории Кирпанда в кушанском периоде сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Из Индостана пришли обычаи возводить ступы, использовать для культовых целей пещерные помещения, создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в облике человека. Из Индии распространились отдельные растительные и архитектурные орнаментальные мотивы. Именно с укреплением позиций буддизма связано знакомство с индийскими письменностями (кхарошти и брахми) и языками. (15)

Типология буддийских сооружений в Кирпанде следует индостанским канонам, однако в них налицо и локальные отличия, связанные с местной архитектурной традицией. В декоративном оформлении буддийских построек Кирпанда заметное место занимала скульптура, соподчиненная выработанным в Индии буддийским образам и сюжетам. Изобразительное искусство Кирпанда,

содержит традиционные образы Будды и боддисатв, сцены их почитания, но если образы эти каноничны, то облик донаторов вполне локален, в них подчеркнуты местные черты внешности и регалии. В области малых искусств канонические образы Будды и боддисатв получают распространение в коропластике. (16)

Храмы, по планировке сходные с кирпандскими (Кара-тепе, юг Узбекистана), и изображения Будды с нимбом и ореолом вокруг тела, а также в обрамлении языков пламени, не характерные для Индостана кушанской эпохи, были широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна и Дальнего Востока, что отражает, видимо, изменения, внесенные в буддийскую архитектуру и искусство именно в Кирпанде. Кирпандские монахи на Востоке основывали новые монастыри и лично переписывали «священные тексты», переводили их на местные языки, комментировали их. (17)

На территории кушанского Кирпанда повсеместно распространяется светское династийное искусство. Обоожествление царей, практика возведения и поклонения их изображениям в храмах, благоговение людей передними привели к формированию и росту имперского культа. (18)

Наиболее ранним монументальным памятником династийного культа кушанского Кирпанда является дворец в Халчаяне, как выше мы писали. В интерпретации известного исследователя Г.А. Пугаченковой основной скульптурный цикл был посвящен прославлению «гераева» (кушанского) рода в сценах с участием музыкантов, комедиантов, проходящих под покровительством богов. (19)

Самым известным памятником династийного культа кушан и династийного течения в искусстве Кирпанда является знаменитый культовый центр на холме Сурх-Котал в Баглане, на севере Афганистана. Важнейшая роль Сурх-Котала заключается в том, что здесь найдена первая большая надпись на «бактрийском языке» «кушанским письмом» на каменных плитах, повествующая о реконструкции «храма Канишки Победителя. Трактовка храма Канишки Победителя как сооружения, связанного с династийным культом кушан, помимо обозначения его святилищем, опирается на аналогичное назначение раскопанного в начале XX в. и при-

знанного династийным «домом богов» (так названа постройка в обнаруженной здесь индийской надписи) в селе Мат в Матхуре, в долине Ганга. Здесь изображения кушанских царей и большинства других персонажей выполнены в стиле, чуждом искусству Индии, но находящем аналогии в художественной культуре центрального Кирпанда. Скульптуры из Халчаяна, Сурх-Котала, из села Мат выполнены в стиле «династийного течения» искусства Кирпанда, для которой характерно стремление передать мощь и несокрушимость обожествленных правителей. (20)

Важную роль сыграл Шелковый путь и в распространении письменности в Центральной Азии. Именно в памятниках письменности Кирпанда наиболее ярко отражен синтез культур древности. О широких контактах населения Кирпанда свидетельствуют находки здесь многочисленных письменных памятников на разных языках. В Кирпанде употреблялось по меньшей мере шесть видов письменности: бактрийская, возникшая на основе арамейской; бактрийская, развившаяся из греческой; индийские письменности – брахми и кхарошти, «неизвестная» письменность, открытая недавно, а также были распространены согдийские и парфянские письмена.

Бактрийское письмо вошло в обиход уже в 1 в. н.э. В эпоху Канишки бактрийская (арийская) письменность и язык стали государственными и распространяются не только в пределах империи, но, видимо, становятся одним из языков дипломатии. Арийский язык был языком коммуникации на огромном пространстве империи, наряду с тремя (кхарошти, арийским, тохарским) официальными и с местными языками. Бактрийская (арийская) письменность бытовала в Бактрии - Тохаристане от 1 вв. до начала УШ века, то есть до конца существования государства Кирпанд. Если кхарошти было языком буддийского духовенства, то арийский и тохарский языки и письменность были не только официальной, но и употреблявшейся в народной среде, если судить по надписям на керамике из сельских поселений.(21)

Памятники письменности Кирпанда на трех официальных языках(бактрийском-арийском, брахми, тохарском) империи свидетельствуют о высокой политической культуре правителей, которые учитывали интересы всех этнических слоев общества и о ши-

роком распространении письменности во всех уголках страны. Около сотни рукописей, написанных «бактрийским письмом» хранится в частной коллекции Д. Халили в Лондоне, среди которых Н. Симс-Вильямс помимо писем определил более 20 юридических документов – «контракты, соглашения о продаже и аренде, гарантии, расписки, акты дарения или освобождения». О распространении письменности на всем пространстве Кирпанда свидетельствуют согдийские письма далеко за пределами империи, где располагались согдийские торговые колонии. Согдийцы выполняли важную посредническую роль в торговле вдоль трассы Шелкового пути. Почти в каждом важном городе Китая, вероятно, не позже, чем со 2 в. н.э., жили согдийские купцы, о чем свидетельствует находка в 1907 г. Аурел Стейном документов. В одном из башен Великой китайской стены он обнаружил связки писем, живших в Китае согдийских купцов, адресованных деловым партнерам в Самарканде. Письма, видимо, написаны в 196 г. н.э. (некоторые документы датируются после 311 г. н.э.). В письмах согдийцы описывают жизнь в Китае, информируют о приобретенных товарах и дают распоряжения о том, что должно быть сделано на родине. (22)

Само становление письменности Кирпанда является ярким свидетельством того культурного синтеза, который происходил в могущественной империи Центральной Азии. Французский исследователь Ж.Фюссман отмечает, что кушанские правители в Индии, сохраняя индийскую администрацию, широко практиковали двуязычие, покровительствовали всем индийским культовым системам, что было одним из главных достижений кушанской политики и причиной относительной стабильности и долговечности империи». (23)

В изображениях на монетах, как и в надписях, отразился процесс творческого освоения и использования правителями Кирпанда для своих целей различных, в том числе не в последнюю очередь – античных художественных традиций. (24)

Распространению среди населения буддизма традиций буддийской культуры способствовала социальная ситуация, создававшаяся широкой урбанизацией Кирпанда. Судя по всему, буддизм сыграл роль идеологии, позитивно воспринимаемой разными

группами населения Кирпанда. (25) Разнообразие религиозно-философских систем и течений в Кирпанде, сосуществовавших в рамках единой политической системы являлось свидетельством высокой политической культуры кирпандских императоров. Культурная толерантность в широком смысле этого слова явилась важным условием расцвета культуры Кирпанда, позволяла сохранять своеобразие местных традиций и достижений локальной культур наряду с созданием общих для всего огромного региона культурных ценностей.

В начале нашей эры возникает письменность и в Согде и, как бактрийская, на арамейской основе. Согдийская письменность в древности и, особенно в раннем средневековье бытовала на огромных просторах Евразии - от Старого Мерва до Алтая, Монголии, Китая и Тибета, а согдийский язык являлся одним из основных средств общения. Согдийские «переводчики» играли важную роль в посреднической торговле, особенно в торговле между различными народами даже на дальних расстояниях.

Следует подчеркнуть цивилизаторскую роль согдийцев на трассах Шелкового пути. Если согдийцы на трассах Шелкового пути способствовали распространению экономических и культурных достижений, то роль бактрийцев-тохаристанцев-кирпандцев особенно важна в распространении античного наследия на восток, в распространении буддийской культуры, традиций длительного сосуществования различных религиозных систем и течений. Созревшая на местных среднеазиатских традициях буддийское искусство и архитектура дали новый импульс развития буддийской культуры далеко на востоке - в Китае, Японии, Корее. Распространение буддизма по трассам Шелкового пути не означало уничтожения или поглощения местных верований, местных традиций. Это был сложный процесс взаимовлияния и творческого восприятия нового, трансформации привнесенных традиций под влиянием местных. (26)

Именно в период могущества Кирпанда, в пору становления и расцвета Шелкового пути, стало ощутимо значимость культурных связей, тесного общения, стали вырабатываться общие культурные ценности, появились общие традиции в культуре народов евразийского пространства.

Заключение

В начале XXI века в Центральной Азии происходят значительные перемены: в новых государствах идет процесс национального и государственного строительства, новые государства определяют свои национальные интересы, внешнеполитические приоритеты, имеются определенные тенденции к региональной интеграции. В новых государствах идет поиск национальной идеи, источником которого являются общечеловеческие ценности, выработанные народами, населявшими регион, а также наследие древнейших цивилизаций Центральной Азии. В этом плане важна роль наследия обширной могущественной империи Кирпанд, которая просуществовала свыше 600 лет. Как урок истории важен опыт Кирпанда по интеграции народов с различными традициями, верованиями и стран с разной политической культурой в рамках империи на огромном пространстве Центральной Азии еще XX веков назад.

Созданное коренными оседлыми бактрийцами, саками и кочевыми юэчжами империя охватывала значительные территории Центральной Азии. Территория Кирпанда охватывала земли нынешних Таджикистана, часть Узбекистана, часть СУАР КНР, северного Афганистана, Пакистана и Северной Индии. Именно кочевой, сакский пласт с его прочной военной структурой, а также достижения цивилизаций оседлого населения явились важным стимулом к объединению обширных областей и владений в единое централизованное государство. Созданная на фундаменте древнейших традиций народов Центральной Азии и обогащенная достижениями эллинистической цивилизации, кирпандская политическая, духовная и материальная культура стала основой, на которой развилась позднейшая культура многих народов Востока. Созданная в I веке до н.э., на местных цивилизационных основах империя Кирпанд является важным этапом в истории таджикского народа, который создал прочные основы для консолидации этноса и расцвета культуры в последующие эпохи.

Империя Кирпанд в начале нашей эры объединила под своей властью наиболее развитые в экономическом и культурном отношении страны Центральной Евразии. Важен при государственном

строительстве нового Таджикистана интеграционный опыт Кирпанда различных по происхождению и верованиям народов в рамках единого централизованного государства. Именно императоры Кирпанда впервые в истории центральноазиатского региона успешно реализовали геополитический интеграционный проект. Культурный синтез, отмеченный в Кирпанде, свидетельствует об осознании предками таджикского народа значимости культурных связей, тесного общения, что способствовало выработке общих культурных ценностей в империи и мирному сосуществованию народов в рамках империи.

Наивысшим достижением синтеза достижений народов, населявших империю, можно считать формирование кирпандской цивилизации. Расцвет кирпандской цивилизации было достигнуто не в результате самоизоляции или целенаправленного следования какой-либо одной традиции, а напротив эта одна из величайших цивилизаций древности сложилась под воздействием интенсивных международных связей, активного творческого усвоения и переработки культурных достижений народов Евразии. Империя Кирпанд, первоначальным ядром которой является «Крыша мира» и прилегающие территории, смогла своей мощью стоять в одном ряду с Римом, Срединной империей, Парфией, а позднее и с сасанидским Ираном и играла одну из ключевых ролей в политической жизни евразийского пространства.

Впервые в 112 году до н.э. Дася (Бактрия) наладила дипломатические отношения с ханьским Китаем. Кирпанд с этого момента и уже в рамках централизованного государства поддерживает на подвластных территориях бесперебойное функционирование трансконтинентального Великого Шелкового пути, который обеспечивал прочные дипломатические, культурные и торговые связи на евразийском пространстве.

Особое место в истории политической культуры таджикского народа принадлежит императору-реформатору Канишке, который впервые в истории Центральной Азии провел кардинальные политические реформы: ввел первый в истории региона демократический совещательный орган – Большой Совет с участием светских правителей владений, высших сановников и влиятельных буддистов; ввел новое летоисчисление; провел языковую реформу (бак-

трийский-арийский сделал государственным языком); укрепил династийный культ; заменил в официальной сфере греческое письмо бактрийским-арийским; провел религиозную реформу.

Свидетельством политической толерантности Канишки является длительное сосуществование этнокультурных традиций и разных религиозных систем и течений в империи. Многообразие религиозно-философских течений в единой политической системе Кирпанда было одним из уникальных явлений в истории мировых цивилизаций. **Сложившийся в Кирпанде триединый союз духа: сила императорского духа, сила религиозного духа, сила воинского духа – спаивал империю и укреплял мощь государства.**

Данная монография – первая попытка дать общую концепцию генезиса и развития первой в Центральной Азии империи – Кирпанд. Автор намеренно не акцентировал внимание на дискуссионных проблемах истории Кирпанда, считая важным на первоначальном этапе исследования империи дать общую канву генезиса и развития кирпандского государства. Многие проблемы истории Кирпанда в монографии лишь обозначены. Это связано скудостью источников для исследования политической, социально-экономической истории. Многие археологические открытия последних десятилетий XX века и начала XXI века еще не получили исторической интерпретации или не введены широко в науку. Наука не располагает обстоятельными центральноазиатскими хрониками или историческими сочинениями, наконец, отсутствуют местные источники о Кирпанде, а более или менее подробные сведения об этом государстве имеются только в китайских хрониках. Открытия Сурхкотальской и Рабатакской надписей «кушанским письмом» и других памятников «арийского языка» хотя и дали важный материал для реконструкции истории Кирпанда, но они недостаточны для глубокого исторического анализа Кирпандской империи. Несмотря на все достижения мирового научного сообщества в изучении истории государств Центральной Азии I–УП веков, связная политическая история пока не написана. Слабая изученность истории Кирпанда объясняется отсутствием собственно кушанских, эфталитских а также индийских и парфянских исторических сочинений исследуемого периода и необычайной фрагментарностью и скудостью сведений о нём иноземных сочи-

нений — античных, древнекитайских, армянских и пр. Данные нумизматики, археологии, лингвистики, исследования исторической географии, письменного наследия уже дают общую картину предыстории, истории создания и последующего развития Кирпанда.

Изучение загадочной империи, в которой сменились кушанская, кидаритская и эфталитская династии, может стать одним из приоритетных направлений таджикской исторической науки в последующий период. И сегодня, в свете новых исследований XXI века, в области истории, нумизматики, лингвистики и археологии возникает проблема суммирования данных, их исторической интерпретации в контексте реконструкции истории Кирпандской империи. Возникает необходимость создания фундаментальной социально-политической истории Кирпандской империи, а также комплексного исследования кирпандской цивилизации усилиями историков, политологов, культурологов, религиоведов, археологов, лингвистов. Эти комплексные исследования (археологические, исторические) не могут быть решены без учёта данных китайской археологии и исследований учёных сопредельных государств, некогда входивших в состав государства Кирпанд, для которых история этой империи тоже является отечественной.

Примечания:

Предисловие.

1. Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи) / на уйгурском языке/. Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1985.

2. Сюанцзан «Дневник о Западном крае Великой Танской эпохи».-Пекин, 1985 (на кит.яз.).

3. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1992. (на уйгурском языке); Абдукаюм Ходжа. Западный край: древняя культура (на уйгурском языке). Урумчи:Синьцзянское народное издательство. Урумчи, 1995; Таджики: народные обычаи и культура. Серия «Библиотечка. Народные обычаи и национальная культура Китайского Синьцзяна»(перевод с китайского языка-Л.В. Адамчук). (Работа находится в печати. Автор благодарит Л.В. Адамчук за предоставленную возможность ознакомиться с материалами).

4.Майтдинова Г.М. Государство Кирпанд: миф или реальность // Мероси ниёгон, 1999, № 4, с.84-87; Майтдинова Г.М. Кирпанд - империя предков таджиков.500 лет великого восхождения к саманидам // Бизнес и политика,2002, 27 сентября 2002 г.; Майтдинова Г.М.Государство Кирпанд – империя в Срединной Азии // Мероси ниёгон, 2003, №6 с.79-88; Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций Центральной Азии // Материалы Международной научной конференции «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия».Душанбе, 30 марта 2006 г. – Душанбе, 2007, с.176-186; G.Maitdinova. On Kirpand Kingdom in Pamir // журн. «Ay Khanum 2004.-Токуо, 2004, р.133-141 (на японском языке); Майтдинова Гузель «Роль Кирпанда в синтезе культур Центральной Азии» // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе,2010, с.39-58; и др.

5.Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры.-М.,1977, с.41.

ГЛАВА I. Центральная Азия в 1- II веках нашей эры и начальный этап истории Кирпанда

I.1 Исторические сведения о Кирпанде и актуальные проблемы древней центральноазиатской истории.

1. Бичурин Н.Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы, 1997, с. 88
2. Курбан Ширин. Указ. раб., с.40.
3. Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription// Silk Road Art and Archaeology.-Vol.4-Kamakura, 1995/96y. P.75-142. Таджики: народные обычаи и культура. Серия «Библиотечка. Народные обычаи и национальная культура Китайского Синьцзяна».(Перевод Л.В. Адамчук).
4. Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (У в. до н.э. – нач. XX в.н.э.)-Душанбе,2006, с.58.
5. Курбан Ширин. Указ. раб., с. 40.
6. Курбан Ширин. Указ. раб., с. 40
7. Ставиский Б.Я. Кушанская империя и Хорезм (старая проблема в свете новых данных)//Приаралье в древности и средневековье.-М., 1998,95.
8. Ртвеладзе Э.В. Монеты Тюркеша - правителя Чача.// нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 2001, с. 45.
9. Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период// История таджикского народа. Душанбе, 1998, с. 430, 432
10. Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв.// Кара-тепе, вып. 3. М., 1972, с. 137.
11. Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА, -1954, т. 20, с. 62.
12. Гумилёв Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ, 1959, № 1, с. 136.
13. Enoki K/ On the Nationality of the Ephtalites// The Toho Bunko (The oriental Library).- № 18, Tokyo, 1959, p.23, 2
14. Buncer E.C. Significant Changes in Iconographi and Technology among Ancient Chines Northwestern Pastoral Neighborg from the Fourth to the first Century b.c. ||Bulletin of the Asia Institute.6. 1992, p. 111, 115, note 56.
15. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2.М.-Л.,1950, с.228.

16.Массон М.Е.К вопросу о северных границах государства «великих кушан»././Центральная Азия в кушанскую эпохуТом.П. М., 1975, с.46-47.

17.Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры.-М.,1977,с.32-35.

18.Там же, с.40-41.

1.2. Истоки становления государства Кирпанд.

1.Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры.-М.,1977, с.96.

2.Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных././Центральная Азия в кушанскую эпоху.Том.1,М., 1974,с. 196; Он же. Некоторые вопросы ранней истории кушан в свете археологических данных// Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии. Л.,1968, с.68.

3.Мандельштам А.М.К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения Северной Бактрии././СРОМ.Вып. 4,1966, с.25; Он же. Античные государства и кочевые племена в Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с.125-126.

4.Сыма Цянь. Ши цзи (исторические записки). (На кит.яз.). Пекин, 1975,гл.23, с.3161

5.Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э.-III в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989,с. 23; Она же. Царства «Западного края». Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.,2001, с.104, 114.

6.Бань Гу. Хань шу. (История Хань).(На кит.яз.) Пекин, 1964, гл.96/1, с.3890-3891.

7.Боровкова Л.А. Царства «Западного края», с.167.

8.Мандельштам А.М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии // Ариана и Арийанведжа. Худжанд,2006, с.262.

9.Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.-Л., 1950, с.227-228.

10. Cunninyam A. Coins of the Indo-Scythians. Coins of the sacas// NC. Ser. 3. T.10, 1890, с.41; Pelliot P. Les pays d'Occident d'apres le Heou yan chou. //T'P. Ser.2. T.8, 1907, с. 191.

11. Cunninyam A. Coins of the Indo-Scythians, с.41; Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenasi. В., 1901, с.209.

12. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры, 17-19.

13. Краткая история таджиков. С. 13-14; Таджики: народные обычаи и культура. Серия «Библиотечка. Народные обычаи и национальная культура Китайского Синьцзяна». (Перевод с китайского языка Л.В. Адамчук).

14. Бичурин н.Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы, 1997, с. 88; Таджики: народные обычаи и культура. Серия «Библиотечка. Народные обычаи и национальная культура Китайского Синьцзяна». (Перевод с китайского языка Л.В. Адамчук).

15. Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи)/ на уйгурском языке/. Урумчи Синьцзянское народное издательство, 1985, с. 9-16. 16. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти)/ на уйгурском языке/. Урумчи Сигьцзянское народное издательство, 1992.

17. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей.// Труды АН ТаджССР. Т.53. Сталинабад, 1957, с.61-62, 97-98.

18. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, с.98; Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenasi, с.225.

19. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры, с.111-112.

20. Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи), с.55.

21. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти), с.37; Бернштам А.Н. Историко- археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая// МИА, №26, с.283; Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999, с.146-149.

22. Ртвеладзе Э.В. Монеты Тюркеша - правителя Чача.// нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 2001, с. 45.

23. Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА, -1954, т. 20, с. 62.

24. Гумилёв Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ, 1959, № 1, с. 136.

25. Enoki K/ On the Nationality of the Ephtalites// The Toho Bunko (The oriental Library).- № 18, Tokyo, 1959, p.23, 27.

26. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры, с.119-121.

27.Боровкова Л.А. Царства «Западного края». Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу», с.176.

ГЛАВА II. Политическая история Кирпанда

II.1.Укрепление могущества и международного влияния Кушанской династии

1.Ставиский Б.Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период).- Индия в древности. М., 1964, с. 177-180.

2.Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам).-М.,2005, с.7-9.

3.Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.-Л., 1950, с.227-228.

4.Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных //Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1. М., 1974, с.195; Зезенкова В.Я. Некоторые краеологические материалы кушанского времени в Средней Азии//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1. М., 1974, с.231-234; Гинзбург В.В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1. М., 1974, с. 224; Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам).-М.,2005, с.273-274; Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II-I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001, с.162.

5.Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с.19.

6. Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (У в. до н.э. – нач. XX в. н.э.). Душанбе, 2006, с.49.

7.Ртвеладзе Э.В.К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандхаре //Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.146-148.

8. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти) / на уйгурском языке/. Урумчи Сигъцзянское народное издательство, 1992; Таджики: народные обычаи и культура. (Перевод с китайского языка Л.В. Адамчук).

9. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам), с.274-277.

10.Симс-Вильямс Н.Новые бактрийские документы.-ВДИ, 1997, № 3 (222), с.3-9.

11. История таджикского народа. Том 1. Душанбе, 1998, с.698.

12.Симс Вильямс Н. Указ. раб., с.5.

13. Ртвеладзе Э.В.К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандхаре //Индия и Центральная Азия (доисламский период), с.147-148.

14.Майтдинова Г.М. Государство Кирпанд: миф или реальность? //Мероси ниегон. 1999, № 4, с.85.

15. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам), с.274-275

16.Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти), с.40.

17.Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи) / на уйгурском языке/. Урумчи, 1985, с. 9-16.

18.Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты)// Восточный Туркестан и Средняя Азия. История.Культура.Связи. М., 1984, с.72.

19.Brough I. Comments on third century Shan-Shan and the history of Buddhism/-BSO (A)S. Vol.28.1965, p.597; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988, с.260-261.

20.Массон М.Е. К вопросу о северных границах государства «кушан» //Центральная Азия в кушанскую эпоху.Том. II. М.,1975, с.47.

21.Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан.. Ташкент, 1990, с.56-57.

22. Ртвеладзе Э.В.К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандхаре //Индия и Центральная Азия (доисламский период), с. 147-148.

23.Мукерджи Б.Н. Имперские культы в кушанской империи.//Индия и Центральная Азия (доисламский период).Ташкент, 2000, с.175.

24.Ставиский Б.Я. О северных рубежах кушанской Бактрии// История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.,1976, с.44.

25. Banerji A. Tastern Expansion of the Kushana Empire // *ИИО* /-1951.- Vol.27.-№4.-P.294-303.

26. Konow S. Kharoshtyi Inscriptions with exception of those of Asoka.-С11.Vol. 2. Pt. 1, 1929, p. LXXY; Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы, с.4.

27. История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе, 1998, с.419.

28. Foucher F. *L'art Greco-bouddhique du Gandhara*. Т.2. 2.P., 1922, p.531; Ingholt H. *Gandharan Art in Pakistan*. N.Y., 1957, № 494; Таджики: народные обычаи и культура...; Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // *Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции*. 1969-1973 гг. М., 1976, с.97-110.

29. Массон В.М. Средняя Азия и Индия: 5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия // *Индия и Центральная Азия (доисламский период)*. Ташкент, 2000, с.115.

30. Levi S. *Notes sur les Indo-Scythes* // *JA* /-1896.-P.10-№1.

31. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам), с.275-277.

32. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы, с.4

33. Мукерджи Б.Н. Имперские культы в кушанской империи, 176-177.

34. История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история, с.556.

35. Тихонов Д.И. Культурные связи народов Центральной Азии с кушанами // *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Том. II. М., 1975, с.159.

36. Краткая история таджиков (*Тажикларнин кискичи тарихи*), с. 9-16.

37. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам), с.276-277.

38. Дьяконов М.М., Мандельштам А.М. Средняя Азия в III-IV вв. // *Очерки истории СССР (III-IX вв)*. М., 1968, с.334.

39. Курбан Ширин. *Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти)*, с.40.

40. Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. - // *ВДИ*. 1969, №2, с.22-23.

41. Noldeke T. *Geschichte der Perser und araber zur Zeit des Sassanides aus dem arabische Chronik des Tabari*. Leiden, 1879, s. 17-18.

42. Дьяконов М.М., Мандельштам А.М. Указ. раб., с.333-334.

43. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия, с.131-132.

44. Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период// История таджикского народа. Душанбе, 1998, с. 430, 432

45. Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв.// Кара-тепе, вып. 3. М., 1972, с. 137.

II.2. Политическая карта Центральной Азии в IУ веке и роль Кидаритской и Эфталитской династии в регионе

1. Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период// История таджикского народа. Душанбе, 1998, с. 430, 432; Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв.// Кара-тепе, вып. 3. М., 1972, с. 137.

2. Marquart J. Eransahr. Berlin, 1901, p. 55, 211; Martin M. Coins of Kidara and the little Kushans, JASB, ч. III, 1939, p. 23.

3. Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley-Los-Angeles, 1967, p.287;

4. Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites. Cair, 1948, стр. 74.

5. Приск Панийский Сказания. (пер. Г.С. Дестуниса), «Уч. зап. 2-го отделения Академии наук», кн. VII, вып. I, 1861, с. 84-91; Мандельштам. А.М. К вопросу о кидаритах, с. 66-67; Фавст Бузанд. История Армении, V, 7 и 37.

6. Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites. Cair, 1948, стр. 74.

7. Мандельштам. А.М. К вопросу о кидаритах. // КСИЭ. Вып. XXX. 1958. С. 66-72.

8. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в.//ВДИ. 1959, No 1, стр. 129-140.

9. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. II, с. 268.

10. Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, с. 108; Ghirshman R. Les Chionites - Nephtalites. Le Caire, 1948, с. 99

11. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в.//ВДИ. 1959, No 1, стр. 129-140.

12. Enoki K. On yht nationality of the Ephtalites //the Toho Bunko (The oriental Librari).-№18, Токуо, 1959, p. 23,27.

13. Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель.//Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии.СПб.,2005, с.40

14. Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites, p.115.

15. . Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в.// "Вестник древней истории". 1959, No 1, стр. 129-140.

16. Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986, с. 93-94; Мандельштам А.М., Майтдинова Г.М., Рахимов Н.Т. «Государство эфталитов. Политическая карта Средней Азии второй половины У-УП вв.» // История таджикского народа. Том. II. Душанбе, 1999, с. 36-37; Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии // www.pandia.ru/465729/
17. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. раб., т. II, стр. 268
18. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. (Пер. С. Дестуниса). СПб., 1876, стр. 22.
19. Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986, с. 93-94; Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии // www.pandia.ru/465729/.
20. Ujfalvy Ch. Memoire les Huns blancs. L'Anthropologie. Т. 1X, № 3-46 1848.
21. Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности. М., 1968, с. 189.
22. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент. 1980, с. 138, 146.
23. Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков, с. 92-93.
24. Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972, с. 207-208.
25. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. раб., т. II, с. 268.
26. Дестунис С. Византийские историки. СПб, 1861, с. 493.
27. Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites, p. 115.
28. Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам I У-УП вв. // СА, XXI, 1954, с. 136-137.
29. Исоматов М. Эфталиты в Индии и Восточном Туркестане // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2010, с. 13-15; Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005, с. 40.
30. Гумилев Л.Н. Эфталиты - горцы или степняки // "Вестник древней истории", 1967, No 3, стр. 91 - 98.
31. Noldeke T. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden., стр. 156; Ghirshman R. Les Chionites - Nephtalites, стр. 94; Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков, с. 90.
32. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990, с. 130.

33. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. (Пер. С. Дестуниса). СПб., 1876, стр. 22.

34. Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи), с. 9-16.

35. Бичурин Н.Я. Указ. раб., с. 312, 319, 271.

36. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Указ. раб., с. 133-134.

37. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 52-56.

38. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Указ. раб., с. 134.

39. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. раб., т. II, с. 269.

40. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами., т. I, стр. 24.

41. Исоматов М. Сасаниды, эфталиты и тюрки в свете данных арабо-персоязычных источников IX-XI вв. (опыт анализа источников) // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2009, с. 10-14.

42. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе, 1989, с. 275.

43. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. раб., т. II, с. 269.

44. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти) /на уйгурском языке/. Урумчи, 1992, с. 40.

ГЛАВА III. Дипломатические традиции в Центральной Азии и дипломатия Кирпанда

1. История дипломатии. Том 1. М., 1941, с. 15.

2. Диодор, П, 34, 1-4.

3. Негматов Н.Н. Концепция истории дипломатии таджикского народа. Худжанд, 2004, с. 6-12.

4. Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2008, с. 122-134.

5. Боровкова Л.А. Царства «Западного края». М., 2001, с. 5.

6. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). (перевод Л.А. Боровковой) Пекин, 1975, глава 123, с. 3254.

7. Боровкова Л.А. Царства «Западного края», с. 97-117.

8. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3168-3169.

9. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3171.

10. Боровкова Л.А. Указ. раб., с. 130-132.

11. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3171-3172.
12. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3173.
13. Бань ГУ. Хань шу (История Хань) (Перевод Л.А. Боровковой). Пекин, 1964, гл.96/1, с.3692-3693.
14. Боровкова Л.А. Указ. раб., с.307-309.
15. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981, с.44-47.
16. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. До н.э. – УП в.н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989, с. 8-10
17. Боровкова Л.А. Указ. раб., с.179.
18. Боровкова Л.А. Указ. раб., с.180.
19. Chavannes E. Trois generaux chinoise de la dinastie han Orientaux // TP.-1907.-Vol.7.-P. 230-232.
20. Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии, с.132-134.
21. Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи) (на уйгурском языке). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1985, с. 9-16.
22. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с.3179.
23. Hackin J. Nouvelle recherches Archeologiques a Begram (1939-1940)/-Paris, 1954/ (MDAFA.-Т.11); Wheeler M. Rome beyond the Imperial Frontiers.-Harmoudsworth, 1955, p.194.
24. Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи) с. 9-16.
25. Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Earli History of the sasanian empire.-Berlin, 1924.-Vol.1.-P.42/
26. Васильев Л.С. История Востока. Том 1. М., 1998, с.167-168.
27. Майтдинова Г.М. О трансформации головного убора у древних кочевников (к истории одежды раннего средневековья)// Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990, с.132.
28. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975; Майтдинова Г. К интерпретации живописи Афрасиаба УП в. н.э. (сцена в лодке). Известия АН Тадж.ССР. 1984, №2, с.20
29. Альбаум Л.И. Указ. раб., с.52.
30. Майтдинова Г.М. Первый таджикский дипломат...из Гиссарской долины. // Мероси ниегон. 2001, № 5, с.58-59.

31. Низам-аль-мульк. Книга об управлении государством. Душанбе, 1998.

32. Ятимов С.С. Низам-аль-мульк: взгляды о личности, задачах и функциях посла. // Таджикистан и современный мир. Душанбе, 2008, № 1(16), с. 84.

ГЛАВА IV. Эволюция культуры Кирпанда

IV.1. Роль Кирпанда кушанского периода в синтезе культур Центральной Азии

1. Бичурин Н.Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы, 1997, с. 88

2. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1992., с.40 (на уйгурском языке).

3. Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription// Silk Road Art and Archaeology.-Vol.4-Kamakura, 1995/96y. P.75-142

4. Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (У в. до н.э. – нач. XX в. н.э.)-Душанбе, 2006, с.58.

5. Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций Центральной Азии // Мат-лы Междунар. научн. конф. «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия.- Душанбе, 2007, с.177-187.

6. Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии. М., 1992, с.43.

7. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев.- М., 2002, с. 246-247.

8. История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе, 1998, с. 443-445.

9. Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А. Одежда конца IV-V вв. из Старого Термеза // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1996, с.307-326.

10. Массой В.М. Первые цивилизации. Л., 1989, с.30-31.

11. Пуганченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства. // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с.246.

12. Пуганченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути//На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990. С.23-38.

13.Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.244.

14.История таджикского народа. Том 1.Древнейшая и древняя история. Душанбе,1998, с.435-436.

15.Ставиский Б. Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира.// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа.- М., 1990, с.8.

16.Пугаченкова Г. А. Буддийское искусство кушанской Бактрии. //Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб.,1999.с.41.

17.Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе..., с.9.

18.Мукерджи Б.Н. Имперские культы в Кушанской империи.// Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.177.

19. Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии.- Ташкент, 2008,с. 86-87.

20. Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.248-256.

21.Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии, с.150-158.

22.Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997,№ 3, с.3-10.

23.Фуссман Ж. Язык и культура при кушанах //МАИКЦА.Вып.15, М.,1988, с.52.

24.Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии, с.47-48.

25.Массон В.М. Средняя Азия и Индия:5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия //Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.115.

26.Гафуров Б.Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1. М., 1974, с.61-80; Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций... С. 89-91.

IV.2. Ренессанс культуры Кирпанда в эфталитский период

1. Курбан Ширин. Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти) /на уйгурском языке/. Урумчи, 1992, с.40.

2. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998, с. 156.

3. Beal S.Si-Yu-Ki. Buddhist Records on the Western World. Vol.1. London, 1906, p.39-41.

4. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянки степной бронзы в Южном Таджикистане //Успехи среднеазиатской археологии. Вып.1Л., 1972, с.88-89.

5. Литвинский Б.А. Настенная живопись Калаи – Кафирнигана//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с.116-138; Он же. Калаи-Кафирниган (раскопки 1976) // АРТ, Душанбе, 1982. Вып.16; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990, с.142-145; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985.

6. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990, с.142-145.

7. Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф. Жукова Л.И. и др. Христианство в Средней Азии//Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994, с.8-13.

8. Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология (Материальная культура Уструшаны. Вып 5-8). Душанбе, 2003; Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Раскопки Курукатских склепов //КСИА. 1978. Вып.15, с.579-580.

9. Матбобоев Б.Х. Фаргона водийси ахалисининг илк урта асрлар даври диний карашларини дафн маросимларида акс этиши (Мунчоктепа мисолида)//История материальной культуры Узбекистана. Вып.35. Ташкент, 2006, с.156-162; Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Том 1. Душанбе, 2004, с.42-45 и др.

10. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан, с.144.

11. Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986, с.122-125; Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, с.75;

12. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан, с.144.
13. Литвинский Б.А., Седов А. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984, с.156-157, 160-161)
14. Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялалангтуш-тепе//СА, 1983, №1, с.314.
15. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы //ВДИ, 3(222).М., 1997, с.4; Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в синтезе культур Центральной Азии. Душанбе, 2010, с.39-58; Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2008, с.143-153.
16. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с.53.
17. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан, с.146.
18. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999, с.134-135.
19. Бернштам А.Н. Историко- археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая// МИА, №26, с.283.
20. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999, с.146-149.
21. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан, с.154-160; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982, с.111; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. Великая степь, иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М., 2002, с.295-302.
22. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии, с.126-129.
23. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с.297-302.
24. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с. 300-312.
25. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с.312-313; Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии, с.123-126.
26. Шишкин В.А. Варахша, М., 1963, с.150-186.
27. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971.
28. Литвинский Б.А. Настенная живопись Калаи – Кафирнигана//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с.116-138;

29. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971, с.81-83, 163-164.
30. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с.320-323.
31. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с.127-128.
32. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии, с.116-118.
33. Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии: историко-художественное и лабораторное исследование. СПб., 1999.
34. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, с.162-163; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, 330-333.
35. Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971, илл.4-20.
36. Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Том 1. Душанбе, 2004.

ГЛАВА V. Роль Кирпанда в межцивилизационном диалоге на трассах Великого Шелкового пути

1. Бичурин Н.Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы, 1997, с. 88
2. Курбан Ширин Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1992., с.40 (на уйгурском языке).
3. Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription// Silk Road Art and Archaeology.-Vol.4-Kamakura, 1995/96y. P.75-142
4. Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (У в. до н.э. – нач. XX в. н.э.)-Душанбе, 2006, с.58.
5. Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций Центральной Азии // Мат-лы Междунар. научн. конф. «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия.- Душанбе, 2007, с.177-187; Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шелкового пути. Лондон, Штутгарт, Берлин, 1995, с.14-16.
6. Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии. М., 1992, с.43.

7. Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев.- М.,2002,с. 246-247.

8. История таджикского народа.Том 1.Древнейшая и древняя история. Душанбе,1998,с.,443-445.

9. Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А. Одежда конца IV-V вв. из Старого Термеза // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1996, с.307-326.

10. Массой В.М. Первые цивилизации. Л., 1989,, с.30-31.

11. Пуганченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства.//Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с.246.

12. Пуганченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути//На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990. С.23-38.

13.Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.244.

14.История таджикского народа.Том 1.Древнейшая и древняя история. Душанбе,1998, с.435-436. Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шелкового пути..;

15.Ставиский Б.Я.Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира.// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа.- М., 1990, с.8.

16.Пугаченкова Г.А.Буддийское искусство кушанской Бактрии. //Изучение культурного наследия Востока.Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб.,1999.с.41.

17.Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе..., с.9.

18.Мукерджи Б.Н. Имперские культы в Кушанской империи.// Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.177.

19. Ртвеладзе Э.Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии.- Ташкент, 2008,с. 86-87.

20. Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.248-256.

21.Ртвеладзе Э.Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии, с.150-158.

22.Симс-Вильямс Н.Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997,№ 3, с.3-10; Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шелкового пути. Лондон, Штутгард, Берлин, 1995, с.14-30

23.Фуссман Ж. Язык и культура при кушанах //МАИКЦА.Вып.15, М.,1988, с.52.

24.Ставиский Б.Я.Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии, с.47-48.

25.Массон В.М.Средняя Азия и Индия:5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия //Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.115.

26.Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций... С. 89-91.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД	- Автореферат докторской диссертации.
АКД	- Автореферат кандидатской диссертации.
АО	- Археологические открытия в СССР.
АРТ	- Археологические работы в Таджикистане.
ВАН	- Вестник Академии наук СССР.
ВДИ	- Вестник древней истории.
ГЭ	- Государственный Эрмитаж.
ЗВОРАО	- Записки Восточного отделения русского археологического общества.
ЗКВ	- Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук.
ИАК	- Известия археологической комиссии.
ИАН	- Известия Академии наук.
ИИАЭ	- Институт истории, археологии и этнографии.
ИМКУ	- История материальной культуры .
ИООН	- Известия Отделения общественных наук.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИВ	- Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИНА	- Краткие сообщения института народов Азии АН СССР.
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МАИКЦА	- Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР.
МКТ	- Материальная культура Таджикистана.
НАА	- Народы Азии и Африки.
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика.
ОНУ	- Общественные науки в Узбекистане.
ПВ	- Проблемы востоковедения.
РАН	- Российская Академия наук.
СА	- Советская археология.
СВ	- Советское востоковедение.

СГЭ	- Сообщения Государственного Эрмитажа.
СНВ	- Страны и народы Востока.
СТАКЭ	- Северо-Таджикская археологическая комплексная экспедиция.
СТАЭ	- Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.
СЭ	- Советская этнография.
ТАКЭ	- Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТАЭ	- Таджикская археологическая экспедиция.
ТВОРАО	- Труды Восточного отделения Русского археологического Общества.
ТИИА	- Труды Института истории и археологии.
ТОВГЭ	- Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТПЭ	- Таджикско-Памирская экспедиция.
УСА	- Успехи среднеазиатской археологии.
ЭВ	- Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ	- Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
АА	- Ars Asiatica.
BSO (A)S	- "Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)".
EW	- "East and West". Roma.
ИHQ	- "Indian Historical Quarterly. New Delhi.
JA	- "Journal asiatique".
JASB	- Journal of the Asiatic society of Bengal. New series. Calcutta.
MASI	- Memoirs of the Archaeological Survey of India. Delhi.
MDAFA	- Memoires de la Delegation Archeologique Francaise en Afghanistan/Le Cairo. Paris.
TP	- T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la geographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris-Leiden.